947
П-28

947
П28

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

116-27/VI 45 г.
390 2015/646

Колич. пре

Межбиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Московская Центральная
Публичная Библиотека

Дозв. цензурою . . . Сентября 1895 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подьяч. 39

СУВОРОВЪ.

П 34 г.
ЭК

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

На домъ не выдается

А. В. СУВОРОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ВОЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Л. Песковскаго.

8200
49 г.

Съ портретомъ Суворова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

947
П 28

ЦѢНА 25 КОП.

Центральное книгохранилище Моск. Об. Б-ки

Московская Центральная Публичная Библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1899.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Дозволе

Конч. предид. выдач.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Введеніе 5

I. Дѣтство, юность и время до боевой службы (1730—1758) 8

Время и мѣсто рожденія А. В. Суворова.—Жизнь въ родительскомъ домѣ.—Поступленіе въ военную службу.—Самообразованіе.—Практическое изученіе всего солдатскаго быта.—Производство въ офицеры.

II. Начало боевой службы и командованіе полкомъ (1758—1768) 13

Семилѣтняя война и армія союзниковъ.—Участіе Суворова въ этой войнѣ и отзывы о немъ.—Доставленіе имъ депешъ Екатеринѣ II.—Назначеніе его полковникомъ и полковымъ командиромъ.—Дѣятельность какъ командира.

III. Конфедератскія войны поляковъ (1768—1772) 18

Барская конфедерація.—Битва подъ Орѣховымъ.—Побѣда при Лонцкоронѣ; разгромъ Дюмурье.—Пораженіе арміи Огинскаго и бѣгство послѣдняго за границу.—Неблаговидныя выходки Веймарна противъ Суворова.—Капитуляція краковскаго замка.—Раздѣлъ Польши.

IV. Турецкая война (1773—1774) 26

Вовлеченіе Франціею Турціи въ войну съ Россіей.—Назначеніе Суворова на турецкій театръ войны.—Двѣ битвы подъ Туртукаемъ.—Гирсовскій постъ и большая побѣда.—Козлуджи и отъѣздъ Суворова изъ арміи.

V. Военно-административ. дѣятельность (1774—1787) . . 34

Поимка, доставка и казнь Пугачева; усмиреніе пугачевщины.—Дѣятельность на Кубани и въ Крыму.—Командировка въ Астрахань.—Закубанская экспедиція.—Дѣятельность въ Кременчугѣ и пріобрѣтеніе извѣстности.

VI. Вторая турецкая война (1787—1790) 41

Побѣда при Кинбурнѣ.—Разгромъ турецкаго флота.—Неудача подъ Очаковымъ.—Штурмъ Очакова.—Побѣда при Фокшанахъ.—Разгромъ турокъ въ Рымникѣ.—Суворовъ—графъ Рымникскій и священной Римской имперіи.—Взятіе Измаила и непримиримая вражда Потемкина.

СТРАН.

VII. **Инженеръ—по неволѣ** (1791—1794) 56

Суворовъ и Потемкинъ въ Петербургѣ.—Дѣятельность въ Финляндіи и крайняя неудовлетворенность ею.—Пребываніе въ Херсонѣ.—Новый выходъ къ боевой дѣятельности.

VIII. **Въ Польшѣ во время и послѣ войны** (1794—1795) . . 61

Состояніе польскаго театра войны при назначеніи Суворова.—Уничтоженіе отряда Сѣраковскаго.—Бой при Кобылкѣ.—Прагскій разгромъ.—Капитуляція Варшавы.—Обезоруженіе и умиротвореніе Польши.

IX. **Рѣзкія превращенія** (1796—1799) 69

Дѣятельность Суворова въ Финляндіи и Тульчинѣ.—Восшествіе на престолъ Павла Петровича; его особенности.—Увольненіе Суворова отъ службы.—Пребываніе его въ селѣ Кончанскомъ.

X. **Въ чужихъ краяхъ** (1799) 78

Назначеніе Суворова главнокомандующимъ союзной арміи.—Итальянскій театръ войны.—Побѣды надъ французами.—Суворовъ—князь Италійскій.—Предоставленіе ему царскихъ воинскихъ почестей.

XI. **Безпримѣрная слава, опала и смерть** (1799—1800) . . . 88

Всеобщее прославленіе Суворова.—Вѣроломство и предательство Австріи.—Швейцарская экспедиція, какъ сплошной побѣдный путь.—Побѣда надъ французами и надъ коварствомъ австрійцевъ.—Возвращеніе въ Россію.—Опала.—Смерть.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ ряду русскихъ замѣчательныхъ людей *Александръ Васильевичъ Суворовъ* очень рѣзко выдѣляется во всѣхъ отношеніяхъ. Особенно ярко и внушительно проявилось это въ возвышеніи Суворова, заурядnаго русскаго дворянина, до *княжескаго* достоинства и степени *фельдмаршала* и *генералиссимуса*, съ присвоеніемъ ему притомъ званія «*принца*» и «*царскихъ почестей*». Такое возвышеніе произошло наперекоръ очень сложнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, преслѣдовавшимъ Суворова всю жизнь,—*взято съ боя.*

Суворовъ—изумительно *цѣльный типъ* «военнаго человѣка» вообще, и буквально *единственный* въ міровой исторіи войнъ примѣръ *солдата-фельдмаршала-генералиссимуса.* Всѣ личныя его качества, свойства, понятія, привычки и потребности—все было тщательно выработано имъ самимъ и примѣнено именно къ потребностямъ военнаго дѣла, которое—какъ увидимъ ниже—съ дѣтскихъ лѣтъ уже играло первенствующую роль во всей его жизни, руководило имъ. Всецѣло увлеченный и поглощенный военнымъ дѣломъ, онъ понималъ его очень широко и возвышенно, ставя себѣ задачею и цѣлью достиженіе того уровня, на которомъ стоятъ величайшіе полководцы во всемірной исторіи. И въ его лицѣ мы видимъ изумительный примѣръ упорства и успѣха въ преслѣдованіи и достиженіи указанной задачи и цѣли. Онъ, при обширномъ общемъ развитіи и богатомъ запасѣ знаній по всевозможнымъ отраслямъ, обладалъ еще и энциклопедическими, можно сказать, военными познаніями по всѣмъ отраслямъ, не исключая даже дѣла морского, инженернаго и проч.

Вообще же Суворовъ стоялъ на такой высотѣ, что немногіе не только изъ русскихъ, но и изъ западно-европейскихъ генераловъ того времени могли выдержать съ нимъ сравненіе. Это само собою доказывается всею совокупностью дѣятельности Суворова, его обширнѣйшею перепискою на всевозможныхъ языкахъ (до итальянскаго, финскаго и турецкаго включительно), съ разнообразными

лицами высшаго круга въ Россіи и за границею, по вопросамъ капитальнѣйшей важности. Хотя Суворовъ не получилъ *дипломнаго* военнаго образованія, но путемъ самообразованія онъ не только достигъ самаго виднаго и почетнаго положенія въ военномъ отношеніи, но и занялъ даже совершенно *уединенное* мѣсто во всей исторіи военнаго дѣла. Самостоятельно изучая тѣ же самые историческіе образцы, по которымъ учились и другіе, онъ однако, подъ вліяніемъ горячей любви и преданности дѣлу, извлекъ изъ этого пользу значительно больше другихъ. Привнесши въ это дѣло большую долю своей *индивидуальности*, онъ создалъ *новое* «военное искусство», которое такъ и прозвано «суворовскимъ». Сущность его состоитъ въ такомъ обученіи солдатъ, что они напередъ получаютъ опредѣленное понятіе о томъ, что̀ можетъ встрѣтиться имъ на войнѣ, а равно и о томъ, какъ имъ вести себя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Это—та именно «*наука побѣждать*», которая обучала солдатъ только тому, чтобы идти *впередъ* и *впередъ* (атака и штурмъ), и изъ которой безусловно было изгнано все, что̀ касается движенія назадъ (отступленія).

Онъ превосходно зналъ солдатскую душу и *безусловно* владѣлъ и распоряжался ею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ былъ *первымъ* и *совершеннѣйшимъ* солдатомъ, какъ живой примѣръ и образецъ для всего войска. Онъ былъ чрезвычайно щедро награжденъ всѣми чисто-военными качествами, какъ то: настойчивымъ починомъ, упорною энергіею, мужествомъ и личною храбростью, такъ что невозможно назвать такого военнаго качества, которымъ не обладалъ бы Суворовъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію военныхъ спеціалистовъ, Суворовъ въ указанномъ отношеніи не имѣлъ даже образца, такъ какъ ни одинъ изъ величайшихъ полководцевъ не представлялъ собою такого «полнаго и цѣльнаго типа военнаго человѣка, какъ Суворовъ». Но не это однако обстоятельство обособляетъ Суворова въ военной исторіи, какъ совершенно своеобразный «*самородокъ*», а главнымъ образомъ то, что, во все время своей военной службы, онъ велъ чисто-солдатскую жизнь. Онъ дѣлалъ это прямодушно, искренно, безъ всякой задней мысли и цѣли, именно потому, что вообще не признавалъ надобности обставлять свою жизнь лучше лагернаго образца, и находилъ, что именно солдатская жизнь какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ условіямъ и потребностямъ военнаго человѣка.

Являясь основателемъ новой военной школы, Суворовъ не только прославился на весь міръ своею непобѣдимостью, но и оказалъ государству очень важныя услуги какъ въ дѣлѣ усмиренія серьезныхъ внутреннихъ смутъ, такъ и въ отношеніи расширенія

территоріальныхъ владѣній. Въ общемъ же, значеніе этихъ услугъ Суворова было такъ велико, что, благодаря именно имъ, политическое значеніе Россіи разомъ выросло въ глазахъ Европы. Какъ только геніальный полководецъ заставилъ всю Европу обратить вниманіе на поразительные успѣхи русскаго оружія,—въ связи и соотвѣтствіи съ этимъ явственно возросъ также и весь политическій престижъ Россіи.

Что-же касается до обаянія самой личности Суворова въ Западной Европѣ, то, помимо необычайной повсемѣстной его популярности, въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно-же въ Англіи и отчасти въ Италіи, дѣло прямо-таки доходило до *поклоненія* ему.

Короче говоря, и сама по себѣ личность Суворова, какъ геніальнѣйшаго изъ полководцевъ, и его славные подвиги и военныя доблести, имѣющіе историческое значеніе для всей Европы, и наконецъ продолжительный (болѣе чѣмъ полувѣковой) періодъ, въ который произошло все это, заставляютъ оглянуться изъ столѣтней уже дали на это прошлое, весьма поучительное во всѣхъ отношеніяхъ.

Къ удивленію, въ исходѣ цѣлаго столѣтія со дня смерти Суворова, мы имѣемъ всего одинъ памятникъ ему (у Троицкаго моста, въ Петербургѣ), да притомъ еще вовсе не соотвѣтствующій ни его генію, ни его своеобразной личности, ни его сорокалѣтней боевой дѣятельности. Памятникъ этотъ, заказанный еще при жизни Суворова, былъ сооруженъ въ 1801 году, по мысли императора Павла, чтобы увѣковѣчить этимъ память о подвигахъ знаменитаго генералиссимуса въ Италіи и Швейцаріи. Художникъ довольно удачно воплотилъ въ немъ идею кампаніи 1799 года, въ смыслѣ заступничества русскаго правительства за разрушенные троны Италіи. Русскій фельдмаршалъ-генералиссимусъ изображенъ римскимъ воиномъ, прикрывающимъ своимъ щитомъ и мечомъ пьемонтскую и сардинскую короны и папскую тіару. Но этотъ памятникъ, не воплощая въ себѣ цѣликомъ фигуры этого колоссальнѣйшаго русскаго героя, «*чудо-богатыря*», ровно ничего не даетъ для національнаго русскаго чувства, не заключая въ себѣ и признака чего-нибудь народнаго, оставляя совершенно свободнымъ мѣсто для такого увѣковѣченія памяти Суворова, чтобы въ немъ отразилась признательность отечества за сорокалѣтнюю защиту его отъ «внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ». Вмѣстѣ же съ тѣмъ въ этомъ увѣковѣченіи памяти должна сказаться и благодарность Россіи за ту славу, которою онъ покрылъ русское оружіе и русское имя.

Наконецъ, нужно еще имѣть въ виду, что заслуги Суворова передъ отечествомъ отнюдь не исчерпываются только боевою его

дѣятельностью: напротивъ, помимо этого, даже и современная русская армія очень много обязана геніальному почину Суворова и его упорной самодѣятельности гуманными пріемами обученія и воспитанія войскъ. Къ величайшему прискорбію, эта сторона дѣла очень долго оставалась въ тѣни и чуть не въ забвеніи послѣ смерти Суворова. И только въ недавнее время, подъ вліяніемъ печатныхъ трудовъ нѣкоторыхъ военныхъ спеціалистовъ, начинаютъ по достоинству оцѣнивать то наслѣдіе, которое оставилъ по себѣ Суворовъ всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ.

Лица, наиболѣе авторитетныя въ военномъ отношеніи, удостовѣряютъ, что «личное присутствіе Суворова, даже одно его имя, производили на войска чарующее дѣйствіе». Они сравниваютъ его съ «*талисманомъ*, который довольно развозить по войскамъ, чтобы побѣда была обезпечена»...

Такимъ, въ общихъ чертахъ, встаетъ передъ нами образъ Суворова черезъ столѣтіе со дня его смерти. Это въ полномъ смыслѣ славный и заслуженный *русскій витязь*, *богатырь* всѣмъ богатырямъ—по величію духа, по высотѣ и шири гражданскихъ стремленій и цѣлей...

I.

Дѣтство, юность и время до боевой службы

(1730—1758).

Время и мѣсто рожденія А. В. Суворова.—Жизнь въ родительскомъ домѣ.—Поступленіе въ военную службу.—Самообразованіе.—Практическое изученіе всего солдатскаго быта.—Производство въ офицеры.

Суворовъ происходитъ изъ дворянскаго рода средней руки по положенію и по достатку. Родоначальникомъ же Суворовыхъ былъ шведъ Юда Суворъ, поселившійся въ московской области во время княженія тамъ Семена Гордаго. Родился Александръ Васильевичъ въ Москвѣ, 30-го ноября 1730 года. Онъ рано лишился матери. Несомнѣнно однако, что домашнее воспитаніе его, не менѣе какъ до 13—14 лѣтъ, протекло подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери, повидимому, при полнѣйшемъ невмѣшательствѣ отца, Василія Ивановича, всецѣло поглощеннаго хозяйственными дѣлами по своему имѣнію, т. е. дѣятельнымъ и успѣшнымъ расширеніемъ его.

Повидимому, онъ былъ недоволенъ сыномъ въ пору его дѣтства и смотрѣлъ на него, какъ на *неудачника*. У мальчика, еще въ самомъ раннемъ возрастѣ, едва онъ сталъ овладѣвать простою грамотою, ясно проявилась большая склонность ко всему военному.

Отецъ же, наоборотъ, рѣшилъ, что сынъ его безусловно не пригоденъ для военной службы, такъ какъ онъ былъ «ростомъ малъ, хилъ, тощъ, плохо сложенъ и не красивъ». Мальчикъ же между тѣмъ, въ возрастѣ около 11-ти лѣтъ, обнаруживалъ все большее и большее пристрастіе къ военному дѣлу, совершенно отстраняясь отъ дѣтскаго сообщества и всячески стараясь уединиться для чтенія книгъ исключительно военнаго характера.

Обособленность мальчика, страсть къ уединенію, сосредоточенность не по лѣтамъ и отдаленныя прогулки—рѣзко бросались въ глаза, а главное—вызывали со стороны отца выговоры, замѣчанія, запрещенія и проч. Мальчикъ еще болѣе уходилъ въ себя, замыкался въ своемъ внутреннемъ мірѣ и всецѣло отдавался излюбленному имъ военному дѣлу, пріобрѣвшему теперь для него особенную прелесть, въ качествѣ запрещеннаго плода.

Въ эту именно пору Василія Ивановича посѣтилъ старинный его пріятель, генералъ Ганнибалъ, изъ негровъ, питомецъ Петра Великаго. Въ виду жалобъ старика-Суворова на сына, онъ очень заинтересовался послѣднимъ. Переговоривъ же потомъ съ нимъ и познакомившись съ его книгами,—онъ убѣдился въ серьезной его любви къ военному дѣлу. Разъяснивъ это отцу его, Ганнибалъ вмѣстѣ съ тѣмъ посовѣтовалъ ему не противодѣйствовать стремленіямъ сына къ военному поприщу, а, напротивъ,—всячески содѣйствовать этому. Когда ему исполнилось 12 лѣтъ, онъ былъ записанъ, въ 1742 году, въ Семеновскій полкъ рядовымъ; но поступилъ туда только черезъ три года, когда ему исполнилось 15 лѣтъ.

Въ раннюю пору дѣтства, еще до 11-ти-лѣтняго возраста, Суворовъ нѣсколько познакомился съ нѣкоторыми новыми языками. Этимъ, равно какъ и всѣмъ вообще первоначальнымъ обученіемъ, онъ обязанъ своей матери.

Путемъ чтенія, Суворовъ успѣлъ, до поступленія въ полкъ (до 15-ти-лѣтъ), самостоятельно ознакомиться: съ Плутархомъ, Корнеліемъ Непотомъ, съ дѣятельностью Александра Македонскаго, Цезаря, Аннибала и другихъ наиболѣе замѣчательныхъ полководцевъ, съ походами Монтекукули, Карла XII, Тюрена, Конде, маршала Саксонскаго, принца Евгенія и многихъ другихъ. Хотя центромъ его самообразованія была именно военная исторія, тѣмъ не менѣе онъ весьма дѣятельно работалъ также надъ пополненіемъ своего общаго образованія. Исторію и географію, напримѣръ, онъ изучалъ по Гюбнеру и Роллену, философію—по Лейбницу и Вольфу.

Со времени перваго пробужденія сознанія въ раннюю дѣтскую пору и буквально до смертнаго одра—Суворовъ безпрерывно былъ

увлеченъ, всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, *неудержимымъ стремленіемъ* впередъ и впередъ. Это стремленіе объясняется тѣмъ, что, еще въ пору ранняго дѣтства, подъ вліяніемъ счастливаго выбора чтенія, передъ умственнымъ его взоромъ вдругъ загорѣлась заманчиво-яркая и привлекательная *свѣтлая точка*, которая, все ширясь и разгораясь, разрослась наконецъ въ опредѣленную *задачу* и *цѣль* жизни, безъ которой онъ вовсе уже не могъ жить. Примѣры же тѣхъ великихъ людей, дѣяніями которыхъ онъ воспитывался, наглядно показывали ему необходимость именно образованія, какъ самаго могущественнаго фактора въ жизни, открывающаго пути къ избранной цѣли и дающаго всѣ средства для достиженія ея. Вслѣдствіе этого, строго говоря, вся его жизнь это—даже и *не жизнь* въ общепринятомъ смыслѣ, а какое то умственное и нравственное *перегораніе*, подъ вліяніемъ военной страсти, въ безпрерывномъ стремленіи къ *военной славѣ*...

Вступивъ въ полкъ, онъ сразу сдѣлался *заправскимъ* солдатомъ. Онъ съ радостью, съ увлеченіемъ занялся изученіемъ всего того, что̀ кажется другимъ въ солдатской службѣ тяжелымъ, грубымъ, скучнымъ и мелочнымъ. Онъ съ любовью исполнялъ всѣ обязанности солдата, тяжелыя и легкія, изыскивая способы и средства, чтобы какъ можно больше знакомиться даже и съ такими сторонами солдатскаго житья-бытья, знаніе которыхъ не обязательно. Ему же нужно было все это во имя той великой цѣли, которая безпрерывно свѣтилась передъ нимъ гдѣ-то въ безконечной дали и неудержимо влекла его къ себѣ. Въ его программу входило и самое тщательное изученіе солдатской среды, со всѣми ея привычками, обычаями, понятіями, вѣрованіями—до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ солдатскаго быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень вдумчиво изучалъ воинскіе уставы и постановленія. Живя на вольной квартирѣ, а не въ казармѣ, онъ однако съ педантичною точностью и усердіемъ, безъ малѣйшихъ упущеній, несъ всю строевую службу, акуратно бывалъ на строевыхъ ученіяхъ и въ караулахъ, вмѣстѣ съ нижними чинами исполнялъ всѣ ихъ служебные труды и черныя работы.

Короче говоря, онъ былъ въ полномъ смыслѣ *образцовымъ* солдатомъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что лучше даже самыхъ крѣпкихъ здоровяковъ переносилъ всевозможныя лишенія, усталость, голодъ, холодъ и проч. Онъ явно отличался отъ другихъ солдатъ молодцеватымъ, изящнымъ видомъ, и обращалъ на себя вниманіе. Такъ напримѣръ, императрица Елизавета Петровна замѣтила его, когда онъ стоялъ на часахъ у Монплезира, въ Петергофѣ. Проходя мимо, императрица спросила, какъ его зовутъ. Услыхавъ, что онъ—

сынъ Василія Ивановича, котораго она знала, вынула рубль, съ намѣреніемъ отдать его Суворову. Но тотъ отказался, сказавъ, что, по уставу, караульный не имѣетъ права брать денегъ. Императрица похвалила его за «знаніе службы», потрепала по щекѣ, дала ему поцѣловать свою руку, и положила рубль на землѣ, сказавъ: «какъ смѣнишься, такъ возьми». Суворовъ всю жизнь хранилъ эту монету.

Разносторонне изучая военное дѣло, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно работалъ для пополненія и расширенія общаго образованія. Насколько извѣстно, онъ посѣщалъ лекціи кадетскаго корпуса. Но главнымъ образовательнымъ средствомъ его были самостоятельныя, домашнія научныя занятія, частью при помощи покупаемыхъ книгъ, въ большинствѣ же случаевъ—посредствомъ книгъ, добываемыхъ на сторонѣ: въ полку, въ кадетскомъ корпусѣ—словомъ, гдѣ только была хоть какая-нибудь къ этому возможность.

Эта работа была такъ упорна, что, во все время пребыванія въ полку, Суворовъ рѣшительно нигдѣ не бывалъ, кромѣ корпуса и службы, посвящая весь отдыхъ самообразованію у себя на дому. Въ результатѣ такой самодѣятельности, оказалось, что, ко времени наступленія 20-ти-лѣтняго возраста, онъ обладалъ уже такимъ прочнымъ, обширнымъ, разностороннимъ образованіемъ, какого не могло дать ему ни одно изъ существовавшихъ тогда учебныхъ заведеній,—никто, и ничто, кромѣ личной его доброй воли. Помимо общеобразовательныхъ предметовъ, основательно была изучена также и Библія, весь циклъ церковныхъ службъ, весь церковный обиходъ.

Солдатскую лямку Суворовъ тянулъ чуть не десять лѣтъ (съ 1745 года по 15 апрѣля 1754 года), когда онъ наконецъ былъ произведенъ въ офицеры. Ему было тогда уже около 25 лѣтъ. Дворянскія же дѣти въ то время легко достигали къ такому возрасту генеральскихъ чиновъ. Несомнѣнно, что и Суворовъ несравненно раньше могъ бы быть произведенъ въ офицеры, еслибы желалъ этого, тѣмъ болѣе, что, съ первыхъ же дней своей солдатской службы, онъ былъ на самомъ лучшемъ счету, и ему давались обыкновенно весьма серьезныя и важныя порученія. По личному его удостовѣренію, онъ, «состоя въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, исправлялъ разныя должности и трудныя посылки». Произведенный въ 1751 году въ сержанты, онъ былъ посланъ въ 1752 году въ Дрезденъ и Вѣну съ депешами, гдѣ и пробылъ болѣе полугода (съ марта по октябрь).

Продолжительное пребываніе Суворова солдатомъ было дѣломъ личнаго его желанія, вполнѣ отвѣчало его намѣреніямъ—детальнѣйшимъ образомъ извѣдать личнымъ своимъ опытомъ все то, что приходится дѣлать солдату, помимо прямыхъ его обязанностей. По-

нятно, что никакія учебныя заведенія, никакія книги не могли замѣнить ему въ этомъ отношеніи личнаго опыта. И, познакомившись съ дѣломъ не поверхностно, а по существу, Суворовъ *открылъ* въ русскихъ солдатахъ драгоцѣннѣйшія качества души, и такъ искренно полюбилъ ихъ, такъ задушевно привязался къ нимъ, что во всю жизнь, буквально до гробовой доски, остался вѣренъ *солдатскому режиму*, который онъ, именно во имя *полнаго и органическаго единенія съ войскомъ* и сліянія съ нимъ, прямо-таки *впиталъ въ плоть и кровь свою*. Вотъ почему Суворовъ-*капралъ* и Суворовъ-*непобѣдимый генералиссимусъ* — все-таки оставался однимъ и тѣмъ же *солдатомъ*, такъ какъ ему всегда одинаково были близки и дороги солдатскіе интересы, тяготы, скорби и нужды.

Вотъ почему Суворовъ всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ относился къ солдатамъ не какъ къ безсловесному стаду, а какъ къ разумнымъ существамъ, — и вдохновлялъ ихъ, руководилъ ими, такъ что каждый изъ нихъ дѣйствовалъ сознательно, понимая, что̀, почему и для чего онъ дѣлаетъ. Суворовъ былъ великимъ педагогомъ-психологомъ. Являясь въ этомъ отношеніи *первымъ* въ ряду величайшихъ полководцевъ, Суворовъ и до настоящаго времени остается *единственнымъ*.

По производствѣ въ офицеры, Суворовъ былъ переведенъ поручикомъ изъ Семеновскаго полка въ Ингерманландскій пѣхотный. Но вскорѣ же (въ январѣ 1756 г.) его повысили въ оберъ-провіантмейстеры и послали въ Новгородъ; въ октябрѣ того же года сдѣлали генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ, съ «состояніемъ» при военной коллегіи; въ декабрѣ переименовали въ премьеръ-маіоры. Этотъ перечень между прочимъ доказываетъ, что Суворовъ, подшучивая надъ своимъ запоздалымъ производствомъ въ офицеры, справедливо говаривалъ: «я не прыгалъ съ молоду, за то прыгаю теперь». Эти «прыжки» въ заслугахъ вскорѣ же сдѣлались прямо-таки гигантскими, такъ что онъ не только быстро наверстaлъ упущенное въ чиноизводствѣ, но и далеко обогналъ длинный рядъ лицъ, которыя, при производствѣ его въ офицеры, были въ генеральскихъ чинахъ.

Еще дѣятельнѣе, чѣмъ прежде, продолжалъ Суворовъ свое самообразованіе и развитіе послѣ производства въ офицеры. Вообще исторіи и литературѣ онъ всегда отводилъ самое почетное мѣсто, и прекрасно зналъ произведенія всѣхъ выдающихся писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, насколько этого можно было достигнуть по обстоятельствамъ того времени. Но онъ не только очень много читалъ, вообще внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что̀ совершается въ жизни, а также и довольно успѣшно пробовалъ писать. Два его

литературныхъ труда, такъ называемые «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ» (излюбленная форма того времени), помѣщены въ 1756 году въ первомъ русскомъ журналѣ, издававшемся при академіи наукъ, подъ названіемъ «Ежемѣсячныя сочиненія». «Разговоры» эти были написаны имъ въ 1755 году и доложены въ «Обществѣ любителей русской словесности», при кадетскомъ корпусѣ, гдѣ автору, конечно, пришлось выдержать цѣлый диспутъ.

Вообще въ эту пору у Суворова было значительное знакомство съ литературнымъ міромъ, причемъ онъ былъ довольно близокъ съ Дмитріевымъ, а съ Херасковымъ—даже и въ дружественныхъ отношеніяхъ. Эта малозначущая сама по себѣ черта имѣетъ серьезное значеніе для оцѣнки самообразованія Суворова, представляя своего рода «*аттестатъ зрѣлости*». Самоучка-Суворовъ стоялъ съ названными литераторами на одномъ уровнѣ, былъ *равноправенъ* имъ по развитію и литературной подготовкѣ.

II.

Начало боевой службы и командованіе полкомъ

(1758—1768).

Семилѣтняя война и армія союзниковъ. — Участіе Суворова въ этой войнѣ и отзывы о немъ.—Доставленіе имъ депешъ Екатеринѣ II.—Назначеніе его полковникомъ и полковымъ командиромъ.—Дѣятельность какъ командира.

Время выступленія Суворова на боевое поприще было очень смутнымъ. Это—такъ называемая семилѣтняя война, которую вела общеевропейская коалиція (Австрія, Франція, Швеція, Саксонія, Польша, большая часть германскихъ князей, а затѣмъ присоединилась и Россія) противъ маленькой Пруссіи, только въ началѣ XVIII вѣка добившейся степени королевства. Эта война представляла невообразимо-пеструю смѣсь разнообразныхъ національностей, а равно и поразительное несоотвѣтствіе, съ одной стороны, такого блестящаго военнаго дарованія, какъ Фридрихъ Великій, съ другой—повальной бездарности почти всѣхъ полководцевъ союзной арміи. Въ этой войнѣ и пришлось Суворову начать свое боевое поприще.

Онъ самъ добивался назначенія въ дѣйствующую армію, и въ 1759 г., въ чинѣ подполковника, былъ назначенъ къ генералъ-аншефу (полному генералу) графу Фермору по штабной части (вродѣ начальника штаба, котораго однако тогда вовсе у насъ еще не было). Такимъ образомъ передъ нимъ былъ открытъ весь ходъ войны, всѣ ея рычаги и пружины,—и ему представилась глубоко-печальная и возмутительная картина. Армію союзниковъ разъединялъ раз-

доръ, полное отсутствіе даже намека на солидарность и желаніе дѣйствовать за-одно. Всѣ вообще военачальники вовсе не умѣли пользоваться своими побѣдами. Если даже кому-нибудь изъ нихъ и случалось одержать болѣе или менѣе значительную побѣду,—дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что одержавшій побѣду или оставался на занимаемомъ имъ мѣстѣ, или даже отступалъ, обыкновенно крайне безпорядочно, такъ что потери при отступленіяхъ превышали иногда даже потери отъ самыхъ жестокихъ пораженій. Что-же касается собственно русской арміи, то, если она и одерживала побѣды,—это исключительно обусловливалось природною храбростью русскихъ солдатъ, но отнюдь не дѣятельностью военачальниковъ.

Первое дѣло, происходившее въ іюлѣ 1759 года, на глазахъ только-что прибывшаго въ армію Суворова, заключалось въ занятіи Кроссена (въ Силезіи). Затѣмъ въ августѣ произошло жесточайшее сраженіе при Кунерсдорфѣ,—первое, въ которомъ пришлось участвовать Суворову. Это было въ полномъ смыслѣ *побоище* съ обѣихъ сторонъ. Фридрихъ, не зная, что у союзниковъ армія состояла изъ 80.000 человѣкъ, бросился на нее съ арміею въ 48.000 человѣкъ, и былъ сильно разбитъ, такъ что и самъ едва не попалъ въ плѣнъ. Съ обѣихъ сторонъ—около 35,000 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ. Судьба Пруссіи была такимъ образомъ въ рукахъ главнокомандующаго русскою арміею Салтыкова, назначеннаго за отказомъ Фермора, бывшаго до этого главнокомандующимъ. Но Салтыковъ бездѣйствовалъ и затѣмъ отступилъ. Удивленный этимъ Суворовъ сказалъ Фермору: «На мѣстѣ главнокомандующаго, я бы сейчасъ пошелъ на Берлинъ».

Какъ ни мелки были тѣ стычки, въ которыхъ приходилось участвовать Суворову, съ момента появленія его въ Силезіи, тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ уже обратить на себя вниманіе многихъ, въ томъ числѣ между прочимъ и генерала Берга. Этотъ послѣдній, получивъ въ командованіе легкій корпусъ, сталъ просить Суворова къ себѣ. По этому поводу отъ Бутурлина, смѣнившаго Салтыкова въ командованіи арміею, послѣдовалъ въ сентябрѣ 1761 года слѣдующій приказъ:

«Такъ какъ генералъ-маіоръ Бергъ выхваляетъ особливую способность подполковника казанскаго пѣхотнаго полка Суворова, то явиться ему въ команду означеннаго генерала.»

Корпусъ Берга отправился на Бреславль, прикрывая собою ничѣмъ не вызванное и не оправдываемое отступленіе русскихъ войскъ. Этотъ походъ представлялъ буквально сплошной рядъ подвиговъ Суворова, завершившихся геройскимъ занятіемъ города Галь-

нау, подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, причемъ Суворовъ получилъ двѣ раны.

Вскорѣ послѣ этого Суворову достался во временное командованіе Тверской драгунскій полкъ, до выздоровленія полкового его командира. Съ этимъ полкомъ онъ имѣлъ рядъ болѣе или менѣе значительныхъ столкновеній съ войсками Платена и Кольберга. Наконецъ, 16-го декабря 1761 года, Кольбергъ сдался,—и кампанія этого года была закончена. Командиръ Тверского драгунскаго полка выздоровѣлъ, и Суворовъ обратно сдалъ ему полкъ. Вмѣсто этого, ему поручено было командованіе архангелогородскими драгунами.

Суворовъ въ это время имѣлъ уже большую и прочную славу во всей арміи. Тамъ этого подполковника всѣ союзныя войска знали несравненно больше, чѣмъ любого изъ русскихъ генераловъ.

Со смертью императрицы Елизаветы Петровны (въ декабрѣ 1761 года), война была моментально прервана,—и Фридрихъ Великій (силы котораго были окончательно истощены) былъ спасенъ вступившимъ на престолъ Петромъ III, безгранично преклонявшимся передъ нимъ. Но едва Петръ III успѣлъ заключить сначала перемиріе, а потомъ—миръ, какъ на престолъ вступила Екатерина II, сразу объявившая себя *нейтральнаго* и предложившая *всѣмъ мириться*. Суворовъ возвратился въ Петербургъ въ качествѣ посла съ депешами въ 1762 году, лично представился императрицѣ Екатеринѣ II, и собственноручнымъ ея приказомъ 26-го августа произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Астраханскаго полка. Но это назначеніе оказалось временнымъ, только на тотъ промежутокъ, пока Екатерина II ѣздила въ Москву короноваться. Въ это время названный полкъ оставался въ Петербургѣ для караульной службы. Съ возвращеніемъ-же императрицы, 6-го апрѣля 1763 года, Астраханскій полкъ въ Петербургѣ былъ смѣненъ Суздальскимъ, командиромъ котораго былъ назначенъ Суворовъ-же. Онъ сразу горячо принялся за общее упорядоченіе полка, главное-же—за обученіе солдатъ, что̀ и не замедлило дать ощутительные результаты. Осенью того же года государыня производила смотръ Суздальскому полку, и осталась имъ вполнѣ довольна.

Такъ началось осуществленіе Суворовымъ своего намѣренія придать полку совершенно особый, отличный характеръ. Чего нельзя было достигнуть при столичной жизни полка, было пополнено во время пребыванія его въ Ладогѣ, съ осени 1764 до лѣта 1765 года. Въ концѣ-же концовъ, какъ доказали красносельскіе маневры 1765 года, Суворовъ, втеченіе полуторыхъ лѣтъ, несомнѣнно поставилъ уже полкъ на свою «суворовскую» ногу, такъ что на манев-

рахъ Суздальскій полкъ выгодно выдѣлился изъ всѣхъ другихъ главнымъ образомъ подвижностью и быстротою. На этихъ маневрахъ, гдѣ собрано было около 30.000 человѣкъ войска, Суворовъ и его полкъ играли самую видную роль,—какъ это и засвидѣтельствовано въ оффиціозной брошюрѣ, посвященной описанію этихъ знаменитыхъ маневровъ, гдѣ не только присутствовала, но и принимала активное участіе сама государыня. Суворовъ-же съ пѣхотою и артиллеріею производилъ наступательное движеніе, занимая высоты одну за другою и очищая путь Екатеринѣ для осмотра непріятельскихъ позицій.

Такимъ образомъ А. В. Суворовъ былъ уже хорошо извѣстенъ лично государынѣ, какъ выдающійся военный человѣкъ. Она сразу поняла и оцѣнила его такимъ. Во время пріѣзда Суворова въ Петербургъ, въ мартѣ 1765 года, онъ былъ представленъ наслѣднику престола, Павлу Петровичу.

По возвращеніи съ маневровъ въ Ладогу, Суздальскій полкъ оставался на своихъ постоянныхъ квартирахъ втеченіе трехъ лѣтъ. Это было главнымъ временемъ дѣятельности Суворова, какъ полкового командира. Пользуясь полномочіями, предоставленнымъ въ ту пору полковымъ командирамъ, онъ посвятилъ буквально всего себя на одновременное созданіе въ полку: разумной матеріальной обстановки; полезнаго для цѣлей войны строевого обученія войска; наконецъ, нравственнаго воспитанія солдатъ.

Быстро и много сдѣлалъ Суворовъ въ Ладогѣ для своего полка. Прежде всего, онъ выстроилъ полковую церковь и особое зданіе для двухъ школъ: *одной*—для дворянскихъ дѣтей, *другой*—для солдатскихъ. Самъ-же сдѣлался преподавателемъ. Онъ не только преподавалъ ариѳметику, но и написалъ учебникъ ея. Кромѣ того составилъ молитвенникъ для солдатъ и коротенькій катехизисъ; вѣроятно самъ-же преподавалъ и законъ Божій. Наконецъ, Суворовъ развелъ полковой садъ на безплодномъ пескѣ и построилъ конюшни для полковыхъ лошадей. Все это было послѣдствіемъ *идеальной бережливости* со стороны полкового командира какъ въ отношеніи *полковыхъ средствъ*, которыя при этомъ условіи даютъ значительные остатки, такъ и въ отношеніи *солдатскаго времени*, разумно пользуясь которымъ можно создавать, съ большою пользою для солдатъ, цѣлыя сооруженія. Солдаты въ Суздальскомъ полку, по общему отзыву, были *образцовыми* во всѣхъ отношеніяхъ. Сытые, хорошо содержимые, они рѣзко бросались въ глаза своею бодростью, оживленностью, развязностью и расторопностью, равно какъ и замѣчательно опрятнымъ видомъ. Командиръ ихъ, по принципу опрятный до педантизма, училъ каждаго изъ нихъ, какъ чиститься, обшиваться, мыться и т. под.

Словомъ, заботы Суворова о матеріальномъ положеніи солдатъ—выше похвалы, потому что онъ въ этомъ отношеніи служилъ своей солдатской братіи положительно съ самоотверженіемъ. Но даже и эта заслуга, какъ великій и поучительный примѣръ, заслонялась спеціально *воспитательною* дѣятельностью Суворова въ своемъ Суздальскомъ полку. Эта послѣдняя не замедлила распространиться на громадный кругъ русской арміи, обусловивъ собою длинный рядъ громкихъ и славныхъ побѣдъ. Наконецъ, основные начала и принципы военно-педагогической дѣятельности Суворова продолжаютъ жить до настоящаго времени и останутся въ силѣ, пока будутъ существовать на свѣтѣ войны.

Семилѣтняя война,—какъ сказано уже,—съ ея ошибками и отрицательными сторонами была наилучшею военною школою для Суворова. Медленность, нерѣшительность, боязнь непріятеля, отсутствіе живой, руководящей идеи,—все это только болѣе и болѣе укрѣпляло воззрѣнія Суворова на военное дѣло, его организацію и постановку во всѣхъ отношеніяхъ, со всѣми родами войскъ и оружія. Такимъ образомъ у Суворова созрѣла своя собственная *воспитательная* система обученія войскъ, которую онъ и примѣнилъ въ своемъ Суздальскомъ полку. Сущность этой простой и естественной системы, проистекающей, такъ сказать, изъ свойствъ человѣческой души, можно формулировать, въ общихъ чертахъ, такъ.

Войска необходимо воспитывать такъ, чтобы ихъ ничто не могло озадачить на войнѣ. Основнымъ-же условіемъ военнаго успѣха является *смѣлость* или *храбрость*. Самый-же вѣрный путь для воспитанія смѣлости, храбрости—идти на встрѣчу опасности. Дѣломъ первѣйшей важности считалъ онъ развитіе у солдатъ нравственнаго чувства, — для чего и поторопился составить молитвенникъ и катехизисъ. Дѣйствуя на религіозное чувство своихъ людей, Суворовъ вмѣстѣ съ тѣмъ всячески старался вызвать у нихъ и благородныя побужденія, въ томъ числѣ честолюбіе. Вообще-же онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы солдаты были увѣрены въ самихъ себѣ: тогда они будутъ и храбры. Иначе-же, безъ увѣренности въ себѣ,—справедливо замѣчаетъ Суворовъ,—люди могутъ быть «бодры, мужественны, да не храбры». Вообще-же говоря, непремѣннымъ условіемъ отъ обученія войскъ въ мирное время Суворовъ ставилъ себѣ требованіе, чтобы весь методъ и обстановка военнаго обученія какъ можно болѣе подходили къ практикѣ военнаго времени.

Московская Центральная Публичная Библиотека
Центральная Книгохранилище

III.

Конфедератскія войны поляковъ

(1768—1772).

Барская конфедерація.— Битва подъ Орѣховымъ. — Побѣда при Лонцкоронѣ; разгромъ Дюмурье. — Пораженіе арміи Огинскаго и бѣгство послѣдняго за границу. — Неблаговидныя выходки Веймарна противъ Суворова. — Капитуляція краковскаго замка. — Раздѣлъ Польши.

Въ описываемое время Польша находилась въ полномъ распаденіи. Дворянство было своевольно. Всесильные магнаты считали свой произволъ выше короля и закона. Духовенство было фанатизировано до послѣдней степени нетерпимости. Народъ представлялъ собою грубую рабочую силу на самой низшей степени угнетенія. Горожане были совершенно обезличены и безправны. При такомъ положеніи дѣла, такъ называемые «разномыслящіе въ вѣрѣ» или диссиденты, пользовавшіеся раньше въ Польшѣ почти полною вѣротерпимостью, стали подвергаться разнаго рода обидамъ и притѣсненіямъ и обратились къ заступничеству Россіи. Находившійся въ Польшѣ русскій посланникъ, князь Репнинъ ночью арестовалъ четырехъ членовъ происходившаго тогда въ Варшавѣ сейма, на которомъ между прочимъ долженъ былъ разсматриваться и вопросъ о диссидентахъ. Этотъ поступокъ Репнина, оказавшійся возможнымъ въ Польшѣ именно вслѣдствіе сильнаго ея упадка, такъ напугалъ сеймъ, что законъ о возстановленіи прежнихъ правъ некатоликовъ прошелъ.

Это вызвало большое неудовольствіе, въ результатѣ котораго явился проектъ Пулавскаго о *всеобщей конфедераціи* противъ русскихъ и диссидентовъ, подписанный въ мѣстечкѣ Барѣ, около турецкой границы, 29-го февраля 1768 года, восемью конфедератами, причемъ маршалами были избраны Пулавскій и графъ Красинскій. Конфедерація названа «*барской*». Польша быстро стала покрываться конфедераціями, во главѣ которыхъ становились лица знатнѣйшихъ польскихъ фамилій. Русскія войска разсѣяли конфедератскія банды, которыя затѣмъ попрятались по лѣсамъ. Но количество сочувствующихъ конфедератамъ видимо возрастало среди мирнаго населенія.

Суворовъ, произведенный 22 сентября 1768 года въ бригадиры, получивъ приказъ о «немедленномъ выступленіи и поспѣшномъ слѣдованіи», выступилъ съ полкомъ въ ноябрѣ, въ самое ужасное осеннее время. Несмотря на крайнее бездорожье, множество болотъ, частыя переправы, сильную непогодь и непроглядную тьму ночей,

при короткомъ днѣ,—пространство свыше 850 верстъ было пройдено въ 30 дней, при образцовомъ состояніи войскъ, такъ что захворало лишь шесть человѣкъ и «пропалъ» одинъ.

Въ Смоленскѣ Суворовъ получилъ въ командованіе бригаду, куда вошелъ и Суздальскій его полкъ. Всю зиму 1768—69 годовъ онъ провелъ въ усиленномъ обученіи своей бригады тому же, чему училъ суздальцевъ, главнымъ же образомъ — упражненіямъ во время ночной темноты. Весною Суворовъ былъ спѣшно вытребованъ съ войсками въ Варшаву. Край, по которому пришлось слѣдовать ему, находился въ крайне возбужденномъ состояніи. На каждомъ шагу можно было ожидать нападенія, такъ что войска находились всегда въ полномъ вооруженіи. Тѣмъ не менѣе путь до 600 верстъ благополучно былъ совершенъ въ 12 дней.

Главное начальство надъ войсками въ Польшѣ было поручено фонъ-Веймарну, обладавшему нѣкоторою военною опытностью, но педанту и мелочно-самолюбивому человѣку. До прибытія Суворова, въ Варшавѣ чувствовали себя весьма тревожно, подъ вліяніемъ слуховъ о конфедератахъ, о которыхъ тѣмъ не менѣе совершенно даже не собирали должныхъ свѣдѣній. Въ августѣ 1769 года, едва Суворовъ успѣлъ прибыть въ Прагу, какъ Веймарнъ, не стѣсняясь даже ночною порою, потребовалъ его къ себѣ. Ему поручено было немедленно собрать свѣдѣнія о конфедератскомъ отрядѣ маршала Котлубовскаго, въ которомъ молва насчитывала около 8,000 человѣкъ, угрожавшихъ, будто-бы, Варшавѣ немедленнымъ нападеніемъ. Суворовъ безотлагательно предпринялъ рекогносцировку и фактически доказалъ, что въ бандѣ Котлубовскаго насчитывалось лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, и Варшавѣ не угрожаетъ никакой опасности.

Въ это время сыновья маршала Пулавскаго, Францъ и Казиміръ, разъѣзжая по Литвѣ съ большими конфедератскими силами, возбуждали шляхту къ возстанію. Въ виду этого, въ послѣднихъ числахъ августа въ Литву былъ посланъ Суворовъ съ небольшимъ отрядомъ войскъ (2 батальонами, эскадрономъ, 50 казаками и 2 полевыми орудіями) для подкрѣпленія войскъ, имѣвшихся уже на мѣстѣ. Онъ поспѣшно направился къ Бресту и при этомъ былъ до крайности сконфуженъ и оскорбленъ, какъ человѣкъ военный, когда узналъ въ пути, что на одной высотѣ съ отрядомъ конфедератовъ двигаются по флангамъ его два сильныхъ русскихъ отряда: Ренна и Древица (въ 1,500 и 2000 человѣкъ). Очевидно, не нужно было тревожить Суворова изъ Варшавы, если на мѣстѣ имѣлось достаточно силъ, чтобы давнымъ давно уже совершенно уничтожить конфедератскій отрядъ. Чтобы сохранить за собою Брестъ,

Суворовъ оставилъ тамъ часть своего малочисленнаго отряда, а съ остальными (всего лишь 400 человѣкъ при двухъ пушкахъ) онъ шелъ всю ночь. На разсвѣтѣ встрѣтился съ патрулемъ Ренна въ количествѣ 50 человѣкъ и присоединилъ ихъ къ себѣ. Около полудня, верстахъ въ 70 отъ Бреста, близъ деревни Орѣхово, произошелъ жаркій и упорный бой съ 2,000 конфедератовъ, закончившійся полнымъ пораженіемъ ихъ.

Послѣ этого Суворовъ получилъ назначеніе командовать люблинскимъ райономъ, куда непосредственно и отправился изъ-подъ Орѣхова. Этотъ районъ холмистъ, гористъ, болотистъ и лѣсистъ. Дороги—отвратительныя: или песчаныя, или болотистыя. Рѣки широки и глубоки, горнаго характера. Монастыри и многіе замки укрѣплены и годны къ оборонѣ. Если прибавить къ этому еще и сосѣдство австрійской границы,—будетъ понятно громадное преимущество въ положеніи конфедератовъ, превосходно знавшихъ притомъ каждую мѣстность и могшихъ разсчитывать всегда и вездѣ на поддержку населенія. Наоборотъ-же, операціи русскихъ войскъ были до крайности затруднены. Расположившись въ Люблинѣ, Суворовъ сдѣлалъ его центромъ своего района, откуда онъ зорко наблюдалъ за всѣми, вновь образующимися, бандами,—и быстро летѣлъ, разбивалъ. Это была замѣчательно-удалая и блестящая по успѣху партизанская война, доставлявшая всему корпусу Суворова (менѣе 4,000 человѣкъ) самую сложную, разностороннюю боевую практику.

Съ 1-го января 1770 года Суворовъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Онъ вполнѣ владѣлъ своимъ райономъ, держа въ страхѣ непокорныхъ и въ послушаніи нерѣшительныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень тяготился, что, по недостатку войска, отвлеченнаго войною съ Турціею, невозможно было нанести удара сильнаго, рѣшительнаго. А онъ такъ жаждалъ дѣла большого, серьезнаго, отвѣтственнаго. Кромѣ того, были и весьма серьезные поводы къ неудовольствію и раздраженію.

Прежде всего, Суворовъ не могъ уважать Веймарна, какъ человѣка не достаточно авторитетнаго и свѣдущаго,—что̀ Суворовъ неоднократно давалъ понять ему въ своихъ письмахъ. Кромѣ того Суворовъ вынужденъ былъ протестовать въ самой рѣзкой формѣ противъ того незаслуженнаго вниманія и покровительства, которое оказывалось Древицу, нѣмцу по происхожденію, человѣку бездарному въ военномъ отношеніи и прямо-таки недобросовѣстному.

Систематическій разгромъ конфедератскихъ бандъ сильно отрезвилъ поляковъ; но объявленіе Турціею войны Россіи вновь нѣсколько

окрылило ихъ надежды, и они предавались самымъ розовымъ ожиданіямъ отъ Турціи. Франція же, убѣдившись, что натравливаніе ею Турціи на Россію принесло большую пользу послѣдней, быстро покрывъ наши войска на турецкомъ театрѣ войны громкими побѣдами,—рѣшилась оказать полякамъ даже и матеріальную помощь въ борьбѣ съ Россіею.

Герцогъ Шуазель, управлявшій во Франціи военнымъ и иностранныхъ дѣлъ министерствами, задался цѣлью систематически противодѣйствовать возраставшему могуществу Россіи. Съ этою цѣлью, независимо отъ искусственнаго возстановленія Турціи противъ Россіи, Шуазель послалъ въ Польшу генерала Дюмурье, который и открылъ кампанію въ 1771 году, по началу дѣла, довольно удачную. Конфедераты провели всю зиму въ горахъ, и сосѣдній съ ними краковскій русскій отрядъ былъ такъ небреженъ и безпеченъ, что вовсе даже не догадывался о существованіи бокъ-о-бокъ съ собою очень опаснаго противника. Поэтому, въ ночь на 18-е апрѣля, русскія войска, неожиданно атакованныя на всѣхъ пунктахъ преобладающими силами конфедератовъ, были отброшены за Вислу съ значительнымъ урономъ,—и вся равнина была занята конфедератами. Успѣхъ большой, тѣмъ болѣе, что Дюмурье сразу же укрѣпился на новомъ мѣстѣ. Но, къ удивленію, даже этотъ, прямо случайный, успѣхъ послужилъ во вредъ конфедератамъ. У нихъ такъ закружились головы, что совершенно исчезла всякая дисциплина, которая и безъ того всегда была слаба. Никто не желалъ исполнять служебныхъ обязанностей. Начались пиры, картежная игра, безконечныя попойки. Дюмурье, приведенный въ отчаяніе безобразнымъ поведеніемъ конфедератовъ, сурово наказывалъ ихъ, даже разстрѣливалъ, но ничто не помогало. Они опомнились только тогда, когда на нихъ обрушился Суворовъ съ обычною своею быстротою и энергіею. Двинувшись изъ Люблина къ Кракову, онъ разогналъ по пути нѣсколько партій и приблизился къ мѣстечку Лонцкоронѣ, верстахъ въ 28 отъ Кракова. Мѣстечко моментально было занято, но штурмъ замка не удался. Три атаки были отбиты съ большимъ урономъ. Въ строю почти не осталось офицеровъ. Суворовъ былъ оцарапанъ и подъ нимъ ранена лошадь. Отступленіе сдѣлано медленно, въ полномъ порядкѣ.

Согласно своему обыкновенію, Суворовъ намѣревался немедленно же поправить лонцкоронское дѣло, но на это не оказалось времени, такъ какъ къ Кракову стягивались партіи конфедератовъ Пулавскаго и Саввы. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ двинулся туда же.

Прибывъ въ Люблинъ, Суворовъ нашелъ тамъ распоряженіе

Веймарна немедленно слѣдовать въ Краковъ, куда поспѣшно стягивались всѣ главнѣйшія силы конфедератовъ. На пути къ Кракову Суворовъ разбилъ одну конфедератскую партію, затѣмъ, перейдя за Краковъ, отбросилъ другую партію, и такъ быстро подступилъ къ монастырю Тынцу, что конфедераты, состоявшіе только изъ конницы, были застигнуты совершенно врасплохъ. Они спали, а лошади ихъ были разсѣдланы. Но нѣсколько часовъ, безрезультатно потраченныхъ на вторичную атаку Тынца, дали возможность Дюмурье нѣсколько придти въ себя, оправиться и стянуть хоть нѣкоторую часть своихъ войскъ,—что сильно затруднило переходъ русскихъ къ Лонцкоронѣ, который пришлось производить подъ огнемъ оправившихся конфедератовъ, занимавшихъ высоты.

Это происходило 10-го мая. Подъ командою Суворова состояло около 3,500 человѣкъ. У Дюмурье было нѣсколько болѣе, притомъ—почти одной конницы. Но замѣчательно-выгодная позиція давала ему право считать себя прямо-таки непобѣдимымъ. Такъ именно и смотрѣлъ на это Дюмурье, настолько увѣренный въ побѣдѣ, что онъ боялся только одного—какъ бы Суворовъ не уклонился отъ боя. Этого однако не случилось. Напротивъ, словно вихремъ взлетѣли на «твердыню» казаки и карабинеры, а за ними сплошною лавиною неслась пѣхота. Конфедераты пришли въ ужасъ отъ неожиданности, и сплошною массою, почти безъ выстрѣла, обратились въ постыдное бѣгство. Напрасно Дюмурье изъ силъ выбивался, чтобы сколько-нибудь ободрить ихъ и устроить: на него никто не обращалъ вниманія. Напрасно Сапѣга пытался ударами сабли остановить свои бѣгущія войска: онъ былъ заколотъ ими же.

Лонцкоронское сраженіе было дѣломъ моментальнымъ, какъ порывъ урагана: оно продолжалось всего около получаса. Только Валевскій, занимавшій неприступный лѣвый флангъ позиціи, и Дюмурье съ небольшимъ отрядомъ французовъ отступили въ порядкѣ; все же остальное было побито или безпорядочно бѣжало. Лонцкоронское пораженіе произвело потрясающее впечатлѣніе. Дюмурье вскорѣ-же уѣхалъ во Францію, навсегда отказавшись отъ дѣла поляковъ. Такимъ образомъ конфедераты были окончательно разбиты. Но остался еще Пулавскій—иниціаторъ дѣла, самый энергичный и способный изъ всѣхъ. Онъ не принималъ участія потому, что считалъ неудобнымъ, чтобы иностранецъ стоялъ во главѣ самаго кровнаго-патріотическаго дѣла.

Въ виду намѣренія Пулавскаго отправиться въ Литву, Суворовъ настигъ его отрядъ подъ Залѣсьемъ, и 22-го мая произошелъ бой, окончившійся бѣгствомъ отряда Пулавскаго. Самъ же Пулав-

скій, въ виду того, что путь ему въ Литву прегражденъ, направился по дорогѣ къ Люблину, причемъ Суворовъ горячо преслѣдовалъ его. Намѣреваясь пробраться къ венгерской границѣ, Пулавскій, чтобы обмануть бдительность Суворова, оставилъ въ виду его свой аріергардъ, приказавъ ему продолжать отступленіе въ прежнемъ направленіи; самъ-же съ большею частью отряда обошелъ Суворова, зашелъ въ тылъ ему и направился по прежнему своему пути. Суворовъ былъ такъ восхищенъ, когда узналъ объ этой остроумно-хитрой выходкѣ Пулавскаго, что, въ знакъ уваженія къ нему, послалъ ему на память самую любимую свою табакерку.

Послѣ погрома конфедератскихъ отрядовъ въ Польшѣ большимъ соблазномъ для уцѣлѣвшихъ приверженцевъ конфедераціи служилъ литовскій великій гетманъ, графъ Огинскій. Уклоняясь отъ открытаго участія въ дѣлѣ конфедератовъ, онъ тѣмъ не менѣе тайно оказывалъ имъ вниманіе и поддержку. Когда же наконецъ Огинскому категорически было заявлено требованіе или распустить войска (около 3—4 тыс. человѣкъ), или перемѣнить позицію,—онъ изъявилъ готовность повиноваться, если получитъ удостовѣреніе въ своей безопасности. Но это оказалось только плутовскою уловкою, чтобы выиграть время для внезапнаго нападенія, которое и было произведено въ ночь на 30-е августа 1771 года. Огинскій напалъ на отрядъ того самаго полковника Албычева, который велъ съ нимъ переговоры, и большую часть отряда взялъ въ плѣнъ. Албычевъ же былъ убитъ. Учинивъ такое предательство, Огинскій объявилъ манифестомъ о своемъ присоединеніи къ конфедераціи.

Въ это время Веймарнъ, не имѣя повидимому никакого понятія о состояніи войскъ Огинскаго и передвиженіи ихъ, разсылалъ положительно, можно сказать, *сверхъестественныя* «предписанія» подвѣдомственнымъ ему военачальникамъ, въ томъ числѣ и Суворову. Въ общемъ, предписанія эти такого свойства, что точное исполненіе ихъ неминуемо привело бы даже къ полному разгрому русскихъ войскъ.

На долю Суворова напримѣръ выпали четыре предписанія: отъ 23 и 31-го іюля, отъ 29-го августа и 1-го сентября. Сущность ихъ сводилась къ тому, чтобы Суворовъ, нивѣсть почему и для чего, снялъ всѣ посты, собралъ людей въ Люблинѣ и «держалъ ихъ вкупѣ», но никуда бы не отлучался, а ожидалъ бы распоряженій и наблюдалъ за Огинскимъ. Главное же—всѣ эти предписанія, начиная съ перваго, имѣли *запоздалый* характеръ. Суворовъ же былъ слишкомъ крупною личностью, чтобы отказаться отъ почина, когда онъ вызывался необходимостью, только вслѣдствіе *неполученія* соотвѣтствую-

щихъ инструкцій. А потому, какъ только онъ убѣдился въ большой опасности отъ Огинскаго, въ случаѣ промедленія,—онъ немедленно же двинулся на встрѣчу ему, о чемъ и сообщилъ Веймарну.

Это самовольное отправленіе Суворова въ дальнюю экспедицію было сдѣлано имъ такъ *умно* и *предусмотрительно*, что осталось совершенно невыполненнымъ нелѣпѣйшее и крайне вредное распоряженіе Веймарна о «снятіи всѣхъ постовъ». У Суворова же все осталось на своихъ мѣстахъ, съ сохраненіемъ существовавшей связи между отдѣльными арміями. Иначе говоря, только благодаря самовольнымъ распоряженіямъ Суворова, прямо въ отмѣну всѣхъ «предписаній» Веймарна, этотъ послѣдній не только избавился отъ позора непростительно ошибочныхъ своихъ распоряженій, но и оказался даже какъ бы причастнымъ побѣдной славѣ, вмѣсто подготовлявшагося имъ, по невѣдѣнію, пораженія...

Суворовъ настигъ въ мѣстечкѣ Столовичахъ Огинскаго, въ распоряженіи котораго состояло въ это время, въ общей сложности, до 7,000 человѣкъ войска. Въ передовомъ же отрядѣ Суворова было въ это время только около 822 человѣкъ, и онъ разсчитывалъ на нѣкоторыя подкрѣпленія изъ другихъ отрядовъ. Но, не смотря на крайнюю малочисленность своихъ войскъ, онъ считалъ невозможнымъ откладывать нападеніе, чтобы не упустить непріятеля. Нападеніе было произведено въ ночную пору и такъ удачно, что мѣстечко очень быстро было захвачено русскими, а непріятель въ паническомъ страхѣ обратился въ бѣгство чуть не поголовно. Самъ Огинскій едва спасся, вскочивъ на коня и ускакавъ въ поле, гдѣ массами бродили въ безпорядкѣ безоружные, какъ бы обезумѣвшіе отъ ужаса, бѣглецы, не хотѣвшіе слушать никакихъ увѣщаній и совѣтовъ. На зарѣ русскіе были уже полными хозяевами въ Столовичахъ, изъ которыхъ непріятель былъ окончательно удаленъ, а находившіеся въ плѣну русскіе изъ отряда Албычева были освобождены и присоединились къ войскамъ Суворова.

Но въ мѣстечкѣ стояла только часть войскъ Огинскаго; большинство же ихъ находилось по близости, въ лагерѣ, на небольшихъ высотахъ. Поэтому, какъ только разсвѣтало, Суворовъ немедленно повелъ свои войска въ атаку на лагерь, ни мало не смущаясь изумительною ихъ малочисленностью,—что однако слишкомъ ужъ рѣзко бросалось въ глаза, въ виду наступившаго дня. Суворовъ же былъ хорошимъ психологомъ: онъ былъ твердо увѣренъ, что бѣжавшіе въ лагерь изъ Столовичъ давно уже деморализировали войско своими разсказами о пораженіи. Вотъ почему Суворовъ, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, приказалъ 70 человѣкамъ карабине-

ровъ атаковать непріятельскую конницу, въ которой было не менѣе 500 человѣкъ. Такова же была и пропорція между пѣхотою обѣихъ сторонъ. Результатъ получился поразительный. Горсть русскихъ карабинеровъ опрокинула многочисленную непріятельскую кавалерію. Такъ же быстръ и блестящъ былъ и успѣхъ пѣхоты, такъ что къ 11 часамъ дня битва закончилась полнымъ разгромомъ всего отряда Огинскаго. Самъ онъ едва спасся бѣгствомъ въ Кенигсбергъ, съ десяткомъ гусаръ. Бѣгство это еще болѣе усилило блескъ и значеніе столовичской побѣды. Главный же штабъ и свита Огинскаго, находившіеся въ Пинскѣ, были захвачены Суворовымъ.

Донося 13-го сентября Веймарну объ одержанной побѣдѣ, Суворовъ говоритъ: «теперь пора мнѣ туда, откуда пришелъ». И къ 29-му сентября онъ былъ уже въ Люблинѣ. Но не такъ отнесся къ этой побѣдѣ Веймарнъ. Онъ тяжко обвинилъ Суворова въ самовольствѣ, и вовсе даже не призналъ его заслугъ въ столовичской побѣдѣ, которая, будто бы, одержана, по его словамъ, «счастіемъ оружія Ея Императорскаго Величества и храбростью славныхъ нашихъ войскъ». Словомъ, зависть и злоба совсѣмъ помутили умъ Веймарну; но военная коллегія, куда онъ обратился съ клеветническими доносами на ни въ чемъ неповиннаго Суворова, — не обратила вниманія на его обвиненія, какъ пристрастныя и ложныя.

На мѣсто Веймарна въ Варшавѣ былъ назначенъ Бибиковъ. Между нимъ и Суворовымъ сразу установились наилучшія отношенія. Засвидѣтельствовавъ Суворову на письмѣ объ его опытности, искусствѣ, познаніяхъ и заслугахъ, Бибиковъ вполнѣ благоразумно предоставилъ личному его усмотрѣнію распредѣленіе и раздѣленіе войскъ, спрашивая его мнѣнія относительно вопросовъ наибольшей важности.

Съ началомъ 1772 г., т. е. съ переходомъ къ Бибикову начальствованія нашими войсками въ Польшѣ, — принято было рѣшеніе — покорить всѣ укрѣпленныя мѣста, находившіяся еще во власти конфедератовъ. А такъ какъ въ этихъ укрѣпленіяхъ сидѣло не мало и французовъ, то Франція пожелала оказать Россіи противодѣйствіе въ этомъ отношеніи. Съ этою цѣлью, вмѣсто Дюмурье, такъ постыдно ретировавшагося изъ Польши, явился генералъ-маіоръ баронъ де-Віомениль, съ хорошимъ запасомъ денежныхъ средствъ и цѣлою партіею переодѣтыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

Первый дебютъ Віомениля, какъ и Дюмурье, былъ удаченъ. Пользуясь небрежностью и неспособностью лица, начальствовавшаго въ Краковѣ русскимъ отрядомъ и завѣдывавшаго этимъ городомъ, Віомениль, при содѣйствіи краковскихъ жителей и духовенства,

ночью тихонько проникъ въ краковскій замокъ, который и удержалъ за собою, успѣвъ даже стянуть туда нѣсколько войскъ. Узнавъ объ этомъ, Суворовъ былъ крайне возмущенъ оплошностью своего подчиненнаго, и прибылъ въ Краковъ 29-го января, соединившись съ Бронницкимъ, командовавшимъ пятью польскими коронными кавалерійскими полками.

Осаждая краковскій замокъ, Суворовъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ находился въ серьезномъ осадномъ положеніи отъ конфедератскихъ партій, задавшихся цѣлью заставить русскихъ снять блокаду Кракова. Тѣмъ не менѣе все-таки успѣли обрушить часть стѣны около воротъ крѣпости, пробить брешь и произвести нѣсколько пожаровъ. Во избѣжаніе кровопролитія, Суворовъ послалъ въ замокъ извѣщеніе, что для штурма все готово, и если гарнизонъ не сдастся,—будетъ весь истребленъ... Послѣ непродолжительныхъ переговоровъ Суворова съ французскимъ генераломъ Шуази, начальствовавшимъ въ замкѣ, 12-го апрѣля была заключена капитуляція, въ которой между прочимъ было оговорено, что французы сдаются не военно-плѣнными, а просто плѣнными, такъ какъ войны между Россіей и Франціей не было. Сдача произошла 15-го апрѣля.

За взятіе краковской крѣпости Екатерина II наградила Суворова 1.000 червонцевъ; войскамъ-же, участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, назначила для раздачи 10.000 рублей.

Не покидая Кракова, Суворовъ принялся дѣятельно вершать конфедератскую войну. Онъ овладѣлъ хорошо укрѣпленнымъ городомъ «Заторъ» и предпринялъ осаду Тынца и Лонцкороны. Но именно въ этотъ моментъ въ краковскую область вступили австрійскія войска... Вскорѣ былъ подписанъ договоръ о раздѣлѣ Польши между Россіей, Пруссіей и Австріей. Суворовъ-же получилъ новое назначеніе—въ Финляндію, такъ какъ предполагались со стороны шведскаго короля враждебные замыслы по отношенію къ Россіи.

IV.

Турецкая война
(1773—1774 г.).

Вовлеченіе Франціею Турціи въ войну съ Россіей.—Назначеніе Суворова на турецкій театръ войны.—Двѣ битвы подъ Туртукаемъ.—Гирсовскій постъ и большая побѣда.—Козлуджи и отъѣздъ Суворова изъ арміи.

Жестоко поплатилась Турція, такъ безразсудно вовлеченная Франціею въ войну съ Россіей. Война вскорѣ приняла крайне неблаго

пріятный для Турціи оборотъ. Тѣмъ не менѣе Россія крайне тяготилась искусственно вызванною, по происканъ Франціи, войною съ Турціей. Но такъ какъ послѣдняя упорно не соглашалась признать требуемой Россіею независимости крымскихъ татаръ, то, потративъ весь 1772 г. и часть 1773 года на переговоры,—вновь пришлось взяться за оружіе.

Въ это именно время и появился на театрѣ турецкой войны Суворовъ. Предполагавшаяся война со Швеціей оказалась вздоромъ. А потому Суворовъ энергически принялся за осуществленіе давняго своего желанія—попасть на турецкій театръ войны, что безъ труда удалось ему, въ виду боевой его славы.

Представившись въ Яссахъ главнокомандующему дунайскою арміею, графу Румянцову, Суворовъ получилъ назначеніе въ дивизію генералъ-поручика графа Салтыкова, который далъ ему въ командованіе отрядъ, находящійся подъ Негоештскимъ монастыремъ, куда и прибылъ 5-го мая 1773 года. Въ то время Турція еще пользовалась ореоломъ грозной, воинственной державы. Но именно войнамъ екатерининскаго времени,—къ разсмотрѣнію которыхъ мы обращаемся теперь,—принадлежитъ уничтоженіе этого ореола. Одинъ Суворовъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ другихъ.

Изъ Петербурга, болѣе полугода уже, требовали немедленнаго перехода за Дунай и занятія всего края до Балкановъ. Но въ Яссахъ относились къ дѣлу совершенно иначе, и даже считали петербургскій планъ вовсе не осуществимымъ. Суворовъ сразу оцѣнилъ всю важность этого плана, и, по мѣрѣ силъ, стремился всегда къ его осуществленію. Отрядъ Суворова составлялъ оконечность лѣваго фланга дивизіи графа Салтыкова, и служилъ связью съ отрядомъ генерала Потемкина, ставшаго вскорѣ всесильнымъ временщикомъ. Здѣсь, подъ Туртукаемъ, было чрезвычайно много турокъ, зорко слѣдившихъ за русскими на другомъ берегу Дуная.

Едва Суворовъ успѣлъ прибыть къ мѣсту своего назначенія, какъ отъ него потребовали развѣдокъ на Туртукай. Онъ обратилъ вниманіе Салтыкова на крайнюю малочисленность своего отряда (около 500 человѣкъ пѣхоты) противъ четырехтысячнаго отряда турокъ. Но просьба Суворова была оставлена безъ вниманія. И это почти заурядно повторялось въ военной дѣятельности Суворова: у него, выступавшаго обыкновенно въ самыхъ опасныхъ предпріятіяхъ, почти всегда бывало изумительно мало войска; у начальниковъ же отрядовъ, сосѣднихъ съ нимъ и обыкновенно бездѣйствовавшихъ, сосредоточивались въ это время большія количества войскъ, содѣйствіемъ которыхъ однако Суворову очень рѣдко удавалось пользоваться.

8-го мая Суворовъ произвелъ развѣдки на Туртукай, причемъ опрокинулъ и обратилъ въ бѣгство отрядъ турокъ около 900 человѣкъ. Сообщая Салтыкову объ этой стычкѣ, Суворовъ еще разъ повторилъ на разные лады и убѣдительно доказывалъ, что у него *слишкомъ мало* пѣхоты. Но опять-таки—*никакого результата.* Тогда Суворовъ назначилъ атаку въ тотъ-же день, когда турки были отбиты съ такимъ поразительнымъ урономъ. А чтобы скрыть малочисленность своихъ войскъ, онъ предпринялъ *ночную* переправу черезъ Дунай, имѣющій тамъ около 300 саженей, буквально передъ носомъ у непріятеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ въ своей «диспозиціи» по истинѣ *лихую* «ночную атаку съ храбростью и фуріей сначала на одинъ турецкій лагерь, потомъ на другой и наконецъ на третій». Рѣшаясь на такое предпріятіе, Суворовъ хорошо зналъ, что у этихъ лагерей, помимо многочисленнаго войска, имѣлись еще и четыре сильныя баттареи, занимавшія самыя выгодныя позиціи.

Въ ночной темнотѣ произошла переправа черезъ Дунай въ полномъ порядкѣ. Ее замѣтилъ непріятель, открывшій сильный огонь. Тѣмъ не менѣе переправа совершилась замѣчательно благополучно, при незначительной потерѣ лошадей и людей. Въ ночную же пору атаками были взяты одинъ за другимъ три непріятельскихъ лагеря, съ ихъ батареями, а затѣмъ—и городъ Туртукай, моментально очищенный отъ засѣвшихъ въ немъ турокъ, который вскорѣ же былъ взорванъ порохомъ и выженъ до-тла.

Разгромъ былъ конченъ къ 4 часамъ ночи. Бились съ такимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, что плѣнныхъ вовсе не было. Съ нашей стороны около 200 убитыхъ и раненыхъ; у непріятеля же около 1.500 человѣкъ легло на мѣстѣ. Еще до солнечнаго восхода Суворовъ увѣдомилъ Салтыкова о своей побѣдѣ.

Независимо отъ этого, Суворовъ послалъ Румянцеву, какъ главнокомандующему, такое донесеніе:

«Славу Богу, слава вамъ,
«Туртукай взятъ, и я тамъ».

Во время битвы, при атакѣ батареи, разорвало турецкую пушку, и осколками сильно ранило Суворову правую ногу.

Суворовъ всѣми силами старался доказать Салтыкову необходимость утвердиться на другомъ берегу Дуная (гдѣ онъ уже одержалъ такую блестящую побѣду), и затѣмъ — болѣе и болѣе развивать свои военныя операціи въ глубь непріятельской страны. Въ этомъ же смыслѣ послѣдовалъ и приказъ отъ Румянцова, но Салтыковъ, повидимому, даже вовсе не могъ понять всей важ-

ности и пользы безпрерывнаго наступательнаго дѣйствія на турокъ. Въ самый же день побѣды Суворовъ, не имѣя подкрѣпленія, вынужденъ былъ опять возвратиться на свой берегъ Дуная. Вслѣдствіе этого турки попрежнему продолжали сношенія по Дунаю. Уничтоженные Суворовымъ ихъ лагери выростали и выростали; войска довольно быстро прибывали въ нихъ.

Въ это время Суворова одолѣвали жесточайшіе припадки лихорадки, но онъ все-таки нѣкоторое время пересиливалъ себя и оставался на своемъ посту. Борясь съ лихорадочными пароксизмами, онъ дѣятельно готовился къ нападенію на турокъ, и подъ диктовку его, измученнаго лихорадкою, была составлена подробная диспозиція. Тѣмъ не менѣе недугъ окончательно сломилъ его, такъ что ему уже оставалось только лечиться.

Но дѣло, умно обдуманное имъ, прекрасно подготовленное и подробно распланированное, было отложено потому, что исполнители, которымъ все было довѣрено Суворовымъ, струсили при самомъ приступѣ къ исполненію... Болѣзнь Суворова продолжалась до 14-го іюня. И хотя главныя силы Румянцова были уже переправлены за Дунай, хотя Румянцовъ настойчиво требовалъ, чтобы предприняли, если не «поискъ», то хоть «демонстраціи», тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи возвращенія Суворова, дѣло оставалось въ полнѣйшемъ застоѣ. За то, съ другой стороны, на этотъ разъ уже въ точности были исполнены всѣ требованія Суворова относительно количества войскъ.

Нападеніе на Туртукай назначено было въ ночь съ 16 на 17 іюня. Хотя Суворовъ и прибылъ ради этого, но былъ такъ слабъ, что могъ двигаться только при помощи двухъ человѣкъ, поддерживавшихъ его подъ руки, и говорилъ такъ тихо, что при немъ находился офицеръ, для повторенія отдаваемыхъ имъ приказаній. Начать бой поручено было храброму маіору Ребоку, переправившемуся съ первою партіею войскъ. Онъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе и блестяще выполнилъ данное ему порученіе какъ во время ночной переправы подъ непріятельскимъ огнемъ, такъ и при горячей, настойчивой атакѣ перваго непріятельскаго лагеря. Самъ Суворовъ прибылъ лишь со второю партіею войскъ, которая хоть и запоздала нѣсколько, но тѣмъ не менѣе во время успѣла поддержать Ребока, замѣчательно умѣло и находчиво ведшаго все время сложный и сильный бой съ многочисленнымъ непріятелемъ. Съ прибытіемъ Суворова и по личнымъ его распоряженіямъ, еще болѣе оживился бой. У Суворова такъ великъ былъ перевѣсъ воли надъ физическимъ недугомъ, что, подъ конецъ боя, онъ даже

сѣлъ на коня. Турки понесли полное пораженіе. Разбѣжавшіяся въ разныя стороны непріятельскія войска были горячо преслѣдуемы верстъ пять.

Къ вечеру того же дня Суворовъ опять возвратился на свой берегъ и послалъ Салтыкову извѣстіе о побѣдѣ, а къ Румянцову отправилъ съ донесеніемъ маіора Ребока, какъ главнаго виновника побѣды. 7-го іюля состоялось новое распредѣленіе полковъ по отрядамъ, причемъ Суворовъ получилъ отъ Румянцова назначеніе въ «*главныя силы*», именно — въ Гирсово, этотъ единственный пунктъ, принадлежавшій намъ по ту сторону Дуная,—чѣмъ доказалъ, что онъ вполнѣ цѣнилъ и службу Суворова, и его блестящее дарованіе.

Осмотрѣвъ свой новый постъ, Суворовъ призналъ его недостаточно обезпеченнымъ отъ турецкихъ покушеній, и энергически принялся за сооруженіе дополнительныхъ укрѣпленій и исправленіе крѣпостныхъ верковъ. Еще не успѣли вполнѣ закончить эту работу, какъ въ ночь на 3-е сентября, въ 20-ти верстахъ отъ Гирсова, показалась турецкая конница; утромъ же турки, значительно усилившись, потѣснили передовые посты; а въ полдень непріятель былъ уже на пушечный выстрѣлъ отъ Гирсова. Желая заманить турокъ какъ можно ближе, Суворовъ безусловно запретилъ стрѣлять изъ пушекъ и даже послалъ казаковъ съ ложною атакою. Казаки, бросившись на турокъ, начали затѣмъ понемногу отступать; а потомъ, какъ бы въ паническомъ страхѣ отъ преслѣдованія, во всю прыть умчались съ поля въ разныя стороны. Когда поле очистилось отъ казаковъ,—турки начали развертывать свои силы и строиться. Суворовъ съ беззаботнымъ видомъ смотрѣлъ на маневрировавшаго передъ нимъ непріятеля, какъ на забаву, ядовито острилъ, указывая на него своимъ приближеннымъ, и весело смѣялся. А турки шли впередъ быстрѣе и быстрѣе, наконецъ стрѣмительно бросились на штурмъ. Атакующихъ встрѣтилъ жестокій картечный огонь. Такимъ образомъ, заманивъ турокъ къ самымъ стѣнамъ крѣпости, съ точностью математическаго разсчета охватилъ все турецкое полчище общею атакою.

Количество войскъ у Суворова простиралось до 3.000 человѣкъ; въ распоряженіи же непріятеля было около 12.000 войска. Тѣмъ не менѣе, хотя турки съ отчаяніемъ бились за каждую пядь земли, русскіе все-таки явно уже начали тѣснить непріятеля по всей линіи наступленія, и въ средѣ непріятеля проявился наконецъ такой паническій страхъ, что не отступленіе только, а самое *постыдное бѣгство* сдѣлалось общимъ. Казаки и конница гнали непрія-

теля на протяженіи 30-ти верстъ; казаки же кромѣ того не переставали тревожить его и всю ночь.

По распоряженію Румянцова, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ во всей арміи. 5-го сентября Румянцовъ написалъ Суворову:

«За побѣду, въ которой признаю искусство и храбрость предводителя и мужественный подвигъ ввѣренныхъ вамъ полковъ, воздайте похвалу и благодареніе именемъ моимъ всѣмъ чинамъ, трудившимся въ семъ дѣлѣ».

Тѣмъ не менѣе медлительность и бездѣятельность Румянцова остались въ прежней силѣ. Суворову нечего было дѣлать въ арміи, а потому, съ наступленіемъ зимы, онъ взялъ отпускъ въ Москву на короткое время. Тамъ онъ, совершенно неожиданно для самого себя, женился, что-называется, *на обумъ*,—и былъ *глубоко несчастливъ* въ супружествѣ. Къ началу кампаніи 1774 года онъ все-таки не опоздалъ. Жена же осталась въ Москвѣ.

При распредѣленіи Румянцовымъ войскъ своей арміи, Суворову было поручено охраненіе Гирсова, наблюденіе за Силистріей и совокупныя дѣйствія съ отрядомъ генерала Каменскаго, давняго недруга Суворова. Хуже этой послѣдней комбинаціи невозможно даже ничего представить, такъ какъ Суворовъ и Каменскій открыто ненавидѣли другъ друга. И эта ошибка главнокомандующаго была затѣмъ еще *усугублена* имъ. Предоставивъ имъ первоначально самостоятельное, совмѣстное рѣшеніе всего, касающагося ихъ операцій (времени, направленія, дѣйствія совмѣстно или порознь) и пр., Румянцовъ, послѣ того уже, какъ они совмѣстно между собою условились «разбить непріятеля въ полѣ»,—предписалъ, «чтобы въ спорныхъ вопросахъ первенство принадлежало Каменскому, какъ старшему». Такимъ образомъ Суворовъ былъ поставленъ подъ начало Каменскаго. Это—не только ошибка, но и *несправедливость* въ отношеніи Суворова. Онъ, въ силу своеобразнаго своего военнаго дарованія, могъ дѣйствовать и дѣйствовалъ всегда не иначе, какъ совершенно самостоятельно. Затѣмъ, ни о какомъ «старшинствѣ» не можетъ быть и рѣчи. Оба они были въ чинѣ генералъ-поручиковъ; боевое же прошлое Суворова было неизмѣримо выше прошлаго Каменскаго.

Для осуществленія условленнаго между ними плана, Каменскій первымъ выступилъ, а затѣмъ долженъ былъ выступить и Суворовъ 28-го мая. Но онъ опоздалъ на два дня, подъ предлогомъ несвоевременнаго прибытія нѣкоторыхъ полковъ; а затѣмъ—пошелъ не по той дорогѣ, какая была условлена, а по другой, считая ее ближнею. Во всякомъ случаѣ Каменскій вовсе не былъ увѣдом-

ленъ Суворовымъ, и донесъ Румянцову, что Суворовъ неизвѣстно гдѣ находится и поступаетъ, какъ независимый отъ него генералъ.

Съ военной точки зрѣнія, поступокъ Суворова «неизвинителенъ». Но, со стороны здраваго смысла и трезвой логики, несправедливо оскорбленный, заслуженный и извѣстный полководецъ безусловно правъ. Будучи опрометчиво лишенъ самостоятельности, онъ произвольно *возстановилъ* ее, именно ради *пользы службы*. Выйдя изъ подчиненности ненавистнаго ему человѣка, не могшаго имѣть ни малѣйшаго авторитета для него, какъ человѣка несомнѣнно геніальнаго въ военномъ отношеніи,—Суворовъ рѣшилъ самостоятельно *найти* непріятеля и *расправиться* съ нимъ за свой личный страхъ и рискъ. И если произвольно избранная Суворовымъ дорога оказалась неудобною, въ смыслѣ сообщенія, зато она сразу же привела его къ желанной цѣли — къ непріятелю. Дорога была узкая, запущенная, пролегала черезъ густой лѣсъ. Едва развѣдочный отрядъ углубился въ лѣсъ, какъ сразу же наткнулся на турецкихъ развѣдчиковъ, высланныхъ корпусомъ въ 40.000 человѣкъ, вышедшимъ изъ Шумлы въ Гирсово и находившимся уже въ Козлуджи.

Въ дремучемъ лѣсу, гдѣ пролегала лишь одна дрянная дорожка, завязался жесточайшій бой между встрѣтившимися отрядами, систематически поддерживаемыми подкрѣпленіями съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь приходилось буквально брать каждый шагъ съ бою. На каждой лужайкѣ пѣхота развертывалась — и происходило форменное сраженіе. Такимъ-то путемъ приходилось пробиваться черезъ лѣсную трущобу и чрезъ непріятеля на разстояніи около *9-ти верстъ!*.. Войска были до крайности истомлены прежнимъ переходомъ, необыкновенными затрудненіями въ лѣсномъ пути и чрезвычайною жарою. Многіе солдаты падали отъ изнеможенія и даже умирали на ходу отъ истощенія силъ.

На плечахъ непріятельскаго авангарда, Суворовъ достигъ наконецъ окраины лѣса, вышелъ на поляну передъ Козлуджи, протяженіемъ около 9-ти верстъ, на возвышеніяхъ которой стояла турецкая армія. Въ это время хлынулъ ливень, какъ изъ ведра, бывшій величайшимъ благомъ для русскихъ войскъ, освѣжившій ихъ истомленныя силы. Но дождь причинилъ немаловажный вредъ туркамъ: онъ намочилъ ихъ длинныя, широкія одежды, ставшія тяжелыми и затруднительными для движенія, а главное —подмочилъ патроны, которые они носили въ карманахъ.

Бой, начавшійся и происходившій въ лѣсу, не прекращался ни на минуту, такъ какъ по выходѣ изъ лѣсу легкія наши войска

неотступно слѣдовали за непріятельскимъ авангардомъ, взошли на высоты и завязали перестрѣлку. На полянѣ, передъ 40-тысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ, у Суворова было всего около 8.000 человѣкъ. Кромѣ того артиллерія его запоздала, задержанная крайне неудобною лѣсною дорогою, заваленною теперь еще и жертвами происходившаго упорнаго боя. Непріятельскія же батареи поддерживали жаркій огонь во все время, съ момента выхода нашихъ войскъ изъ лѣсу. Непріятель, отбросивъ взобравшіяся къ нему на высоты наши легкія войска, самъ стремительно ринулся въ бѣшеную атаку противъ двигавшихся впередъ главныхъ силъ Суворова. Атака возобновлялась нѣсколько разъ со свѣжими силами и возраставшимъ ожесточеніемъ непріятеля, но каждый разъ была отбиваема, и русскія войска безпрерывно подвигались впередъ и впередъ. Эта неудача быстро замѣнила прежнее напряженное одушевленіе явнымъ ужасомъ и отчаяніемъ, особенно же, когда наконецъ прибыли и 10 полевыхъ орудій, моментально установленныхъ и начавшихъ обстрѣливать непріятельскій лагерь.

Невозможно описать тотъ хаосъ, въ который обратился лагерь, когда въ него начали попадать русскія ядра. Всѣми овладѣла паника, и рѣшительно никто не хотѣлъ слушать своего предводителя, пытавшагося возстановить порядокъ въ пришедшихъ въ разстройство войскахъ. Пораженіе было полное. Ко времени заката солнца Суворовъ занялъ весь турецкій лагерь. Помимо 29 орудій и 107 знаменъ, войскамъ досталась громаднѣйшая добыча.

Въ этотъ необычайно трудный день Суворовъ все время былъ на конѣ и очень часто не только въ самомъ горячемъ огнѣ, но и въ отчаяннѣйшихъ рукопашныхъ схваткахъ. Само собою разумѣется, что такой примѣръ доводилъ солдатъ до безумной отваги, потому что они беззавѣтно любили и уважали Суворова, боготворили его, какъ высшій авторитетъ. Фактъ риска собою, доходящаго даже до полнаго самозабвенія, доказываетъ, что Суворовъ, рискнувъ на самоуправство, при первомъ же столкновеніи съ непріятелемъ, рѣшилъ: или побѣдить — и тѣмъ загладить свой проступокъ, такъ-какъ «побѣдителей не судятъ», — или умереть. Эта рѣшимость Суворова ясно проявилась уже при первомъ столкновеніи съ непріятельскимъ авангардомъ, въ лѣсу, когда Суворовъ такъ увлекся, что совсѣмъ было попался въ руки непріятелей, откуда выбрался, лишь благодаря быстротѣ своего коня, успѣвшаго унести его отъ лихой погони

Крупная побѣда при Козлуджи сразу положила конецъ всѣмъ толкамъ по поводу необычайности *самовольства* Суворова. Всѣ, не

исключая и Каменскаго, единодушно сознавали, что никто другой не только не въ состояніи былъ бы продѣлать все это, притомъ такъ быстро и рѣшительно, какъ это сдѣлано Суворовымъ,—но безусловно никто не рѣшился бы даже предпринять хоть что-нибудь подобное. Вотъ почему Каменскій, при всей своей ненависти къ Суворову, тѣмъ не менѣе въ донесеніи о козлуджинской побѣдѣ, перечисляя наиболѣе отличившихся, въ особенности расхвалилъ Суворова, съ которымъ однако онъ на всю жизнь остался въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

Суворовъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не могъ болѣе оставаться въ подчиненномъ положеніи у Каменскаго, и, черезъ нѣсколько дней послѣ битвы, уѣхалъ въ Бухарестъ, ссылаясь на свое болѣзненное состояніе, которое хотя несомнѣнно существовало въ весьма серьезной степени, но тѣмъ не менѣе не оно вызывало отъѣздъ изъ арміи. Не соотвѣтственная, явно несправедливая подчиненность Суворова Каменскому безусловно лишала его возможности дѣйствовать и при самомъ даже цвѣтущемъ состояніи здоровья и силъ.

Когда Суворовъ, по пріѣздѣ въ Бухарестъ, явился къ главнокомандующему,—тотъ сурово принялъ его и потребовалъ объясненій: *какъ онъ осмѣлился оставить свой постъ почти въ виду непріятеля!?*... Тѣмъ не менѣе, выслушавъ Суворова, Румянцовъ перевелъ его отъ Каменскаго къ Салтыкову, но затѣмъ, въ тотъ же день, разрѣшилъ Суворову уѣхать въ Россію для леченія.

V.

Военно-административная дѣятельность

(1774—1787).

Поимка, доставка и казнь Пугачева; усмиреніе пугачевщины.—Дѣятельность на Кубани и въ Крыму.—Командировка въ Астрахань — Закубанская экспедиція. — Дѣятельность въ Кременчугѣ и пріобрѣтеніе извѣстности.

Какъ только Суворовъ освободился на дунайскомъ театрѣ войны,—общій голосъ указалъ на него, какъ на лучшаго и самаго надежнаго усмирителя пугачевскаго мятежа, который все продолжалъ шириться и усиливаться. Суворовъ, дѣйствительно, тотчасъ полетѣлъ на почтовыхъ въ Москву, повидался тамъ съ женою и отцомъ и, согласно распоряженію, оставленному графомъ П. И. Панинымъ, завѣдывавшимъ всею борьбою съ мятежемъ, немедленно же помчался на перекладной, въ одномъ кафтанѣ, безъ всякаго ба-

гажа, въ имѣніе, гдѣ проживалъ Панинъ. Повидавшись съ нимъ и условившись относительно образа дѣйствія, онъ въ тотъ же день (24-го августа) отправился въ экспедицію съ конвоемъ лишь въ 50 человѣкъ. Удивленный такою быстрою исполнительностью своею новаго подчиненнаго, Панинъ донесъ объ этомъ Екатеринѣ II, которая удостоила Суворова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Вы пріѣхали 24 августа къ графу Панину такъ налегкѣ, что, кромѣ вашего усердія къ службѣ, иного экипажа при себѣ не имѣли, и тотъ же часъ отправились паки на пораженіе врага».

Поблагодаривъ за такое «рвеніе», государыня пожаловала ему 2.000 червонцевъ на *экипажъ*.

Это былъ одинъ изъ самыхъ *отчаянныхъ* по смѣлости походовъ, съ ничтожнымъ по численности конвоемъ противъ громадной мятежной массы, опьяненной буйствомъ, грабежомъ, разбоемъ и безчинствами.

Прибывъ въ Саратовъ, Суворовъ узналъ, что Пугачевъ еще 4 дня тому назадъ разбитъ Михельсономъ и убѣжалъ въ степь за Волгу, съ небольшимъ отрядомъ преданныхъ ему людей; пополнивъ нѣсколько свой конвой и посадивъ на лошадей 300 пѣхотинцевъ, Суворовъ переправился за Волгу въ погоню за Пугачевымъ.

Двигаясь по этой безбрежной степи на угадъ, днемъ—по солнцу, ночью—по звѣздамъ, Суворовъ удачно напалъ на слѣдъ Пугачева. Оказалось, что отрядъ послѣдняго, струсившій неотступной погони, самъ связалъ Пугачева и повезъ его въ Яицкъ, чтобы выдачею предводителя спасти свои головы. Когда Суворовъ, совершившій степной походъ въ 600 верстъ въ 9 дней, прибылъ въ Яицкъ 16-го сентября,—Пугачевъ былъ уже въ распоряженіи мѣстнаго коменданта, полковника Симонова.

Пугачевъ, доставленный въ Симбирскъ 1-го октября и сданный Суворовымъ Панину, былъ казненъ въ Москвѣ въ началѣ 1775 года. Но *пугачевщина* еще не была прекращена. Вся восточная полоса Россіи такъ была потрясена безначаліемъ и разореніемъ, что ей неминуемо грозили голодъ и моръ. У башкировъ продолжались смуты. Шайки злодѣевъ и грабителей еще бродили во множествѣ. Бороться съ этимъ зломъ, возстановлять порядокъ—опять-таки выпало на долю Суворова. Едва онъ успѣлъ, послѣ сдачи Пугачева, побывать до половины ноября въ Москвѣ, чтобы навѣстить жену и отца, какъ послѣдовало распоряженіе о подчиненіи ему всѣхъ войскъ въ Оренбургѣ, Пензѣ, Казани и другихъ мѣстахъ, почти до Москвы, въ общемъ итогѣ — до 80,000 человѣкъ. Вся зима была употреблена имъ на это невообразимо трудное дѣло. Тѣмъ не менѣе

башкирскія смуты были усмирены, и обломки пугачевскихъ шаекъ безъ слѣда уничтожены, но отнюдь не насильственными мѣрами, а большимъ тактомъ Суворова.

Въ ноябрѣ 1776 года Суворовъ получилъ назначеніе въ Крымъ. Тутъ ему пришлось служить подъ вѣдѣніемъ князя Прозоровскаго. А такъ какъ онъ не переносилъ подчиненности у посредственностей, то въ іюнѣ 1777 года уѣхалъ въ отпускъ въ Полтаву, гдѣ проживала жена его съ маленькою дочерью, родившеюся въ августѣ 1775 года. Когда же прошелъ срокъ отпуска, Суворовъ увѣдомилъ Прозоровскаго, что не можетъ возвратиться по болѣзни. Узнавъ объ этомъ, Румянцовъ сильно разсердился и послалъ Суворову категорическое «предписаніе» — *немедленно явиться* къ мѣсту своей службы. Но и это не помогло. Суворовъ хладнокровно отвѣтилъ, что «немедленно» не можетъ исполнить «приказанія».

Онъ рѣшилъ совсѣмъ не возвращаться подъ начальство Прозоровскаго, тѣмъ болѣе, что, въ виду происшедшаго тамъ въ это время возстанія татаръ, Прозоровскій доказалъ полную свою неспособность, такъ что Суворову, съ его блестящею военною репутаціею, даже рисковано было имѣть такого начальника. Но въ это время, при посредствѣ Потемкина, Румянцовъ получилъ приказаніе о начначеніи Суворова командовать кубанскимъ корпусомъ. Въ этой самостоятельной роли Суворовъ особенно характерно зарекомендовалъ себя, какъ талантливый организаторъ и администраторъ.

Пробывъ въ Кубанскомъ краю менѣе 100 дней, Суворовъ однако успѣлъ въ это время сдѣлать для края не мало существеннаго. Прежде всего онъ лично осмотрѣлъ линію постовъ по берегу моря, изучая вмѣстѣ съ тѣмъ и самую страну. Результатомъ этого явилось самостоятельное топографическое описаніе края и любопытныя этнографическія свѣдѣнія, съ цифрами и опредѣлительными данными. Кромѣ того въ это-же время было построено болѣе 30-ти укрѣпленій, причемъ и значительно улучшенъ весь порядокъ службы въ кордонѣ.

Румянцовъ по достоинству оцѣнилъ значеніе дѣятельности Суворова на Кубани и назначилъ его вмѣсто Прозоровскаго, получившаго двухгодичный отпускъ, подъ предлогомъ болѣзни. Власть же Суворова была распространена и на Кубань, уже изученную имъ.

Въ этой новой роли Суворовъ, помимо извѣстныхъ уже намъ высокихъ дарованій, проявилъ еще и большой дипломатическій даръ. Вслѣдствіе кучукъ-кайнарджискаго мира, Россія пріобрѣла сильное, непосредственное вліяніе на крымскія дѣла, такъ какъ Крымъ былъ признанъ независимымъ. Конечно, такое состояніе Крыма было лишь ступенью къ полному присоединенію его къ Россіи.

Именно со времени назначенія Суворова въ Крымъ, благодаря его энергической и талантливой дѣятельности, началось систематическое выполненіе указанной цѣли, имѣвшей такое громадное политическое значеніе для Россіи, въ смыслѣ пользованія Чернымъ моремъ. Турція, конечно, всѣми силами старалась противодѣйствовать русскимъ. Въ этихъ видахъ турецкій флотъ безпрерывно крейсировалъ у крымскихъ береговъ. Но, вслѣдствіе принятыхъ Суворовымъ мѣръ, не было никакой возможности высадиться иначе, какъ *насильственнымъ* путемъ. А это было слишкомъ рискованно для Турціи. Итакъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, не проливъ ни капли крови, дѣло, въ концѣ концовъ, получило такой исходъ, что Турція вынуждена была признать крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гирея, въ полномъ смыслѣ русскаго *ставленника*, вполнѣ зависимаго отъ Россіи въ матеріальномъ отношеніи.

Проработавъ съ такимъ напряженіемъ силъ, что втеченіе года не удалось побывать даже у своей семьи въ Полтавѣ, Суворовъ вынесъ очень тяжелое впечатлѣніе и горько жаловался въ своихъ письмахъ на чрезмѣрную требовательность Румянцова, большую его придирчивость и рѣзкій тонъ. Естественно поэтому, что онъ рвался отъ Румянцова, и, наконецъ, при помощи Потемкина, получилъ въ командованіе малороссійскую дивизію и поселился въ Полтавѣ, вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Но ему не пришлось, что-называется, даже и обжиться на новомъ мѣстѣ.

Въ Петербургѣ явилась новая затѣя—завязать торговыя сношенія съ Индіею черезъ Персію и Каспійское море. И для этого опять-таки потребовался Суворовъ. Его вызвали въ Петербургъ: государыня приняла его очень милостиво и оказала ему особенное вниманіе, пожаловавъ 24 декабря 1779 года брилліантовую звѣзду св. Александра Невскаго со своей одежды. Ему дано было секретное порученіе по поводу указанной затѣи, и онъ уѣхалъ въ Астрахань. Все это оказалось вздоромъ. Англія слишкомъ крѣпко держала въ своихъ рукахъ торговлю съ Индіею, чтобы Россіи можно было чѣмъ-нибудь поживиться тамъ. Суворову же пришлось томиться около двухъ лѣтъ въ Астрахани, въ ожиданіи какого-либо опредѣленнаго дѣла, въ средѣ провинціальныхъ сплетниковъ и пасквилянтовъ, усиливавшихся подвести его подъ общій уровень, такъ что этотъ мужественный человѣкъ наконецъ съ отчаяніемъ завопилъ: «Боже мой, долго-ли же меня въ такомъ тиранствѣ томить!»...

Вопль этотъ дошелъ и до Петербурга, гдѣ теперь Суворовъ былъ крайне необходимъ для Потемкина, заступившаго мѣсто Румянцова и продолжавшаго его политику съ Крымомъ, но при совершенно дру-

гихъ уже условіяхъ. Подъ вліяніемъ происковъ турокъ, въ Крыму произошло волненіе, и тамъ низложили хана Шагинъ-Гирея. Россія моментально воспользовалась этою оплошностью турокъ, занявъ своими войсками Крымъ, Тамань и Прикубанскій край. Екатерина въ апрѣлѣ 1783 года издала манифестъ о принятіи всѣхъ этихъ областей подъ свою державу. Значитъ, надо было сдѣлать это подданство фактическимъ. А потому первою заботою Потемкина было приведеніе ногайцевъ къ присягѣ, какъ новыхъ русскихъ подданныхъ. Суворовъ, раньше уже знавшій ногайцевъ и хорошо извѣстный имъ еще съ 1778 года, не встрѣтилъ къ этому никакихъ препятствій, прибѣгнувъ къ формѣ широкаго, радушнаго угощенія. За это Суворовъ получилъ недавно учрежденный орденъ Владиміра первой степени. Но коварные кочевники, не смотря на присягу, остались такими-же, какъ и были. Послѣ довольно сильнаго броженія между ними, вспыхнулъ почти общій мятежъ, съ нападеніемъ на Ейскую крѣпость, въ отсутствіе Суворова. Не имѣя ни пушекъ, ни ружей, мятежники, конечно, потерпѣли неудачу, и удалились за Кубань, такъ что остались вѣрными Россіи лишь трое мурзъ. Въ возстаніи ногайцевъ и уходѣ ихъ за Кубань былъ виноватъ только Потемкинъ. Онъ навязалъ Суворову такую мѣру, какъ переселеніе ногайцевъ въ уральскую степь.

Впрочемъ Суворовъ быстро исправилъ неблагопріятное впечатлѣніе отъ самоуправства ногайцевъ. Онъ совершилъ безпримѣрно-блестящую экспедицію за Кубань, для наказанія ногайцевъ. Походъ былъ предпринятъ въ холодную осеннюю пору, въ исходѣ сентября 1783 года. Суворовъ умудрился скрыть переходъ цѣлаго отряда войскъ на протяженіи около 300 верстъ. Онъ передвигался исключительно по ночамъ, почти всегда въ цѣлину, по совершенно невѣдомой мѣстности, буквально изрѣзанной глубокими балками и множествомъ рѣкъ, съ широкими и глубокими бродами, при переходѣ черезъ которыя иногда приходилось раздѣваться до-нага. Много затрудненій представляла переправа артиллеріи, кавалеріи и обоза, которые, за недостаткомъ времени для разработки подъемовъ и каменистости почвы, приходилось втаскивать на канатахъ. Не смотря на это, адскій переходъ благополучно совершенъ, и ногайцы были накрыты врасплохъ. Это произошло въ 12-ти верстахъ отъ Кубани, близъ урочища Керменчикъ. Ногайцы защищались съ отчаяніемъ. Произошла жесточайшая сѣча на обоихъ берегахъ Лабы, впадающей въ Кубань, продолжавшаяся, въ общей сложности, около 8 часовъ, но съ двухъчасовымъ перерывомъ, вслѣдствіе крайняго утомленія войскъ, сдѣлавшихъ ночной переходъ въ 25 верстъ, при весьма труд-

ной переправѣ. Ногайцы бились съ изступленіемъ. Видя свою безъисходность, одни убивали женъ и дѣтей, другіе, находясь при послѣднемъ издыханіи, тѣмъ не менѣе употребляли всѣ усилія, чтобы нанести какой-либо вредъ русскимъ. Бой растянулся на 10-тиверстное разстояніе, причемъ ногайцевъ осталось на мѣстѣ около 4,000 человѣкъ, да 700 были взяты въ плѣнъ.

Громадное впечатлѣніе произвелъ этотъ погромъ на татаръ. Большинство ногайскихъ мурзъ послали Суворову, въ знакъ покорности, свои бѣлыя знамена, раскаивались и обѣщали вернуться на прежнія кочевья. Крымскіе же татары пришли въ ужасъ и стали тысячами переселяться въ Турцію.

Зиму Суворовъ провелъ въ крѣпости св. Димитрія, у устоевъ Дона, гдѣ проживала и его семья, пребывавшая раньше въ Ейскѣ. Въ февралѣ 1784 года послѣдовало признаніе Портою подданства Крыма и Кубанскаго края Екатеринѣ II. Вслѣдствіе этого Суворову указано было сдать войска и уѣхать въ Москву, гдѣ его ждало новое назначеніе: онъ получилъ въ командованіе владимірскую дивизію.

Такъ закончился цѣлый періодъ сложной, многосторонней дѣятельности Суворова, еще болѣе упрочившій извѣстность его въ глазахъ безпристрастныхъ наблюдателей и въ средѣ арміи. Два же года своего командованія дивизіей Суворовъ называетъ «*бездѣйствіемъ*», такъ какъ натура его была чисто «боевою». Не лишено также характерности, что въ этотъ именно промежутокъ мирной жизни и хозяйственныхъ занятій по имѣнію онъ разошелся съ женою. Малолѣтнюю же дочь свою онъ отдалъ въ институтъ, но не ученицею, а пока лишь просто подъ покровительство начальницы института. У Суворова въ это время былъ уже и маленькій сынъ, который однако остался пока при матери.

Потемкинъ перевелъ Суворова въ Петербургъ и поручилъ ему командованіе мѣстною дивизіею. Но это было сдѣлано, строго говоря, не для Суворова, а для Потемкина, подготовлявшаго въ это время *волшебное путешествіе* Екатерины по югу Россіи, причемъ Суворовъ былъ крайне необходимъ ему, чтобы блестяще и внушительно представить военное дѣло. Въ виду этого, въ октябрѣ 1786 года Суворовъ, по старшинству, былъ произведенъ въ генералъ-аншефы и отправленъ въ екатеринославскую армію, для командованія кременчугскими войсками, которымъ предстояло играть видную роль во время путешествія императрицы. По важности момента, требовался такой эффектъ, который свидѣтельствовалъ-бы о дѣйствительномъ, а не показномъ только достоинствѣ войскъ. И имен-

но потому, что Суворовъ рѣшительно никогда не поступался боевыми качествами требованіямъ парадным, Потемкинъ вполнѣ довѣрилъ ему все подготовленіе кременчугской дивизіи къ парадн ѣйшему изъ самыхъ парадныхъ военныхъ смотровъ. Очевидно, онъ былъ очень доволенъ дѣятельностью Суворова въ этомъ отношеніи, потому что поставилъ его такимъ образомъ, что онъ неоднократно имѣлъ случай быть въ свитѣ императрицы и даже выступать въ активной роли.

Отправляясь для встрѣчи Екатерины въ Кіевъ, Потемкинъ взялъ съ собою и Суворова, который оставался тамъ довольно долгое время, такъ что вернулся въ Кременчугъ лишь передъ самымъ выѣздомъ императрицы изъ Кіева. Когда Екатерина отдохнула въ Кременчугѣ, Потемкинъ предложилъ ей посмотрѣть войска. Государыню при этомъ сопровождала громадная свита русскихъ и иностранцевъ, между которыми было не мало дѣйствительныхъ спеціалистовъ военнаго дѣла. Всѣ они, не исключая и самой государыни, отличавшейся несомнѣннымъ знаніемъ военнаго дѣла, были прямо-таки озадачены и поражены происходившимъ передъ ихъ глазами строевымъ ученіемъ на «суворовскую ногу». Видъ у солдатъ былъ превосходный; всѣ ихъ движенія и дѣйствія отличались необычайною живостью и точностью. Словомъ, получился самый полный и сильный эффектъ именно потому, что онъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ происходившаго передъ глазами зрителей точнаго, строго методическаго строевого ученія, но съ особенными, свойственными Суворову и имъ введенными, пріемами.

Благодаря присутствію Двора и съѣзду иностранцевъ, прежняя извѣстность Суворова пріобрѣла еще болѣе широкое распространеніе. Выдвинутый обстоятельствами на одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, будучи на виду у всѣхъ, Суворовъ продолжалъ оставаться самимъ собою, не обуздывая своей страсти къ шутовству, остротамъ, разнаго рода причудамъ и выходкамъ.

Въ дальнѣйшемъ путешествіи Екатерины II Суворовъ также принималъ участіе и даже былъ представленъ австрійскому императору Іосифу, съ которымъ часто и подолгу бесѣдовалъ по вопросамъ и дѣламъ военно-политическаго свойства. Когда императрица изъ Херсона повернула въ Крымъ,—Суворовъ возвратился къ своему посту и сформировалъ лагерь войскъ. На возвратномъ пути, онъ встрѣтилъ государыню и прослѣдовалъ въ ея свитѣ до Полтавы. Тутъ были устроены маневры войскъ, воспроизводившіе знаменитую побѣду Петра надъ шведами.

Въ Полтавѣ Потемкинъ и Суворовъ откланялись Екатеринѣ, отправлявшейся въ Москву. Потемкину она пожаловала титулъ

«*Таврическаго*»; Суворову — табакерку со своимъ вензелемъ, стоимостью не менѣе 7,000 рублей.

VI.

Вторая турецкая война

(1787—1790).

Побѣда при Кинбурнѣ. — Разгромъ турецкаго флота. — Неудача подъ Очаковымъ. — Штурмъ Очакова. — Побѣда при Фокшанахъ. — Разгромъ турокъ въ Рымникѣ. — Суворовъ—графъ Рымникскій и священной Римской имперіи. — Взятіе Измаила и непримиримая вражда Потемкина.

Какъ извѣстно уже, Турція жестоко поплатилась за опрометчивое объявленіе войны Россіи по наущеніямъ Франціи; тѣмъ не менѣе Турція болѣе даже чѣмъ усугубила прежнюю свою ошибку, вызвавъ Россію къ новой войнѣ. Послушавшись недобросовѣстныхъ совѣтчиковъ, Англіи и Пруссіи, Турція, очертя голову, потребовала отъ Россіи возвращенія Крыма и уничтоженія всѣхъ договоровъ, начиная съ кучукъ-кайнарджискаго.

Война была объявлена 13 августа 1787 года. Россіи было не до войны. Она находилась наканунѣ войны съ Швеціею. Съ Польшею дѣла все болѣе осложнялись. Съ Пруссіей были до крайности натянутыя отношенія. Это именно и имѣла въ виду Турція, дѣятельно готовившаяся къ войнѣ во все время послѣ кайнарджискаго мира.

Командовать дѣйствующей арміей, называвшейся екатеринославскою, назначенъ былъ Потемкинъ, бывшій теперь уже фельдмаршаломъ. Другая-же армія, такъ называемая украинская, подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцова, имѣла своимъ назначеніемъ охрану нашихъ границъ и спокойствія въ Польшѣ, а также поддержаніе связи между дѣйствующими арміями, нашею и австрійскою, двинувшеюся въ 1787 году къ турецкимъ границамъ. Самый-же главный военный районъ, такъ называемый херсонесъ-кинбурнскій, былъ порученъ Суворову, находившемуся въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Потемкину и безпрерывныхъ сношеніяхъ съ нимъ. Потемкинъ-же между прочимъ писалъ ему: «Мой другъ сердечный, ты своею особою больше 10,000 (человѣкъ); я такъ тебя почитаю и ей-ей говорю чистосердечно».

Турки, послѣ перваго неудачнаго нападенія на Кинбурнъ съ моря, вторично напали на эту крѣпость и, придвинувшись со стороны Очакова, начали бомбардировать ее. Это безуспѣшно продолжалось нѣсколько дней, съ самымъ незначительнымъ вредомъ. Турки два

раза пытались высадиться, но были отбиты съ значительнымъ урономъ: одинъ изъ кораблей былъ сильно поврежденъ, другой —взорванъ съ 500 человѣкъ экипажа. Такъ прошло полтора мѣсяца, пока русскіе, бывшіе неподготовленными, достаточно изготовились, чтобы принять турокъ соотвѣтствующимъ образомъ, когда тѣ вновь предприняли бомбардированіе кинбурнской крѣпости 29-го сентября, еще болѣе усилившееся 30-го. Суворовъ сразу сообразилъ, что предпринимается нѣчто серьезное, и запретилъ своей артиллеріи отвѣчать на турецкій огонь. Видя, что турки желаютъ высадиться на кинбурнскую косу, онъ принялъ всевозможныя мѣры, чтобы не мѣшать имъ въ этомъ. «Пусть всѣ вылѣзутъ»,—повторялъ онъ своимъ приближеннымъ, составивъ уже общій планъ дѣйствій, аналогичный съ тѣмъ, что̀ мы видѣли въ Гирсовѣ въ 1773 году. Турецкія-же суда, подплывая къ берегу, немедленно вбивали сваи для огражденія себя отъ выстрѣловъ. Турки высаживались съ шанцевымъ инструментомъ, съ мѣшками для песка, и немедленно принимались за устройство укрѣпленій. Эти работы никѣмъ не нарушались, такъ-что, спокойно окончивъ ихъ, турки, послѣ полудня, не торопясь, сдѣлали омовеніе и совершили обычную молитву на глазахъ у русскихъ. Затѣмъ началось наступленіе. Подошли на версту, а передовые, подъ прикрытіемъ берега, приблизились къ крѣпости шаговъ на 200, и только тогда, около трехъ часовъ дня, данъ былъ залпъ со всѣхъ орудій. Загорѣлся упорный, ожесточенный бой, съ переходомъ успѣха то на ту, то на другую сторону. Но въ самый серьезный и затруднительный моментъ боя случилось большое несчастье. Суворовъ, все время руководившій боемъ и находившійся въ переднихъ рядахъ, одно время даже совсѣмъ пѣшимъ, вслѣдствіе пораненія лошади, получилъ картечную рану въ бокъ, ниже сердца, и на нѣкоторое время лишился сознанія. Солнце уже стояло низко, и русскіе два раза были отбиты. Вслѣдствіе этого пораненіе Суворова имѣло рѣшительное вліяніе на отступленіе русскихъ въ крѣпость, которое хотя и было произведено въ полномъ порядкѣ, но съ потерею нѣсколькихъ полковыхъ орудій.

Передъ глазами Суворова, находившагося въ полусознательномъ состояніи, проносилась совсѣмъ чуждая для него картина: русскія войска быстро проходили мимо него въ *отступленіи*; турки яростно *преслѣдовали отступавшихъ* въ крѣпость, съ радостными криками захватывая оставшіяся пушки и увозя ихъ съ собою. Тѣмъ не менѣе Суворовъ не упалъ духомъ и не утратилъ увѣренности въ побѣдѣ, что̀ и обезпечило одну изъ самыхъ крупныхъ и громкихъ его побѣдъ на слѣдующій-же день. Стянувъ всѣ

подкрѣпленія, Суворовъ ударилъ на непріятеля съ такою стремительностью и силою съ разныхъ сторонъ, что послѣдній окончательно былъ выбитъ изъ своихъ укрѣпленій и сбитъ въ одну кучу на протяженіи лишь около полуверсты. Положеніе турокъ было тѣмъ болѣе ужасно, что у нихъ не было никакихъ средствъ къ отступленію, такъ какъ суда ихъ ушли далеко въ море, для устраненія бѣгства. Турки, какъ разъяренные звѣри, бросались на тѣснившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ русскихъ и тѣмъ не менѣе умирали массами или тутъ, на косѣ, или на морѣ, куда они бросались, желая укрыться за сваями, но гдѣ на нихъ градомъ сыпалась картечь. Пораженіе было полное. При самомъ окончаніи боя, раненный Суворовъ, находившійся все время на полѣ сраженія и управлявшій всѣмъ ходомъ его, былъ снова раненъ ружейною пулею въ лѣвую руку на вылетъ.

На слѣдующій день, рано утромъ, прибыли къ косѣ турецкія суда, чтобы подобрать живыхъ и мертвыхъ — подъ градомъ пушечныхъ ядеръ и гранатъ. Всего судами было увезено не болѣе 700 человѣкъ. Высадилось-же на кинбурнской косѣ не менѣе 5,300 человѣкъ.

Невозможно передать, съ какимъ восторгомъ былъ принятъ этотъ разгромъ и Потемкинымъ, какъ главнокомандующимъ, и въ Петербургѣ. Потемкинъ, принявъ на себя должность главнокомандующаго, не имѣя на это соотвѣтствующихъ задатковъ, совсѣмъ растерялся, не зная, съ чего начать, что̀ предпринять, за что и какъ приняться. А время шло. Бездѣятельность-же и нерѣшительность такъ угнетали его нравственно, что онъ письмо за письмомъ посылалъ императрицѣ съ отказомъ отъ принятой имъ на себя обязанности и съ просьбою позволить передать главнокомандованіе Румянцову, который, безспорно, былъ правоспособнѣе Потемкина въ этомъ отношеніи. Послѣдній дошелъ, наконецъ, до полнаго *отчаянія*, какъ это видно изъ многочисленныхъ писемъ его къ Румянцову по этому предмету. Въ одномъ, напримѣръ, изъ такихъ писемъ онъ прямо говоритъ:

«Ей-Богу, я не знаю, что̀ дѣлать, болѣзнь угнетаетъ, ума нѣтъ», и въ заключеніе проситъ его «*повелѣнія*—куда доставить нужныя бумаги и суммы» (т. е. по главнокомандованію дѣйствующею арміею).

И вдругъ—небывало громкая побѣда именно въ его арміи!.. Потемкинъ сразу ожилъ и преобразился.

«Не нахожу словъ изъяснить,—писалъ онъ между прочимъ Суворову,—сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу; я такъ молю Бога о твоемъ здоровьѣ,что желаю за тебя самъ лучше терпѣть, нежели-бы ты занемогъ».

Императрица также была въ восторгѣ, называла побѣду «*совершенною*» и добавляла: «но жаль, что старика ранили». Во

дворцѣ былъ большой выходъ, причемъ читалась реляція, Екатеринѣ приносили поздравленія, и отслужили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Въ собственноручномъ рескриптѣ государыни Суворову между прочимъ сказано: «чувствительны намъ раны ваши». По совѣщаніи императрицы съ Потемкинымъ, Суворовъ, при вторичномъ рескриптѣ, получилъ орденъ Андрея Первозваннаго.

Но Суворовъ не ограничился только уничтоженіемъ турецкихъ войскъ: онъ кромѣ того довелъ еще и турецкій флотъ до безусловной невозможности дѣйствовать въ очаковскихъ водахъ. Послѣ кинбурнскаго погрома, зима прошла въ полномъ затишьѣ. Наконецъ, 20-го мая 1788 г. появился сильный и многочисленный турецкій флотъ, остановившійся однако въ 29 верстахъ отъ берега и остававшійся въ бездѣйствіи. Во главѣ стоялъ Гассанъ-паша, человѣкъ даровитый и знающій морякъ. Вся русская флотилія, парусная и гребная, вышла изъ Глубокой и стала въ 5 верстахъ отъ турецкихъ судовъ. Неравенство силъ рѣзко бросалось въ глаза. Русскій флотъ ясно уступалъ турецкому численностью, состоя притомъ преимущественно изъ легкихъ судовъ. Наконецъ, 7-го іюня турки начали атаку, — и разыгралось дѣло, окончившееся лишь глубокою ночью неудачею турокъ. У нихъ два судна были взорваны, третье—сгорѣло и 18 судовъ значительно повреждены. Наши потери были незначительны, такъ какъ дѣло велось преимущественно гребною флотиліею. Суворовъ, внимательно слѣдившій за этимъ морскимъ сраженіемъ, быстро составилъ планъ для огражденія себя отъ турецкой флотиліи. Онъ рѣшилъ воспользоваться кинбурнскою косою для морскихъ дѣйствій на лиманѣ. По его указанію, немедленно же приступили къ сооруженію двухъ батарей по 24 пушки, устроили ядрокалильную печку—и все это было тщательно сокрыто отъ глазъ непріятеля.

17-го іюня Гассанъ-паша, послѣ дѣятельныхъ приготовленій, вновь атаковалъ нашъ флотъ, съ полною увѣренностью въ успѣхѣ и съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить его. Но онъ сильно запоздалъ. Именно въ ночь на 17-е іюня изъ Кременчуга прибыли 22 новыя вооруженныя лодки, представлявшія существенно важное усиленіе нашей флотиліи. Завязался упорный, ожесточенный бой, остававшійся безъ перевѣса въ ту или другую сторону, пока одинъ изъ турецкихъ кораблей не былъ взорванъ. Это произвело панику въ турецкой флотиліи, — и всѣ суда бросились подъ защиту Очаковской крѣпости; но остался, почему-то, одинъ корабль Гассана-паши, который немедленно окружили русскія гребныя суда и взяли въ плѣнъ, такъ что Гассанъ-паша едва успѣлъ спастись. Началось безпорядочное бѣгство турецкой флотиліи, такъ удачно преслѣдуе-

мой русскою, что непріятельскія суда одно за другимъ взлетали на воздухъ. Въ концѣ же концовъ Гассанъ-паша рѣшилъ оставить Очаковъ и соединиться съ тою частью эскадры, которая находилась въ открытомъ морѣ. Но едва корабли поравнялись съ замаскированными Суворовскими батареями на кинбурнской косѣ, какъ по нимъ, совершенно неожиданно для непріятеля, открыли чрезвычайно сильный огонь. Съ помощью парусовъ, Гассанъ кое-какъ вывелъ свой авангардъ въ море; но остальной его части флота пришлось весьма серьезно поплатиться. Съ батарей было разбито *семь* судовъ; всего же истреблено 15 турецкихъ судовъ, да одинъ корабль взятъ въ плѣнъ. Убитыхъ и раненыхъ со стороны непріятеля до 6.000 человѣкъ, да въ плѣнъ взято около 1.800. По несоотвѣтствію силъ, Суворовъ охарактеризовалъ это, единственное въ своемъ родѣ, морское дѣло, назвавъ его «*побѣдою жучекъ надъ слонами*». Побѣда однако была *полною* и *окончательною*.

Суворовъ однако чувствовалъ себя не хорошо. Ему, какъ человѣку боевому и честному, прямо-таки было *стыдно* и *обидно* нелѣпое промедленіе въ отношеніи Очакова. Государыня также настойчиво требовала немедленнаго обращенія дѣйствій на Очаковъ. Но Потемкинъ все оттягивалъ, словно ожидалъ, что Очаковъ долженъ чудомъ перейти въ русскія руки. Наконецъ, по прошествіи іюня, подступилъ къ Очакову и Потемкинъ. На переходъ 200 верстъ ему потребовалось *пять* недѣль, потому что онъ былъ развращеннымъ сибаритомъ, но не военачальникомъ.

Обложивъ Очаковъ, Потемкинъ, вмѣсто немедленнаго штурма, все оттягивалъ дѣло, давая этимъ непріятелю возможность усиливать укрѣпленія, пополнять составъ войска и продовольствіе. Бездѣйствовалъ же онъ потому, что не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана осады и штурма. А какъ человѣкъ малодушный, онъ избѣгалъ всякихъ дѣльныхъ совѣтовъ, — боясь упрека въ несамостоятельности. Такое фальшивое положеніе угнетало его нравственно. Онъ называлъ Очаковъ «проклятою крѣпостью» только потому, что самъ не умѣлъ ее взять, а другихъ не подпускалъ къ этому дѣлу.

Особенно-же тяжело было положеніе Суворова, остававшагося въ *позорномъ* бездѣйствіи, тогда какъ онъ неоднократно уже предлагалъ взять крѣпость штурмомъ. Неудивительно поэтому, что Суворовъ чрезвычайно обрадовался, когда турки 27-го іюля сдѣлали большую вылазку на лѣвый флангъ осаднаго расположенія, находившійся подъ его командованіемъ. Столь опытный въ военныхъ экспромптахъ, Суворовъ сразу повелъ правильный бой съ 2.000 человѣкъ турецкой пѣхоты, сдѣлавшей вылазку; но число ихъ вскорѣ

же было увеличено подкрѣпленіемъ до 3.000 человѣкъ. Бой сильно разгорѣлся и явно клонился въ пользу русскихъ войскъ. Но въ это время Суворовъ получилъ очень опасную рану пулею въ шею, и вынужденъ былъ передать командованіе другому. Вмѣсто поддержки Суворова во время боя и немедленнаго штурмованія праваго фланга непріятеля, совершенно опустѣвшаго во время вылазки, Потемкинъ не придумалъ ничего лучшаго, кромѣ посылки *четырехъ* приказаній Суворову немедленно прекратить бой и отступить. Въ четвертый же разъ отъ Суворова потребовали отвѣта на грозный вопросъ: «*Какъ онъ осмѣлился безъ повелѣнія завязать такое важное дѣло?..*» У Суворова въ это время извлекали пулю, и онъ спокойно отвѣтилъ:

«Я на камушкѣ сижу,
На Очаковъ я гляжу...»

Суворовъ, конечно, не могъ уже оставаться на своемъ посту подъ Очаковымъ, и дня черезъ три уѣхалъ въ Кинбурнъ совершенно больной, съ лихорадкою и обмороками. Но тамъ съ нимъ случилось еще и другое несчастье. Въ кинбурнской крѣпости, безъ его вѣдома, снаряжались гранаты и бомбы для очаковской арміи. Едва Суворовъ сталъ немного поправляться, какъ 18 августа въ лабораторіи, гдѣ производилось это недозволенное «снаряженіе», произошелъ страшный взрывъ, угрожавшій даже всей крѣпости и сильно поранившій Суворова въ лицо, грудь, руку и ногу.

Потемкинъ же все тянулъ и тянулъ осаду Очакова, названную Румянцовымъ въ насмѣшку «*осадою Трои*». Наступила особенно лютая зима, съ морозами свыше 20°, такъ и названная въ народѣ «*очаковскою*». Солдаты буквально мерзли въ землянкахъ, такъ что отъ одной стужи убывало по 30 — 40 человѣкъ въ день. Войска терпѣли страшную нужду во всемъ. Солдаты, доведенные до отчаянія, просили о штурмѣ. Но даже и это не подѣйствовало. По арміи пошелъ ропотъ, дошедшій, конечно, и до Потемкина... Штурмъ состоялся 6 декабря, при 23° мороза, и отличался возмутительнѣйшею жестокостью. Продолжался онъ всего часъ, но сопровождался истинно-звѣрскою жестокостью, обративъ городъ въ сплошную могилу. Городъ, отданный на трехдневное разграбленіе, былъ совершенно разоренъ. За это Потемкинъ получилъ давно желаннаго имъ Георгія 1-го класса, съ брилліантовою звѣздою, шпагу, усыпанную брилліантами, и 100.000 рублей. Въ представленіи о наградахъ былъ помѣщенъ также и Суворовъ, получившій за пораженіе флота подъ Кинбурномъ брилліантовое перо въ шляпу, съ буквою К, большой цѣнности.

Потемкинъ былъ такъ сильно задѣтъ Суворовымъ въ своемъ «властительномъ самолюбіи», что рѣшилъ оставить его въ *тьми забвенія*, затереть. Въ виду этого, при распредѣленіи генералитета по войскамъ обѣихъ армій на 1789 годъ, Потемкинъ вовсе не внесъ Суворова въ списки. Послѣдній, своевременно узнавъ объ этомъ, быстро прибылъ въ Петербургъ, представился государынѣ, поклонился ей, по обыкновенію, въ землю, жалобно проговоривъ:

— Матушка, я—прописной!..

— Какъ это?—спросила Екатерина.

— Меня нигдѣ не помѣстили съ прочими генералами и ни одного капральства не дали въ команду.

Екатерина сразу поняла, что это—продѣлка Потемкина. Высоко цѣня военныя достоинства Суворова, императрица сама назначила его въ армію Румянцова. Получивъ назначеніе 25-го апрѣля, Суворовъ немедленно отправился къ мѣсту новаго своего служенія и вступилъ въ командованіе дивизіею, расположенною между Прутомъ и Серетомъ. Тутъ произошла перемѣна въ начальствованіи. По проискамъ Потемкина, ему, совмѣстно съ екатеринославскою арміею, было предоставлено командованіе также и малороссійскою, бывшею подъ начальствомъ графа Румянцова, который остался *не у дѣлъ*.

Вскорѣ послѣ прибытія Суворова на театръ войны, стало извѣстно, что турецкій корпусъ, подъ начальствомъ Османа-паши, предпринялъ наступленіе на Фокшаны, чтобы разбить сначала австрійцевъ (объявившихъ войну Турціи еще въ 1788 году, но почти ничего не сдѣлавшихъ втеченіе года), а потомъ—наброситься на русскихъ. Командовавшій лѣвою частью австрійской арміи, принцъ Кобургскій, обратился къ Суворову, какъ ближайшему русскому военачальнику, съ настойчивою просьбою о подкрѣпленіи. Суворовъ отвѣтилъ, что выступаетъ немедленно (16-го іюля), и, дѣйствительно, почти черезъ сутки русскія войска были уже на новомъ мѣстѣ, пройдя 50 верстъ (въ 28 час.) по невообразимо дурной дорогѣ. Эта быстрота изумила принца и австрійскія войска. Но еще болѣе былъ изумленъ Кобургскій, когда наступило время совѣщанія о планѣ дѣйствія (18-го іюля). Три раза просилъ онъ у Суворова свиданія, и каждый разъ получалъ отказъ подъ разными предлогами. Кобургскій былъ пораженъ этимъ и не зналъ, чѣмъ объяснить. Наконецъ, въ 11-мъ часу вечера онъ получилъ отъ Суворова записку на французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

«Войска выступаютъ въ 2 часа ночи, тремя колоннами; среднюю составляютъ русскіе. Непріятеля атаковать всѣми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влѣво, чтобы на зарѣ прибыть

къ рѣкѣ Пруткѣ, которую и перейти, продолжая атаку. Говорятъ, что турокъ передъ нами тысячъ пятьдесятъ, а другія пятьдесятъ — дальше; жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, лучше бы было покончить съ ними разомъ».

Кобургъ колебался въ принятіи этого къ исполненію; но боевая репутація Суворова заставила уступить. Потомъ само собою разъяснилось, что Суворову не о чемъ было совѣтываться съ Кобургскимъ, такъ какъ онъ имѣлъ уже совершенно готовый планъ, оказавшійся въ исполненіи блистательнымъ.

Тѣ самые австрійцы, громадныя арміи которыхъ турки побѣдоносно разносили не далѣе, какъ въ 1788 году, теперь, подъ указаніемъ и руководствомъ Суворова, сражались стойко, мужественно, побѣдоносно. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія союзной арміи (7.000 русскихъ и 18.000 австрійцевъ), 10-ти-часовой бой при Фокшанахъ имѣлъ самыя печальныя послѣдствія для громадной турецкой арміи, понесшей жестокое пораженіе. Послѣ боя, Суворовъ и Кобургскій, вовсе не видавшіеся раньше, съѣхались, сошли съ лошадей, обнялись и крѣпко расцѣловались. Примѣру ихъ послѣдовала свита. Затѣмъ радушныя взаимныя поздравленія и пожеланія слышались при каждой встрѣчѣ русскихъ и австрійцевъ. Побѣда при Фокшанахъ произвела сильное впечатлѣніе при обоихъ дворахъ. Екатерина даже заплакала отъ удовольствія. Суворовъ былъ награжденъ брилліантовымъ крестомъ и звѣздою къ ордену Андрея Первозваннаго. Отъ австрійскаго же императора онъ получилъ богатую табакерку, съ брилліантовымъ шифромъ, при очень любезномъ рескриптѣ. И послѣ фокшанской побѣды Суворовъ, по обыкновенію, взывалъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ онъ объ этомъ въ оффиціальномъ порядкѣ:

«Отвѣчаю за успѣхъ, если мѣры будутъ наступательныя; оборонительныя-же—визирь придетъ. На что колоть тупымъ концомъ вмѣсто остраго?»

Оказалось даже, что руководители дѣла, Потемкинъ и Репнинъ, имѣли совершенно превратныя понятія о движеніи арміи великаго визиря. Суворовъ же, за свой страхъ и рискъ, передвинулъ войска такъ, что они заняли среднее положеніе между Галацемъ и Фокшанами. Это оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ движенію великаго визиря, который, собравъ огромное количество войска, перешелъ Дунай у Браилова и двинулся къ Рымнику.

Принцъ Кобургскій былъ въ ужасѣ отъ этого движенія, такъ какъ великій визирь шелъ прямо на него. Онъ вторично взмолился къ Суворову о помощи (6-го сентября),—и Суворовъ опять-таки своевременно пришелъ на помощь (10-го сентября). Совсѣмъ упав-

шіе было духомъ австрійцы съ восторгомъ встрѣтили русскихъ, какъ своихъ избавителей. И въ Рымникѣ, какъ и въ Фокшанахъ, наступательный переходъ былъ сдѣланъ въ ночную пору, неожиданно для непріятеля. Непріятель былъ расположенъ въ четырехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ, занимавшихъ сильныя, выгодныя позиціи. Численность непріятельской арміи (около 115.000 человѣкъ) болѣе чѣмъ въ четыре раза превосходила совокупность союзныхъ войскъ (около 25.000 человѣкъ).

Бой начался съ восходомъ солнца 11-го сентября и упорно продолжался весь день, хотя побѣду можно было считать уже обезпеченною въ 4 часа пополудни. Во время сраженія великій визирь находился все время при дѣлѣ. Страдая изнурительною лихорадкою, онъ разъѣзжалъ въ колескѣ. Но когда бой разгорѣлся и началъ принимать неблагопріятный оборотъ, визирь въ сильномъ нервномъ возбужденіи сѣлъ на коня. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы собрать войска и направить ихъ въ бой, убѣждалъ ихъ священными для мусульманъ именами, поднималъ и показывалъ Коранъ, даже прибѣгъ къ силѣ, приказавъ артиллеріи стрѣлять по бѣглецамъ. Было сдѣлано 10 выстрѣловъ,—и никакого результата. Убѣдившись въ безнадежномъ нравственномъ потрясеніи своихъ войскъ, визирь поспѣшно уѣхалъ.

Побѣда при Рымникѣ — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій Суворовскаго военнаго дарованія во всемъ его объемѣ. Это—образцовѣйшій и блестящій примѣръ побѣды *не числомъ*, а *духомъ арміи*. Это было такъ ясно, что войска Кобургскаго не могли даже скрыть своего изумленія и восторга отъ смѣлости и вѣрности *наступательнаго принципа* Суворова, давъ ему симпатичную кличку: «*генералъ впередъ*». И въ глаза, и за глаза австрійцы съ восхищеніемъ утверждали, что «русскія войска—непобѣдимы», что «передъ ними *все должно пасть*».

Суворовъ придавалъ рымникской побѣдѣ особенное значеніе и характерно оттѣнилъ передъ всѣми войсками выдающееся ея значеніе въ качественномъ отношеніи. Онъ ознаменовалъ эту побѣду совершенно своеобразнымъ торжествомъ. Войска были собраны на полѣ сраженія для слушанія молебна въ одно большое каре, причемъ каждый воинъ, по приказанію Суворова, имѣлъ при себѣ зеленую вѣтвь. По окончаніи молебна Суворовъ сказалъ войскамъ рѣчь о значеніи побѣды, чести, славы и лавровъ, приказавъ каждому изъ бывшихъ въ строѣ увѣнчать себя побѣдною вѣтвью.

Потери турокъ 11-го сентября простираются до 15.000 убитыми. Взято 108 знаменъ, 80 орудій, цѣлыя стада скота, нѣсколько

тысячъ повозокъ съ разнаго рода имуществомъ. Вообще добыча громадная, изъ четырехъ непріятельскихъ лагерей, изъ которыхъ одинъ—собственно визиря, съ его богатѣйшею ставкою, убранною золотою и серебряною парчею. Въ отвѣтъ на донесеніе Суворова о побѣдѣ, Потемкинъ писалъ ему:

«Объемлю тебя лобызаніемъ искреннимъ и крупными словами свидѣтельствую мою благодарность. Ты, мой другъ любезный, неутомимою своею ревностью возбуждаешь во мнѣ желаніе имѣть тебя повсемѣстно... Если мнѣ слава, слава, то вамъ честь честью...»

Государыня была въ неописанномъ восторгѣ. Въ придворной церкви было отслужено молебствіе, при громаднѣйшемъ съѣздѣ, съ пушечнымъ салютомъ въ 101 выстрѣлъ. Архіереи говорили поздравительныя рѣчи. Екатерина цитировала даже письмо Суворова къ его дочери-институткѣ, въ которомъ говорилось между прочимъ, что рымникская побѣда совпала со днемъ пораженія имъ Огинскаго. Не менѣе былъ доволенъ побѣдою и императоръ Іосифъ, который въ рескриптѣ Суворову прямо сказалъ:

«Совершенно признаю, что я побѣдою обязанъ наипаче вашему скорому соединенію съ принцемъ Кобургскимъ».

Согласно представленію Потемкина, Суворовъ получилъ: графскій титулъ съ прибавленіемъ «*Рымникскій*», орденъ Георгія 1-й степени, брилліантовый эполетъ и богатѣйшую шпагу. Кромѣ того государыня прибавила еще перстень. Австрійскій императоръ пожаловалъ Суворову графскій титулъ священной Римской имперіи. Но больше всѣхъ былъ признателенъ Суворову принцъ Кобургскій, открыто называвшій его своимъ *учителемъ* и получившій, именно благодаря Суворову, званіе фельдмаршала. Самъ Суворовъ былъ также въ восторгѣ отъ наградъ. Въ письмѣ къ дочери своей, институткѣ, съ которою онъ находился въ особенно дѣятельной перепискѣ въ эту пору, онъ съ понятною гордостью называетъ ее «*графинею двухъ имперій*», и говоритъ о себѣ, что «чуть право отъ радости не умеръ»...

Возвратившись на прежнюю позицію, Суворовъ, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ отдѣлить часть своихъ войскъ Потемкину, который, окончательно успокоившись на счетъ арміи великаго визиря, истрепанной Суворовымъ, занялся *подбираніемъ* турецкихъ крѣпостей. Наконецъ, армія Потемкина обложила Бендеры, крѣпость большую, сильную, съ многочисленнымъ гарнизономъ. Но командующій паша сдалъ ее Потемкину и самъ остался у русскихъ. Суворовъ, поздравляя Потемкина, очень *ядовито* замѣтилъ, что втеченіе всего истекавшаго столѣтія *ни одна* турецкая важная крѣпость «не сдавалась русскимъ *такъ пріятно*». Государыня

наградила Потемкина великолѣпнымъ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ, написавъ ему при этомъ:

«Не даромъ я тебя любила и жаловала... Ты совершенно оправдалъ мой выборъ и мое о тебѣ мнѣніе: ты отнюдь не хвастунъ»...

Несомнѣнно, что въ 1789 году было мѣсто для «*золотыхъ* лавровъ», но—увы!—необходимо признать, что они попали *совсѣмъ не на ту голову!*... Эти лавры были бы подстать *только* Суворову, какъ исключительному избраннику и любимцу *Побѣды*...

Послѣ Рымника, Суворовъ, больше чѣмъ когда либо, былъ за наступленіе и составилъ прекрасный планъ похода за Дунай; но Потемкинъ не далъ даже отвѣта на этотъ смѣлый и остроумный планъ. Онъ тормазилъ всякій живой починъ, живя въ Яссахъ и Бендерахъ съ роскошью не военачальника, а владѣтельнаго государя, съ блестящимъ дворомъ, азіатскою пресыщенностью и роемъ красавицъ, неуступавшимъ любому гарему, но только—вполнѣ открытому.

Чрезвычайно рѣзкую противоположность этому представлялъ образъ жизни Суворова, который явно чуждался главной квартиры, вовсе даже не посѣщая ея, называя весь ея составъ и штатъ «*хороводомъ трутней*». Обыкновенно очень скромный образъ жизни Суворова на зимнихъ квартирахъ, съ обстановкою, доходящею даже до отрицанія всякаго комфорта, во время кампаній принижался до лагернаго, даже бивачнаго солдатскаго обихода. У Суворова не было никакихъ столовыхъ принадлежностей. Обыкновенно онъ одѣвался въ куртку изъ грубаго солдатскаго сукна. Въ жаркое время, какъ на походѣ, такъ и въ бою, онъ бывалъ въ рубашкѣ, къ которой пристегивались нѣкоторые изъ его орденовъ. Даже во время боя казакъ возилъ за нимъ его большую саблю; Суворовъ же имѣлъ въ рукахъ одну ногайку. У него не было ни экипажа, ни верховыхъ лошадей; ѣздилъ же онъ на казацкой лошади.

Проведя всю зиму въ боевомъ бездѣйствіи, Суворовъ тѣмъ не менѣе велъ замѣчательно дѣятельную жизнь, какъ никто другой во всей арміи. Прежде всего онъ дѣятельно занимался обученіемъ войскъ, часто объѣзжалъ и осматривалъ ихъ. Оставаясь же дома, онъ весь уходилъ въ чтеніе, серьезно занимаясь притомъ изученіемъ Корана и татарскаго языка. Не мало времени отнимала и переписка, которую онъ велъ въ эту пору съ массою людей.

Въ это время политическій горизонтъ Европы измѣнился такъ. Подъ вліяніемъ Пруссіи, Австрія вышла изъ союза съ Россіей. Со Швеціей былъ заключенъ миръ. Адмиралъ Ушаковъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ турецкимъ флотомъ близъ Гаджибея (нынѣшней Одессы). Новый великій визирь собралъ большое войско и

явно намѣревался открыть военныя дѣйствія. Къ концу ноября небольшія крѣпости: Килія, Тульча и Исакча были въ рукахъ русскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была истреблена и турецкая гребная флотилія. Оставался еще Измаилъ, — несомнѣнно грозная твердыня, которая была обложена уже съ 18 октября. Но отъ этого обложенія ровно ничего не выходило, кромѣ ссоръ, препирательствъ между военачальниками, да непозволительной потери времени, слишкомъ дорогого вслѣдствіе приближенія зимы. Въ виду этого, Потемкинъ послалъ 25-го ноября Суворову предписаніе:

«Предпринять на овладѣніе Измаила, для чего ваше сіятельство изволите поспѣшить туда, для принятія всѣхъ частей въ вашу команду». Въ другомъ письмѣ, отправленномъ въ тотъ же день, Потемкинъ между прочимъ говоритъ Суворову: «Моя надежда на Бога и вашу храбрость, поспѣши, мой милостивый другъ»...

Всѣ до послѣдняго солдата включительно на мѣстѣ осады нисколько не сомнѣвались, что, «какъ только прибудетъ Суворовъ,— крѣпость возьмутъ штурмомъ». Наоборотъ, во мнѣніи массы населенія, Измаилъ прямо-таки считался крѣпостью *неприступною*, такъ что самая попытка взять его казалась *безуміемъ*.

Рано утромъ 2-го декабря Суворовъ былъ уже подъ Измаиломъ, сдѣлавъ болѣе чѣмъ 100 верстъ пути вдвоемъ съ казакомъ, везшимъ въ узелкѣ весь багажъ графа. Онъ уѣхалъ впередъ отъ своего конвоя, чтобы по возможности ускорить прибытіе къ Измаилу. Его узнали на русскихъ аванпостахъ, и съ батарей раздалась привѣтственная пальба. Всѣ разомъ оживились и обрадовались. По общему, единодушному убѣжденію, въ лицѣ Суворова, бывшаго теперь уже низенькимъ, сухощавымъ, невзрачнымъ старикомъ, къ нимъ «*явилась сама побѣда*».

Осмотрѣвшись на мѣстѣ, Суворовъ во-очію убѣдился въ исключительной трудности предстоящаго ему подвига. Крѣпость была первоклассная. Защищала ее цѣлая армія не менѣе 35,000 человѣкъ, которымъ была обѣщана султаномъ *смертная казнь*, въ случаѣ сдачи Измаила. Главнымъ начальникомъ былъ Айдосъ-Мехмедъ-паша, старый воинъ, человѣкъ твердый, закаленный въ бояхъ.

Ничего этого не скрывалъ Суворовъ отъ солдатъ, а, напротивъ, прямо говорилъ имъ: «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки надо его взять». Солдаты единодушно поддерживали хоромъ, что съ нимъ они непремѣнно возьмутъ эту крѣпость.

Въ виду исключительной трудности предстоящаго штурма, Суворовъ ввелъ спеціальное обученіе штурму именно этого рода. Выбравъ мѣсто въ отдаленіи, онъ приказалъ насыпать валъ и вырыть ровъ. Здѣсь солдаты, въ ночное время, тайно отъ турокъ, упраж-

нялись въ перехожденіи черезъ рвы и въ овладѣваніи валами, въ быстромъ и разумномъ пользованіи заготовленными въ громадномъ количествѣ большими фашинами (около 2.000) и штурмовыми лѣстницами. Но самымъ существеннымъ *подготовленіемъ* къ штурму были объѣзды Суворовымъ своихъ полковъ и его бесѣды съ командами, какъ только онъ одинъ и умѣлъ бесѣдовать съ войсками вообще и солдатами въ частности. Когда же всѣ приготовленія къ штурму были окончены,—Суворовъ послалъ измаильскому сераскиру слѣдующую характерную записку:

«Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе—воля; первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть. Что оставляю вамъ на разсмотрѣніе». Одинъ изъ адъютантовъ паши, принимавшій этотъ ультиматумъ, сказалъ: «Скорѣй Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо упадетъ на землю, чѣмъ сдастся Измаилъ».

Штурмъ былъ назначенъ на 11-ое декабря. Въ 3 часа ночи, по ракетѣ, войска направились къ назначеннымъ по диспозиціи пунктамъ. Въ $5^1/_2$ часовъ утра, при густомъ туманѣ, начался штурмъ одновременно со всѣхъ сторонъ. Въ соотвѣтствіи съ особенностями и условіями отдѣльныхъ пунктовъ, въ разныхъ мѣстахъ дѣло подвигалось съ разною быстротою и степенью успѣшности, но при повсемѣстномъ упорнѣйшемъ сопротивленіи турокъ. Къ 8-ми же часамъ утра вся ограда крѣпости находилась уже въ рукахъ русскихъ. Потеря людьми была большая, такъ что въ войскахъ замѣтно было даже разстройство; между тѣмъ впереди предстоялъ еще жесточайшій бой внутри города, такъ какъ турки группировались большими массами, съ видимою готовностью къ отчаянной оборонѣ.

Когда разсвѣло, численное неравенство противниковъ стало замѣтно. Это представляло величайшую опасность, особенно же въ виду того, что русскія войска были растянуты въ линіи вокругъ всего города, а непріятель, по желанію, могъ дѣйствовать массами въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Чтобы не дать возможности туркамъ опомниться, войска съ чрезвычайною поспѣшностью были построены въ боевой порядокъ и направлены продолжать атаку. Эта именно находчивость и спасла русское войско; иначе же оно поголовно все нашло бы себѣ могилу въ Измаилѣ.

Завязался не поддающійся описанію жесточайшій и упорнѣйшій бой, съ которымъ даже и ночной штурмъ не могъ идти въ сравненіе. Это было не общее сраженіе, а безпрерывная *цѣпь битвъ*, образовавшихъ, въ общемъ, сплошное кольцо вокругъ всего города. Каждая улица и переулокъ были мѣстомъ боя; на площадяхъ происходили настоящія сраженія; дома приходилось отдѣльно штурмо-

вать, какъ замки и маленькія крѣпости. Живое кольцо русскихъ войскъ болѣе и болѣе сжимало непріятелей къ центру города. Усилія были необычайныя и жертвы громадны. Тѣмъ не менѣе къ часу дня былъ занятъ весь городъ, а къ 4-мъ часамъ пополудни все уже было кончено. Палъ и геройскій начальникъ Измаила Айдосъ-Мехметъ, сраженный 16-ю штыковыми ударами.

Здѣсь не просто *крѣпость взята*, а *истреблена* сильная, отборная непріятельская армія, прекрасно вооруженная и сидѣвшая въ крѣпчайшихъ каменныхъ стѣнахъ, — истреблена *меньшинствомъ*, хуже ея вооруженнымъ, которому можно было добраться до арміи только черезъ отвѣсныя каменныя стѣны. Какъ же могло такъ случиться? Почему?! — Вообще измаильскій штурмъ представляетъ совершенно исключительное явленіе по необычайному, просто нечеловѣческому упорству и ярости турокъ. И они были сломлены и пали только потому, что встрѣтили въ русскихъ войскахъ самую высокую степень духовнаго возбужденія, поддерживавшаго все время въ нихъ величайшее напряженіе энергіи и такую степень *храбрости*, которая доходила даже до *полнаго заглушенія чувства самосохраненія*.

Убитыми у турокъ оказалось 26.000 человѣкъ; въ плѣнъ взято 9.000 человѣкъ, изъ которыхъ на другой же день умерло 2.000. Пушекъ досталось 265, знаменъ 364; пороху 3.000 бочекъ; боевыхъ запасовъ, продовольствія и фуража—огромное количество; лошадей 10.000 головъ. Со стороны русскихъ убито 4.000 и ранено 6.000. Войска получили громадную добычу, названную въ донесеніи Потемкина Екатеринѣ «*чрезвычайною*» и исчисленную *болѣе чѣмъ въ милліонъ рублей*. Суворовъ же, по обыкновенію, ни до чего изъ добычи не коснулся, отказавшись отъ всего, что̀ ему предлагали и приносили. Не даромъ солдаты съ гордостью говаривали: «*нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ*».

Сокрушеніе Измаила имѣло громадное политическое значеніе. Путь русскимъ на Балканы былъ открытъ. На турокъ напала невыразимая паника. Императрица смотрѣла на паденіе Измаила, какъ на «*дѣло, едва-ли гдѣ въ исторіи находящееся*». Изумленію и восторгамъ русскаго общества не было границъ, что выразилось въ длинномъ рядѣ произведеній русскихъ поэтовъ, начиная съ Державина, въ честь Суворова. Суворовъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія и уваженія, какъ человѣкъ, оказавшій Россіи величайшую услугу, какъ замѣчательный герой и русскій богатырь. Но, къ величайшему удивленію, за такую услугу онъ во-

все не получилъ никакой награды. Требовалось оцѣнить и наградить именно взятіе неприступной крѣпости и истребленіе непріятельской арміи,—но вышло нѣчто болѣе чѣмъ странное и неприличное: какъ бы *полное умолчаніе* объ этихъ именно его заслугахъ, *игнорированіе* ихъ... Даже и теперь, болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ уже, трудно читать безъ *негодованія* и *стыда* слѣдующее представленіе Потемкина Екатеринѣ о Суворовѣ:

„Если послѣдуетъ высочайшая воля сдѣлать медаль Суворову, то этимъ будетъ награждена служба *(заслуги?!)* его при Измаилѣ. Но такъ какъ изъ генералъ-аншефовъ онъ одинъ находился въ дѣйствіяхъ впродолженіи всей кампаніи и, можно сказать, спасъ союзниковъ, ибо непріятель, видя приближеніе нашихъ, не осмѣлился ихъ атаковать, то не угодно-ли отличить его чиномъ гвардіи подполковника или генералъ-адъютантомъ".

Выходитъ такимъ образомъ, что, при всемъ нежеланіи Потемкина назвать по именамъ дѣйствительныя заслуги Суворова, все-таки даже и то *немногое*, къ чему временщикъ усиливался недобросовѣстно свести дѣло рукъ героя,—такъ велико, что форма награжденія прямо-таки оскорбляетъ своимъ ничтожествомъ и кажется *необъяснимою нелѣпостью.*

Для пониманія причины этой возмутительной выходки Потемкина, необходимо имѣть въ виду слѣдующее столкновеніе Суворова съ Потемкинымъ въ Яссахъ, куда Суворовъ заѣзжалъ по пути въ Петербургъ. Въ ожиданіи пріѣзда измаильскаго героя, Потемкинъ приготовился къ торжественному пріему его. По улицамъ были разставлены сигнальщики; адъютанту было приказано не отходить отъ окна, чтобы успѣть своевременно извѣстить Потемкина. Вѣроятно Суворовъ заблаговременно узналъ о готовящейся торжественности, и помѣшалъ этому. Онъ въѣхалъ въ Яссы ночью, никѣмъ не замѣченный, и прямо отправился на ночлегъ къ старому своему пріятелю, полицеймейстеру, котораго и просилъ не разглашать о пріѣздѣ. Утромъ, одѣвшись въ парадную форму, Суворовъ въ старинной колымагѣ своего хозяина отправился къ Потемкину. И никто изъ встрѣчныхъ, а тѣмъ болѣе сигнальщики не узнали его. Только дежурившій у окна адъютантъ не далъ въ обманъ, и если не узналъ Суворова, то предположилъ его и сообщилъ объ этомъ своему патрону. Потемкинъ устремился на лѣстницу, но Суворовъ предупредилъ его: въ нѣсколько прыжковъ взбѣжалъ на лѣстницу и очутился около всесильнаго. Они обнялись и нѣсколько разъ поцѣловались.

«— Чѣмъ могу я наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ?—спросилъ Потемкинъ, видимо довольный свиданіемъ.

— Ничѣмъ, князь,—раздраженно отвѣтилъ Суворовъ.—Я—не ку-

нецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ. Кромѣ Бога и Государыни, никто меня наградить не можетъ.

Потемкинъ, видимо смущенный такимъ отвѣтомъ, поблѣднѣлъ, повернулся и пошелъ въ залъ. Суворовъ—слѣдомъ за нимъ. Здѣсь онъ подалъ строевой рапортъ. Потемкинъ холодно принялъ его. Оба, молча, рядомъ походили по залѣ, не будучи въ состояніи выжать изъ себя ни единаго слова. Затѣмъ раскланялись и разошлись.

Въ поясненіе этого, необходимо замѣтить, что Суворовъ, втеченіе десятковъ лѣтъ упорно боровшійся съ обстоятельствами, чтобъ находить исходъ своимъ силамъ, не могъ не сознавать, что Потемкинъ роковымъ образомъ стоитъ у него на дорогѣ и беретъ на свою долю львиную часть изъ добываемыхъ имъ наградъ, славы и почета. Такъ, напримѣръ, именно Суворовъ заслужилъ фельдмаршальство, а Потемкинъ получилъ его. Мудрено ли, что въ тотъ моментъ, когда было совершено труднѣйшее изъ военныхъ дѣлъ, вопросъ: «чѣмъ могу я наградить?» — перевернулъ душу изстрадавшагося генія, ограбленнаго въ заслугахъ, наградахъ и славѣ...

VII.

Инженеръ—по неволѣ

(1791—1794).

Суворовъ и Потемкинъ въ Петербургѣ. — Дѣятельность въ Финляндіи и крайняя неудовлетворенность ею. — Пребываніе въ Херсонѣ. — Новый выходъ къ боевой дѣятельности.

Интриги Потемкина помѣшали великому мастеру военнаго дѣла, Суворову, доведшему искусство бить турокъ до виртуозности, окончить войну съ ними; это исполнено другими, но съ меньшею конечно талантливостью и не съ такою пользою для Россіи, какую предполагалъ Суворовъ въ своихъ проектахъ по этому поводу.

Прибывъ изъ Яссъ въ Петербургъ, Суворовъ впервые узналъ о злобной мести Потемкина. Три мѣсяца прожилъ онъ въ Петербургѣ, въ увѣренности, что славная его боевая служба предшествовавшаго года будетъ признана и оцѣнена по достоинству. Но, наконецъ, ему пришлось воочію убѣдиться прямо въ обратномъ. Въ Петербургъ пріѣхалъ также и Потемкинъ. На него, все время мѣшавшаго ходу войны, словно изъ рога изобилія, сыпались всевозможные знаки милости и предосудительной щедрости. Суворовъ же оставался въ глубокой тѣни.

Въ Петербургѣ подготовлялось роскошнѣйшее торжество въ

честь славныхъ военныхъ подвиговъ, главнымъ же образомъ—по поводу взятія Измаила. Конечно, разъ устраивалось чествованіе, то именно *достойному* (т. е. Суворову) и должно бы быть воздано достойное. Потемкинъ же сдѣлалъ по этому поводу новое злодѣяніе Суворову. Празднество назначено было 28-го апрѣля, а Суворовъ 25-го апрѣля получилъ отъ Потемкина-же повелѣніе Государыни «объѣхать Финляндію до самой шведской границы» и «проектировать систему пограничныхъ укрѣпленій».

Не говоря о безумной роскоши, съ которою было устроено *подложное* торжество 28-го апрѣля, нельзя не возмущаться той безпримѣрной расточительности, съ которою былъ награжденъ Потемкинъ. Онъ получилъ въ собственность: таврическій дворецъ, оцѣненный въ 500.000 рублей; 200.000 рублей наличными деньгами и фельдмаршальскій мундиръ, унизанный по швамъ брилліантами и представляющій по этому *баснословную цѣнность*!... Въ общемъ такимъ образомъ все полученное Потемкинымъ составляетъ около *милліона рублей*. Кромѣ того положено соорудить ему же обелискъ въ царскосельскомъ паркѣ... Между тѣмъ Суворовъ—виновникъ не одной только измаильской побѣды, но и длинной цѣпи остальныхъ, наиболѣе рѣшительныхъ побѣдъ надъ турками,—нетолько ничего не получилъ, но и очутился въ положеніи какъ бы опальнаго человѣка. Въ то время, напримѣръ, какъ Потемкинъ утопалъ въ роскоши въ Петербургѣ и упивался славою, по истинѣ великій и заслуженнѣйшій Суворовъ, въ суровую финляндскую весну, разъѣзжалъ,—по капризу и прихоти Потемкина,—въ санкахъ и таратайкахъ по дикимъ захолустьямъ русско-шведской границы, вынося лишенія, которыхъ военный человѣкъ высокаго положенія не долженъ бы знать даже и въ военное время.

Суворовъ исполнилъ порученное ему сложное и трудное дѣло менѣе чѣмъ въ четыре недѣли. По поводу представленнаго имъ проекта укрѣпленія границы, 25-го іюня послѣдовало высочайшее ему повелѣніе: «Полагаемыя вами укрѣпленія построить подъ вѣдѣніемъ вашимъ». Значитъ, постройка—по заказу: хочешь—не хочешь, а строй. Это, конечно, новая *немилость*, только *замаскированная*...

Суворовъ дѣйствительно былъ знатокомъ инженернаго дѣла, и немедленно принялся за работу. Хотя у него рѣшительно не лежала душа къ дѣятельности этого рода и даже онъ прямо-таки тяготился ею, тѣмъ не менѣе онъ, втеченіе полутора-годичнаго пребыванія въ Финляндіи, исполнилъ въ существенныхъ чертахъ весь свой планъ.

Государыня съ полнымъ одобреніемъ относилась къ строитель-

нымъ трудамъ Суворова, что неоднократно и выражала ему. Но, въ сущности, это не измѣняло тяжелаго нравственнаго положенія Суворова, вынужденнаго исполнять работу, къ которой у него не было ни малѣйшаго влеченія. Серьезно ища выхода изъ этого противоестественнаго положенія, онъ задавался даже вопросомъ о «*чужой службѣ*» (т. е. въ иностранныхъ государствахъ), думалъ объ этомъ весьма серьезно и—какъ увидимъ ниже—неоднократно подавалъ прошенія на высочайшее имя. Но главное, что̀ удручало духъ Суворова, это—«*измаильскій стыдъ*»,—какъ называлъ онъ непризнанный и неоцѣненный по достоинству измаильскій его подвигъ. Скоропостижная смерть Потемкина отъ безпорядочной жизни (въ 1791 г. въ дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ) послужила поводомъ къ нѣкоторому оживленію надежды на искупленіе этого дѣйствительнаго «*стыда*» .

Дѣйствительно, въ мартѣ 1792 г. на имя Суворова послѣдовалъ высочайшій рескриптъ, въ которомъ между прочимъ сказано, что болѣзнь Потемкина помѣшала исполнить высочайшее повелѣніе о награжденіи измаильскихъ героевъ,—почему Суворову и повелѣвается сдѣлать дополнительное представленіе. Но это не могло залечить душевной раны Суворова, такъ какъ это не возстановляло истиннаго значенія его заслугъ и ничего не давало ему, въ смыслѣ награды. Поэтому онъ высказалъ, что считаетъ измаильскій штурмъ *оцѣненнымъ не по достоинству*, и напомнилъ, что еслибы онъ выпустилъ турокъ изъ крѣпости на капитуляцію, — это было бы признано слишкомъ малымъ; рискуя же на штурмъ,—*ставилъ на карту и жизнь свою, и репутацію.*

10-го ноября того же года послѣдовалъ новый рескриптъ о замѣнѣ финляндскихъ построекъ другими, да притомъ еще своихъ собственныхъ построекъ — *чужими*. Согласно этому повелѣнію, подъ начальство Суворова поступили войска въ Екатеринославской губерніи, въ Крыму и во вновь присоединенныхъ земляхъ. При этомъ Суворову поручалось укрѣпленіе границъ по проектамъ инженера де-Волана. Кромѣ того, требовалось и мнѣніе Суворова на случай оборонительной и наступательной войны въ Финляндіи.

Такимъ образомъ это новое порученіе несомнѣнно свидѣтельствовало о довѣріи Государыни къ Суворову, о сочувствіи его работамъ и объ одобреніи ихъ. Суворовъ же истиннымъ «*дѣломъ*» лично для себя признавалъ *только войну*. И если онъ не отказался отъ новаго назначенія, то исключительно потому, что на югѣ Россіи онъ болѣе надѣялся найти выходъ къ «*истинному дѣлу*», къ «*практикѣ*», т. е. къ боевой дѣятельности, безъ которой онъ,—

при какомъ-бы то ни было другомъ родѣ занятій,—положительно *замиралъ*. Въ виду этого, онъ, по обыкновенію, поспѣшно собрался и выѣхалъ въ Херсонъ въ концѣ ноября. Во время пребыванія въ Херсонѣ, онъ былъ хорошо поставленъ въ ряду мѣстныхъ властей военныхъ и гражданскихъ. Тѣмъ не менѣе—повторяемъ—это крупное и важное дѣло рѣшительно неудовлетворяло его, такъ какъ воинственные порывы и стремленія его не имѣли выхода и должнаго практическаго примѣненія. Положеніе свое онъ называлъ «*тиранствомъ судьбы*», и прибѣгалъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы выдти изъ такого состоянія. Такъ, въ 1793 году онъ подалъ Государынѣ прошеніе объ увольненіи его, — «по здѣшней тишинѣ» и «отсутствію практики», — *волонтеромъ* въ союзныя войска на всю кампанію. Тогда, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ казни французскаго короля, Людовика XVI, образовалась значительная коалиція для борьбы съ французскою революціею. Суворовъ, давно уже съ нетерпѣніемъ слѣдившій за революціею во Франціи, сгоралъ нетерпѣніемъ сразиться съ революціонерами, побѣдоносно разгуливавшими на Западѣ и югѣ Европы. Вотъ почему онъ и просился именно въ союзныя войска. Хотя Государыня и задержала его, тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ, что если, при первой же войнѣ Россіи, онъ не будетъ назначенъ начальствующимъ арміею, «безъ малѣйшихъ препонъ», непремѣнно отправится за границу. А потому, когда въ Польшѣ вспыхнула въ 1794 году революція, вызванная вторымъ ея раздѣломъ, и Суворовъ опять-таки остался не у боевого дѣла, онъ 24-го іюля отправилъ Государынѣ слѣдующее прошеніе:

„Всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше уволить меня волонтеромъ къ союзнымъ войскамъ, какъ я много лѣтъ безъ воинской практики по моему званію“.

Императрица *вторично* отказала, но дала ему нѣкоторую надежду на боевую службу дома.

„Объявляю вамъ,—отвѣтила она Суворову,—что ежечасно умножаются дѣла дома, а вскорѣ можете имѣть, по желанію вашему, практику военную много. И такъ не отпускаю васъ поправить дѣла ученика вашего (т. е. принца Кобургскаго), который за Рейнъ убирается по новѣйшимъ вѣстямъ, а нынѣ, какъ и всегда, почитаю васъ отечеству нужнымъ“.

Екатерина дѣйствительно даже и не думала посылать самаго даровитѣйшаго изъ своихъ полководцевъ противъ поляковъ. Главная роль тамъ была предоставлена князю Репнину, находившемуся въ близкомъ сосѣдствѣ съ польскимъ театромъ войны, хотя, конечно, Екатеринѣ было извѣстно, что онъ — человѣкъ мало-даровитый, медлительный и нерѣшительный. Очевидно, императрица все еще

продолжала находиться подъ вліяніемъ гнусныхъ, клеветническихъ навѣтовъ Потемкина на Суворова.

Изъ этихъ «*клеветскихъ*» *тенетъ* Суворову помогъ выпутаться Румянцовъ. Онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, къ которому Суворовъ чувствовалъ преданность и уваженіе, не внѣшнее, какъ къ Потемкину, представлявшему собою только силу и власть, а внутреннее, чуждое всякихъ разсчетовъ, основанное на признаніи въ немъ достоинства. И Румянцовъ понималъ Суворова лучше всѣхъ другихъ. Справедливая оцѣнка все болѣе возрастала съ годами.

Суворовъ, въ концѣ концовъ, дошелъ до *полнаго отчаянія*, что и за границу *не пускаютъ*, и дома «дѣла» *не даютъ*, тогда какъ оно есть именно для него. Въ это время судьба сжалилась надъ нимъ и послала ему Румянцова. Какъ только возстаніе начало проявляться въ Польшѣ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 27-го апрѣля, что «требуется общая связь въ охраненіи границъ польской и турецкой»; поэтому графу Румянцову было поручено «общее начальство надъ всѣми войсками» тѣхъ районовъ, которые прилегаютъ и къ Турціи, и къ Польшѣ. Значитъ, районъ Суворова, къ великой его радости, вошелъ въ вѣдѣніе Румянцова.

Прежде всего необходимо было обезоружить такъ называемыя «польско-русскія войска» (перешедшія къ намъ вмѣстѣ съ отторгнутыми польскими провинціями). Эту операцію нужно было выполнить *безотлагательно, одновременно и повсемѣстно*. Такъ именно и поступилъ Суворовъ. Разоруженіе 8.000 человѣкъ, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, начатое имъ 26-го мая, было закончено 12-го іюля, въ полномъ порядкѣ и спокойствіи, причемъ не ушелъ за границу ни одинъ воинъ-полякъ съ оружіемъ. Румянцовъ былъ вполнѣ доволенъ такимъ выполненіемъ этого сложнаго и труднаго дѣла. Онъ донесъ Императрицѣ, которая, поблагодаривъ его, поручила передать ея благодарность и Суворову.

Съ этой поры разочарованный, оскорбленный и доведенный до отчаянія Суворовъ возложилъ всю свою надежду на Румянцова,—и не ошибся. Дѣйствительно, этотъ послѣдній былъ способенъ и на совершенно самостоятельный шагъ, если этого требовали обстоятельства. Именно въ отношеніи Суворова онъ такъ и поступилъ. Когда опредѣлилось, что противодѣйствіе полякамъ затягивается, а поляки, наоборотъ, обнаруживаютъ большую энергію и хорошо обучены, когда выяснилась вѣроятность затяжки войны и на будущій годъ,—Румянцовъ, вопреки намѣреніямъ кабинета и даже вовсе не сносясь съ Петербургомъ, рѣшилъ за свой личный страхъ и рискъ отправить на театръ войны Суворова.

7-го августа послѣдовало предписаніе на имя Суворова объ отправкѣ его на театръ войны, съ изложеніемъ главнѣйшихъ основаній дѣла. Румянцовъ дополнилъ этотъ оффиціальный документъ признаніемъ, что Суворовъ «всегда былъ ужасомъ поляковъ и турокъ», что «имя его подѣйствуетъ лучше многихъ тысячъ». 14-го августа Суворовъ выступилъ въ походъ.

VIII.

Въ Польшѣ во время и послѣ войны

(1794—1795).

Состояніе польскаго театра войны при назначеніи Суворова. — Уничтоженіе отряда Сѣраковскаго.—Бой при Кобылкѣ.—Прагскій разгромъ.—Капитуляція Варшавы.—Обезоруженіе и умиротвореніе Польши.

Вторичный раздѣлъ Польши (въ 1793 году) сильно взволновалъ многочисленныхъ польскихъ магнатовъ, проживавшихъ за границею въ качествѣ эмигрантовъ. У нихъ, наконецъ, сильно заговорило патріотическое чувство, вмѣстѣ съ жаждою мщенія. Въ это время явился литвинъ Фаддей Косцюшко, горячій патріотъ, человѣкъ даровитый въ военномъ отношеніи и съ высокими нравственными качествами. Онъ былъ избранъ главнымъ вождемъ возстанія, а затѣмъ—возведенъ въ генералиссимусы. Опубликованіе имъ инсурреціоннаго акта несомнѣнно вызвало движеніе во всей раздѣленной Польшѣ, а тѣмъ болѣе — въ части, доставшейся Россіи. Онъ провозгласилъ всеобщее вооруженіе, произвелъ разные экстренные сборы, возвысилъ налоги. Организованная имъ армія была раздѣлена на корпуса и распредѣлена по важнѣйшимъ пунктамъ.

Къ тому времени, какъ прибыть Суворову на польскій театръ войны, дѣло тамъ представлялось въ такомъ видѣ. Энергичный и распорятельный Косцюшко, въ ожиданіи русскихъ войскъ, дѣятельно трудился надъ укрѣпленіемъ варшавскаго предмѣстья Праги. Поляки были полны хорошихъ надеждъ и ожиданій, такъ какъ на-лицо у нихъ имѣлись: хорошее вооруженіе и обученное войско; большой подъемъ патріотическаго чувства въ войскахъ; цѣлый рядъ даровитыхъ военачальниковъ, самоотверженно преданныхъ дѣлу.

Эта польская война заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что Суворовъ самостоятельно создалъ всѣ ея условія. Такъ напримѣръ, обратившись къ предписанію Румянцова 7-го августа, находимъ, что имъ вмѣнено въ обязанность Суворову только «сдѣлать сильный отворотъ дерзкому непріятелю со стороны

Бреста, подлясскаго и троцкаго воеводствъ», «дабы облегчить движеніе военныхъ цѣлей въ другихъ частяхъ театра войны». Очевидно, такимъ образомъ, что Суворову, строго говоря, была поручена *только демонстрація*, такъ какъ истинная *активная роль*, «велѣніемъ» Петербурга, была отдана именно «*другимъ частямъ*», которыя *бездѣйствовали* не только до появленія Суворова, но даже и во время самаго крайняго обостренія его дѣятельности, не исключая притомъ и такихъ моментовъ,—какъ увидимъ ниже,—когда онъ находился въ крайне рискованномъ положеніи и въ высшей степени нуждался въ подкрѣпленіи войскъ. Суворовъ же смѣло взялся за порученное ему маленькое, повидимому, *третьестепенное* дѣло, не только съ увѣренностью сдѣлать его *первостепеннымъ* и *рѣшающимъ* на театрѣ войны, но даже и съ готовымъ планомъ въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ польскую кампанію можно назвать наиболѣе характернымъ проявленіемъ творчества военнаго генія Суворова.

Отправляя Суворова на театръ войны, Румянцовъ не только не могъ опредѣлить роли Суворова, но не могъ даже точно означить количество войскъ, необходимыхъ ему, предоставивъ это распорядительности самого Суворова. И послѣдній, отправившись въ путь (14-го августа) всего лишь тысячами съ 4-мя войска, прибылъ на театръ войны съ отрядомъ въ 12—13 тысячъ человѣкъ, постепенно стянувъ къ себѣ разныя части войскъ по пути. Но Суворовъ соединилъ эти разношерстныя войска не только физически, но и нравственно. Тѣмъ частямъ войскъ, которыя никогда не были подъ его командованіемъ и незнакомы съ его военною школою, онъ разослалъ составленное имъ военно-педагогическое наставленіе, справедливо называемое иначе «*военнымъ катехизисомъ*» («Наука побѣждать»), съ обязательствомъ, чтобы офицеры и унтеръ-офицеры выучили его наизустъ, а нижнимъ чинамъ — читали ежедневно. И войска обыкновенно твердо выучивали это «наставленіе», такъ какъ оно осмысливало имъ весь ихъ бытъ, военное обученіе, ихъ назначеніе и проч. Двигаясь самостоятельно, по собственному выбору пути, Суворовъ обставилъ свою экспедицію такою *осторожностью*, что совсѣмъ не было пищи для шпіоновъ, которые могли бы предувѣдомить непріятеля. О всемъ, касающемся движенія войскъ, Суворовъ отправлялъ съ дороги краткія, но точныя сообщенія Румянцову, который былъ чрезвычайно доволенъ ими и писалъ въ отвѣтъ:

„Вижу въ семъ походѣ наисильнѣйшее дѣйствіе вашихъ несравненныхъ военныхъ качествъ». Императрица также была довольна назначеніемъ Суворова и выражала надежду, что „война *скоро будетъ окончена*".

Нужно замѣтить, что когда обнаружилась польская революція, было направлено противъ поляковъ нѣсколько отрядовъ съ разныхъ сторонъ. Главное же начальство надъ ними, а равно—и главныя наступательныя дѣйствія съ сѣверо-востока поручены были,—какъ мы знаемъ уже,—Репнину. Но онъ бездѣйствовалъ. Екатерина еще разъ подтвердила ему «приводить предписанный планъ въ исполненіе съ бо́льшимъ успѣхомъ и энергіею»,—и опять-таки—полное бездѣйствіе. Такимъ образомъ починъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ всецѣло принадлежалъ Суворову, который *самостоятельно* предпринялъ это.

Двигаясь съ большою осторожностью, Суворовъ открылъ корпусъ Сѣраковскаго (около 15,000 человѣкъ) и постепенно уничтожилъ его. Это уничтоженіе цѣлаго корпуса, образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ, произвело потрясающее впечатлѣніе. Сами поляки признавали, что Сѣраковскій былъ *совершенно* разбитъ. На другой день послѣ сраженія, въ Гродно примчался Косцюшко, наскоро осмотрѣлъ войска, и былъ такъ разстроенъ, что не могъ даже этого скрыть, и никто не рѣшался говорить съ нимъ о дѣлѣ. Въ Петербургѣ были очень довольны побѣдою Суворова. Екатерина пожаловала ему дорогой алмазный бантъ къ шляпѣ и три пушки изъ числа отбитыхъ имъ. Румянцовъ неоднократно благодарилъ Суворова въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ и относилъ причину успѣха «къ высшимъ дарованіямъ предводителя».

Войска расположились лагеремъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли прежде поляки. У Суворова оставалось войска лишь около 6.000. Эта малочисленность насильно держала его въ бездѣйствіи именно на половинѣ побѣднаго пути, и этимъ причиняла ему невыразимыя душевныя муки. Для дальнѣйшихъ операцій Суворову крайне необходимо было безотлагательное содѣйствіе ближайшихъ, по расположенію къ нему, военачальниковъ. Онъ безпрестанно сносился съ ними и съ Румянцевымъ; но, въ результатѣ, по справедливому замѣчанію Суворова, «время уходило на доклады», и дѣло не подвигалось ни на шагъ.

Между тѣмъ въ это именно время надъ головою Суворова собиралась грозная туча. Косцюшко стягивалъ со всѣхъ сторонъ корпуса и отряды, чтобы разгромить Суворова *навърняка*, разомъ напавъ на него со всѣхъ сторонъ. Въ это время онъ узналъ о предположеніи присоединить Ферзена къ Суворову. Чтобы помѣшать этому, Косцюшко, собравъ находившіяся подъ руками войска, въ количествѣ 9—10 тыс. человѣкъ, стремительно бросился на встрѣчу Ферзену, имѣвшему отрядъ въ 12.000 человѣкъ. При Моціевичахъ

произошелъ весьма горячій бой. Ферзенъ-же, съ своей стороны, имѣлъ также опредѣленную цѣль—непремѣнно помѣшать соединенію Косцюшко съ сильнымъ отрядомъ Понинскаго. Поляки были окончательно разбиты, понесли огромную потерю, тѣмъ болѣе тяжелую для нихъ, что Косцюшко былъ тяжело раненъ и взятъ въ плѣнъ. Подъ вліяніемъ побѣды Ферзена, Суворовъ, нѣсколько уже усиленный мелкими частями, не выжидая окончательнаго рѣшенія вопроса о присоединеніи къ нему еще двухъ отрядовъ войскъ, окончательно рѣшилъ предпринять походъ къ Прагѣ и Варшавѣ собственными силами. Рѣшеніе это было вполнѣ принято военнымъ совѣтомъ 6-го октября, въ которомъ, помимо генераловъ, участвовали также полковые и батальонные командиры, всего 21 человѣкъ. Послѣдовало, наконецъ, и рѣшеніе о присоединеніи къ Суворову отрядовъ Ферзена и Дерфельдена, но это произошло уже послѣ выступленія изъ Бреста.

До Варшавы было уже недалеко, и Суворовъ часто бесѣдовалъ съ солдатами о предстоящемъ трудномъ дѣлѣ, разсказывая имъ, что поляки сильно укрѣпляютъ Прагу, что эта послѣдняя даромъ въ руки не дастся. Но солдаты возражали ему, говоря, что

„будетъ приказъ взять,—и будетъ взята“; что „кто сердитъ, да не силенъ, тотъ козлу братъ“; что „другого Измаила не выстроятъ, а и тому не поздоровилось“.

На пути въ Варшаву, въ 20-ти верстахъ отъ нея (при селеніи Кобылка), Суворовъ, въ пятичасовомъ бою, уничтожилъ отрядъ въ 4.300 человѣкъ, изъ которыхъ 1.073 взяты въ плѣнъ, остальные же—полегли. Вся артиллерія и обозъ были захвачены.

Съ присоединеніемъ отрядовъ Ферзена и Дерфельдена, общее количество всѣхъ трехъ осаждающихъ корпусовъ составляло до 25.000 человѣкъ. Гарнизонъ же Праги превышалъ 30.000 человѣкъ, не считая вооруженныхъ варшавянъ. Обширныя ея укрѣпленія, очень сложной системы (со рвами, валами, волчьими ямами и проч.), были вооружены крупно-калиберною артиллеріею. Тѣмъ не менѣе, созванный Суворовымъ военный совѣтъ постановилъ: *взять Прагу приступомъ, не смотря ни на какія укрѣпленія.* Штурмъ былъ назначенъ въ ночь съ 23-го на 24-е октября. Безотлагательно были начаты подготовленія къ штурму (изготовленіе лѣстницъ, фашинъ и плетней для прикрыванія волчьихъ ямъ), законченныя 22-го октября. Этого числа, вечеромъ, войска двинулись къ Прагѣ съ музыкою, развернутыми знаменами, гдѣ и размѣстились по лагерному.

Въ Варшавѣ же въ это время происходила невообразимая сумя-

тица. Вмѣсто Косцюшки нужно было выбрать главнокомандующаго. «Верховный народный совѣтъ» избралъ Томаса Ваверженцкаго, командовавшаго на курляндской границѣ, на котораго, по слухамъ, указывалъ и самъ Косцюшко, на случай своей болѣзни или смерти. Ваверженцкій усиленнѣйшимъ образомъ отказывался, но, уступая настойчивымъ просьбамъ членовъ верховнаго совѣта, далъ, наконецъ, свое согласіе *«съ отвращеніемъ»*. Онъ здраво смотрѣлъ на вещи и вполнѣ разумно предлагалъ: послать кого-нибудь къ Суворову съ просьбою о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, а въ Петербургъ — съ мирными предложеніями, точнѣе — *съ повинною*. Но ему заносчиво отвѣчали на это, что Варшава предпочитаетъ выставить, съ своей стороны, «на защиту Праги, 20.000 человѣкъ, *вооруженныхъ оружіемъ и отчаяніемъ»*. Эта красивая фраза осталась пустымъ звукомъ. Когда, въ виду надвигавшагося обложенія Праги, главнокомандующій въ ней потребовалъ изъ Варшавы 10.000 вооруженныхъ, явилось только 2.000 человѣкъ. Варшаву, а вмѣстѣ съ нею и всю Польшу безповоротно губило *многовластіе* (король, главнокомандующій, верховный совѣтъ, магистратъ и проч.), приводившіе въ концѣ концовъ къ *безначалію*.

Варшава, отвергнувъ просьбу о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій, обрекла Прагу на гибель. Къ прагскому штурму превосходно были подготовлены и военачальники — посредствомъ цѣлаго ряда большихъ рекогносцировокъ и образцовой дислокаціи, и войска—особымъ приказомъ, выученнымъ каждымъ почти наизусть и представлявшимъ верхъ военнаго искусства и предусмотрительности, благодаря опыту измаиловскаго штурма. Не удивительно поэтому, что штурмъ, начавшійся въ 5 часовъ утра, былъ оконченъ къ 9 часамъ 24 числа. Каждый отчетливо зналъ свое мѣсто, что̀ ему нужно дѣлать, куда и почему идти.

Вслѣдствіе сильнаго возбужденія войска, можно было опасаться за участь Варшавы, вовсе не входившей въ планы штурма. Въ виду этого, Суворовъ приказалъ зажечь мостъ, соединявшій Прагу съ Варшавою. Пожаръ перебрался на Прагу, и море огня еще болѣе увеличило общій ужасъ. Грохотавшая же канонада между Варшавою и Прагою придавала этой адской картинѣ еще болѣе ужасающій видъ. По оффиціальному донесенію убитыхъ поляковъ 13.340 человѣкъ, плѣнныхъ 12.860, потонуло около 3.000 человѣкъ. Было пролито много крови, но это устранило затягиваніе войны, или иначе—обращеніе ея въ хроническое кровопролитіе. Не прошло и сутокъ послѣ прагскаго погрома, какъ въ русскій лагерь явилось посольство отъ капитулирующей Варшавы. 25-го октября, въ пол-

ночь, прибыли къ Суворову три депутата варшавскаго магистрата съ депешей отъ магистрата и съ письмомъ отъ короля Станислава-Августа Понятовскаго. Ихъ несказанно обрадовала и даже смутила необычайная скромность условій, предложенныхъ побѣдителемъ и состоявшихъ въ слѣдующемъ:

«Оружіе, артиллерію и снаряды сложить за городомъ въ условленномъ мѣстѣ. Поспѣшно исправить мостъ, чтобы русскія войска могли вступить въ Варшаву 25-го вечеромъ или 26-го утромъ. Дается торжественное обѣщаніе именемъ Русской Императрицы, что все будетъ предано забвенію, и что польскія войска, по сложеніи ими оружія, будутъ распущены по домамъ, съ обезпеченіемъ личной свободы и имущества каждаго. То же самое гарантируется и мирнымъ обывателямъ. Его Величеству королю—всеподобающая честь».

Депутаты даже прослезились отъ такой умѣренности условій, а тѣмъ болѣе—отъ великодушія и доброжелательства, съ которыми Суворовъ принялъ депутатовъ, угостилъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними, увѣривъ ихъ, что искреннее и единственное желаніе и стремленіе Россіи—*миръ и миръ!*

Верховный совѣтъ, подъ давленіемъ дружнаго общественнаго вліянія, вовсе отстранился отъ дѣлъ, передавъ свои полномочія королю. Отсроченное Суворовымъ, по просьбѣ короля, вступленіе войскъ торжественно произошло 29-го октября, съ развернутыми знаменами, съ музыкою, начавшись въ 8-мъ часу утра. Суворовъ ѣхалъ въ срединѣ войскъ, съ большою свитою. Городской магистратъ находился на варшавскомъ концѣ моста. Старшій членъ магистрата поднесъ Суворову на бархатной подушкѣ городскіе ключи, а также хлѣбъ и соль, и сказалъ краткую привѣтственную рѣчь. Суворовъ взялъ ключи, поцѣловалъ ихъ и громко поблагодарилъ Бога за то, что Варшава куплена не такою цѣною, какъ Прага. Передавъ поднесенія дежурному генералу Исленьеву, онъ сталъ побратски обниматься съ членами магистрата и со многими изъ окружающаго народа.

Пройдя городъ, войска направились къ лагернымъ мѣстамъ, внутри ограды варшавскихъ укрѣпленій. Суворовъ помѣстился въ одномъ изъ лучшихъ домовъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ лагеремъ. Магистратъ представилъ ему подлежащихъ освобожденію военноплѣнныхъ прусскихъ, австрійскихъ и русскихъ. Первыхъ было больше 500, вторыхъ 80, третьихъ 1.376 человѣкъ. Австрійцы и пруссаки были скованы. Въ числѣ русскихъ находились: три генерала и три дипломатическихъ чиновника высшаго ранга. Произошла очень трогательная сцена. Освобожденные падали передъ Суворовымъ на колѣни и горячо благодарили. Радость и благодарность

ихъ были тѣмъ понятнѣе, что нѣсколько дней назадъ носились весьма зловѣщіе слухи объ ихъ участи.

30-го октября Суворовъ былъ у Станислава-Августа въ полной парадной формѣ, со всѣми своими орденскими знаками, въ сопровожденіи громадной свиты и конвоя. На этой аудіенціи между прочимъ рѣшено было, что король отдастъ приказаніе, чтобы всѣ польскія войска положили немедленно оружіе и выдали пушки. Въ этихъ видахъ Суворовымъ была доставлена королю амнистія для объявленія всѣмъ войскамъ. Въ отношеніи политики «*умиротворенія*», Суворовъ держался правила, что чѣмъ шире побѣдитель выказываетъ свое великодушіе и безбоязненность, тѣмъ полнѣе получается результатъ умиротворенія. Образъ дѣйствій Суворова въ отношеніи поляковъ былъ безусловно чистосердеченъ и честенъ, справедливъ и доброжелателенъ. Именно вслѣдствіе этого и оказался возможнымъ такой фактъ, что, послѣ серьезно-задуманнаго и подготовленнаго возстанія, съ сильною степенью фанатическаго возбужденія,—къ 8-му ноября уже было *вполнѣ закончено* Суворовымъ *мирное* разоруженіе Польши, *совершенно добровольное*.

Посланный Суворовымъ генералъ-маіоръ Исленьевъ съ ключами и хлѣбомъ-солью Варшавы пріѣхалъ въ Петербургъ 19-го ноября. По этому поводу на другой день былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Дочь Суворова удостоилась самаго внимательнаго пріема со стороны императрицы. На происходившемъ же въ тотъ день парадномъ обѣдѣ было объявлено о возведеніи Суворова въ званіе фельдмаршала.

Суворовъ, въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ, говоритъ по этому поводу, что онъ «былъ боленъ отъ радости». Онъ получилъ отъ государыни два рескрипта, изъ которыхъ въ одномъ говорится, что Суворовъ самъ произвелъ себя своими побѣдами въ фельдмаршалы, нарушивъ старшинство, вообще строго соблюдаемое. Племянникъ его, князь Алексѣй Горчаковъ, былъ присланъ къ нему съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ 15,000 руб., вмѣстѣ съ бриллiантовымъ бантомъ къ шляпѣ. Наконецъ Суворову было назначено въ полное его и потомственное владѣніе одно изъ столовыхъ имѣній польскаго короля — Кабринскій Ключъ, съ 7,000 душъ мужского пола, что *утроило* его состояніе.

Радуясь до болѣзни, Суворовъ не скрывалъ своего восторга, впадая даже въ чудачество. Привезенный ему фельдмаршальскій жезлъ онъ приказалъ отнести въ церковь для освященія. Затѣмъ самъ пришелъ туда въ курткѣ, безъ знаковъ отличія, и приказалъ разставить въ линію нѣсколько табуретокъ съ промежутками,

послѣ чего началъ перепрыгивать табуретки, называя послѣ каждой имя одного изъ тѣхъ генералъ-аншефовъ, которыхъ онъ обошелъ (Репнина, Прозоровскаго, Салтыкова и проч.). Наконецъ, табуретки были убраны; онъ одѣлся въ полную фельдмаршальскую форму, вновь явился въ церковь и прослушалъ богослуженіе.

Среди разнообразнаго выраженія сочувствій Суворову особенно характернымъ представляется въ этомъ отношеніи поведеніе варшавскаго магистрата. Въ 1794 году, въ день Екатерины, отъ имени варшавянъ, Суворову была поднесена золотая эмальированная табакерка, съ лаврами изъ брилліантовъ. На срединѣ крышки былъ изображенъ городской гербъ—плавающая сирена и подъ нею подпись: *Warszawa zbawcy swemu* (Варшава своему избавителю); внизу же герба — другая подпись, обозначающая день прагскаго штурма: *4-го ноября* (24-го октября) 1794 г.

Такимъ образомъ варшавяне назвали Суворова своимъ «*избавителемъ*» за разрушеніе моста во время штурма; обстоятельства же не замедлили доказать, что не одни варшавяне, а всѣ поляки съ полнымъ правомъ могутъ и должны назвать Суворова своимъ «избавителемъ». Дѣло въ томъ, что, когда затихли петербургскія торжества побѣдъ, масса лицъ, недовольныхъ возвышеніемъ Суворова, начала судить и рядить по своему, отвергая пользу миролюбивой политики въ отношеніи поляковъ, доказывая необходимость крутыхъ мѣръ. Суворовъ моментально и побѣдоносно *отпарировалъ* всѣ подобнаго рода притязанія, доказавъ полную ихъ несправедливость и большой вредъ. Поэтому принятая имъ система умиротворенія края *осталась нетронутою*, такъ какъ, именно благодаря ей, Польша находилась въ *полнѣйшемъ повиновеніи* и *никакихъ опасеній не возбуждала*. Именно «не мщеніемъ, *а великодушіемъ была покорена* Польша»,—скажемъ мы словами Суворова, и годъ мирнаго его управленія въ Польшѣ можно назвать образцомъ *административной мудрости*. Черезъ годъ, когда состоялся, наконецъ, окончательный раздѣлъ Польши, и Суворову нечего уже было дѣлать тамъ, — онъ получилъ 17-го октября 1895 г. рескриптъ, въ которомъ Императрица благодарила его за все, имъ сдѣланное.

Въ этотъ именно періодъ дочь его «Наташа» вышла замужъ за графа Николая Зубова, брата новаго фаворита. Замѣчательно, что это родство съ всесильнымъ фаворитомъ не только не вызвало сближенія, но, породнившись съ Платономъ Зубовымъ, Суворовъ еще болѣе отдалился отъ него. Впослѣдствіи охладѣли его отношенія къ зятю и дочери, которой онъ удѣлялъ очень много вниманія во все

время до ея замужества и положительно прославилъ ее своими письмами къ ней.

Выдача дочери замужъ не избавила Суворова отъ семейныхъ заботъ. На смѣну дочери явился сынъ, Аркадій. До 11-ти лѣтъ онъ провелъ при матери. Въ сентябрѣ 1795 г. Суворовъ впервые упоминаетъ о сынѣ въ письмѣ къ Платону Зубову, котораго онъ благодаритъ за монаршее благоволеніе, оказанное его сыну, заключавшееся вѣроятно въ назначеніи его камеръ-юнкеромъ къ великому князю Константину Павловичу, для чего онъ впервые и прибылъ въ Петербургъ изъ Москвы въ началѣ 1796 года. Попеченіе о воспитаніи и образованіи Аркадія было поручено Суворовымъ его замужней дочери. Графъ же Николай Зубовъ принялъ на себя надзоръ за педагогическою стороною дѣла.

IX.

Рѣзкія превращенія

(1796—1799).

Дѣятельность Суворова въ Финляндіи и Тульчинѣ. — Восшествіе на престолъ Павла Петровича; его особенности. — Увольненіе Суворова отъ службы. — Пребываніе его въ селѣ Кончанскомъ.

По прибытіи въ Петербургъ 4 января 1796 г., Суворовъ сталъ предметомъ особеннаго вниманія не только со стороны общества, гордившагося имъ и прославлявшаго его, но также со стороны Императрицы. Она выслала ему въ Стрѣльну парадную придворную карету, съ эскортомъ изъ чиновъ конюшеннаго вѣдомства. Для житья назначила ему и его свитѣ таврическій дворецъ, приказавъ при этомъ завѣсить зеркала, въ угоду причудливому фельдмаршалу, не любившему ихъ. При личномъ свиданіи, Государыня окончательно обворожила его своимъ радушнымъ пріемомъ и утонченнымъ вниманіемъ. Узнавъ, напримѣръ, что Суворовъ ѣхалъ изъ Стрѣльны въ одномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, безъ всякой верхней одежды (онъ сдѣлалъ это ради особенной торжественности своего въѣзда—и заморозилъ своихъ спутниковъ),—Екатерина подарила ему роскошную соболью шубу, крытую зеленымъ бархатомъ. Но Суворовъ пользовался ею только во время поѣздокъ во дворецъ, да и то держалъ ее на колѣняхъ и надѣвалъ лишь по выходѣ изъ кареты.

Тѣмъ не менѣе онъ рѣдко бывалъ во дворцѣ, у Государыни, особенно же на парадныхъ обѣдахъ, которыхъ умышленно избѣ-

галъ. Вообще-же Суворовъ не хорошо чувствовалъ себя въ придворной средѣ. Его рѣзкая прямота и грубая откровенность стѣсняли всѣхъ, а тѣмъ болѣе — Императрицу. Поэтому онъ съ радостью принялъ предложеніе Императрицы съѣздить въ Финляндію и осмотрѣть тѣ пограничныя укрѣпленія, которыя имъ же были проектированы и сооружаемы въ 1791 и 92 годахъ, но закончены другими. Онъ быстро окончилъ это порученіе и былъ очень доволенъ видѣннымъ имъ, такъ какъ

„не осталось уголка, куда бы могли проникнуть шведы, не встрѣтивъ сильныхъ затрудненій и отпора".

Еще при первомъ свиданіи съ Екатериною, по возвращеніи въ Петербургъ изъ Варшавы, Суворову было предложено главное начальствованіе надъ затѣвавшеюся тогда персидскою экспедиціею. Но онъ просилъ дать ему подумать. Теперь же, возвратившись изъ Финляндіи, онъ категорически отказался отъ экспедиціи, о чемъ однако очень сожалѣлъ потомъ, когда началась экспедиція и крайне неумѣло велась Зубовыми. Эта экспедиція, начатая по личнымъ разсчетамъ фаворита Платона Зубова, послужила поводомъ для самыхъ злостныхъ нападокъ со стороны Суворова. А такъ какъ зять Суворова, Николай Зубовъ, старался отстаивать брата, то это послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ для сильнаго охлажденія Суворова не только къ зятю, но и къ женѣ его, къ своей Наташѣ, къ которой онъ былъ прежде такъ внимателенъ и нѣженъ.

Онъ получилъ въ командованіе самую большую изъ трехъ существовавшихъ тогда армій, заключавшую въ себѣ войска, находившіяся въ губерніяхъ: ярославской, пермской, екатеринославской, харьковской и таврической области, всего—13 кавалерійскихъ и 19 пѣхотныхъ полковъ, черноморскій гренадерскій корпусъ, три егерскихъ корпуса, 40 осадныхъ и 107 полевыхъ орудій, 48 понтоновъ; да кромѣ того еще три полка чугуевскихъ и екатеринославское пѣшее и конное войско. Штабъ-квартиру свою онъ устроилъ въ Тульчинѣ.

Съ любовью и увлеченіемъ отдался Суворовъ порученной ему арміи, въ которую онъ отправился въ половинѣ марта 1796 года. Менѣе чѣмъ въ годичный срокъ онъ довелъ военное обученіе ввѣренныхъ ему войскъ до высокой степени совершенства, образцово поставивъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ отношеніи продовольствія, одежды, гигіеническихъ условій жизни, занятій полезными работами и духовно-нравственной пищи.

Въ Тульчинѣ, какъ и вообще, Суворовъ велъ необыкновенно дѣятельную жизнь. Вставалъ очень рано и втеченіе дня по

нѣсколько разъ окачивался холодною водою во всякое время года. Обѣдалъ около 8 ч. утра, когда и принималъ посѣтителей, охотно проводя съ ними въ бесѣдѣ за столомъ около $1^1/_2$—2 часовъ и болѣе. Затѣмъ все остальное время (кромѣ кратковременнаго сна среди дня), отъ момента вставанія до ночного отдыха, онъ безпрерывно занимался или служебными дѣлами, или просмотромъ той массы періодическихъ изданій общаго и спеціальнаго характера, русскихъ и иностранныхъ, которыя онъ обязательно получалъ всегда. Кромѣ того не мало времени уходило на изученіе языковъ финскаго, турецкаго и татарскаго. Суворовъ очень любилъ общество, всевозможныхъ родовъ игры и развлеченія, вносилъ большое оживленіе въ мѣстную жизнь и имѣлъ всегда и вездѣ громаднѣйшій кругъ поклонниковъ и поклонницъ, высоко цѣнившихъ его за необычайную веселость, живость, подвижность, блестящую остроту ума, колкость языка, благородную ядовитость рѣчи. Гдѣ бы онъ ни былъ—положительно *влюблялъ* въ себя простотою и естественностью обращенія, задушевною искренностью и прямотою. Но, къ величайшему несчастью, въ мирной и плодотворной дѣятельности Суворова неожиданно произошелъ крутой и рѣзкій поворотъ.

6-го ноября скончалась Екатерина и на престолъ вступилъ сынъ ея, Павелъ Петровичъ. Воцареніе Павла было названо въ свое время «*затменіемъ*». Одно изъ наиболѣе преданныхъ Павлу лицъ между прочимъ говоритъ о немъ: «разсудокъ его былъ *потемненъ*, сердце наполнено *желчи* и душа *гнѣва*». Въ практической же его дѣятельности, — какъ видно изъ безконечной цѣпи фактовъ кратковременнаго его царствованія (4 года и 4 мѣсяца),—все доброе уничтожалось необыкновенною раздражительностью и подозрительностью, неразумною требовательностью, нервическимъ нетерпѣніемъ, отсутствіемъ чувства мѣры, надменнымъ непризнаваніемъ человѣческаго достоинства. Очевидная болѣзнь души.

Екатерина, всегда строго державшаяся приличій, не считала этого обязательнымъ для себя въ отношеніи сына: обыкновенно бывала къ нему невнимательна, черства и жестка. Постепенно увеличивавшаяся холодность взаимныхъ отношеній перешла въ отчужденность, а затѣмъ—и въ явно непріязненное чувство между матерью и сыномъ. Считаясь наслѣдникомъ престола, Павелъ Петровичъ однако не имѣлъ никакихъ государственныхъ занятій, ничего офиціально-дѣлового, нигдѣ не присутствовалъ. Онъ уединялся въ загородныхъ дворцахъ Павловска и Гатчины, съ полнымъ отстраненіемъ не только отъ государственной дѣятельности, но и отъ круга просвѣщенныхъ людей. Не мудрено, что, желая какъ-нибудь

занять свой досугъ, онъ ударился въ рѣзкую крайность — сталъ *изобрѣтать* свою собственную *военную систему*, гдѣ обученіе и служба сводились къ механическому выполненію ничтожнѣйшихъ мелочей, при высокой степени требовательности и при условіи чисто-скотскаго повиновенія. Все это, оставаясь почти въ размѣрахъ дѣтской забавы, вмѣстѣ съ тѣмъ представляло собою крайне неумѣлое, даже извращенное подражаніе прусскому военному образцу, съ усвоеніемъ прусскаго военнаго устава и прусской же формы одежды.

Павелъ I, вступая на престолъ, былъ весь проникнутъ, до самозабвенія, *огульнымъ отрицаніемъ* всего, что было сдѣлано въ прошлое царствованіе. Къ какимъ глубоко-прискорбнымъ послѣдствіямъ приводило это на дѣлѣ, можно видѣть на примѣрѣ тѣхъ *чудовищныхъ превращеній*, которыя выпали на долю фельдмаршала графа Суворова, пользовавшагося теперь уже такою громкою и почетною извѣстностью, что буквально вся Европа завидовала Россіи, имѣющей этого геніальнаго полководца, и не было страны, которая не желала бы имѣть его своимъ военачальникомъ. Между тѣмъ Павелъ не задумался не только *забраковать* его, но даже и *загнать въ самый темный уголъ*.

Вслѣдствіе нововведеній Павла, въ половинѣ декабря, къ Суворову были присланы два фельдъегеря для посылокъ, вмѣсто офицеровъ. Между тѣмъ къ новому году отъ него прибылъ въ Петербургъ капитанъ съ частными письмами, безъ служебной корреспонденціи. По докладу Павлу объ этомъ ничтожнѣйшемъ пустякѣ, послѣдовалъ приказъ: выразить Суворову неудовольствіе, причемъ указанное употребленіе офицеровъ было названо «неприличнымъ ни службѣ, ни званію ихъ». Узнавъ же изъ распросовъ посланнаго, что Суворовъ еще не распустилъ своего штаба,—какъ это требовалось все тѣми же «нововведеніями»,—Государь повелѣлъ добавить въ приказѣ «удивленіе» этому, а также и подтвержденіе о непремѣнномъ и немедленномъ исполненіи его воли. Не успѣлъ еще Суворовъ получить увѣдомленіе объ этомъ, какъ на немъ были уже насчитаны *три* новыя вины.

Прежде всего онъ провинился тѣмъ, что поднялъ вопросъ о нѣкоторомъ измѣненіи въ расположеніи состоящихъ у него войскъ, —что прежде онъ дѣлалъ совершенно самостоятельно. Вторая его провинность—ходатайство оставить подъ своимъ вѣдѣніемъ генералъ-маіора Исаева, давняго сослуживца Суворова. Наконецъ, третья его провинность—отпускъ въ Петербургъ подполковника Батурина. По поводу всего этого, въ половинѣ января 1797 г., послѣдовалъ слѣдующій рескриптъ на имя Суворова:

«Съ удивленіемъ вижу я, что вы безъ дозволенія моего отпускаете офицеровъ въ отпускъ, и для того надѣюсь я, что сіе будетъ въ послѣдній разъ. Не менѣе удивляюсь я, почему вы входите въ распредѣленіе командъ, прося васъ предоставить это мнѣ. Что-же касается до рекомендаціи вашей, то и сіе въ мирное время до васъ касаться не можетъ; развѣ въ военное время, если непосредственно подъ начальствомъ вашимъ находиться будетъ. Вообще рекомендую поступать во всемъ по уставу».

Кромѣ того въ высочайшемъ приказѣ 15-го января Суворову объявленъ еще *выговоръ*. Но, не успѣвъ даже получить эти повелѣнія, Суворовъ вновь послалъ въ Петербургъ офицера съ донесеніемъ, что не получилъ еще повелѣнія о неупотребленіи офицеровъ для курьерскихъ должностей. Въ припадкѣ бѣшенства, Павелъ отправилъ злополучнаго посла въ гарнизонный полкъ, въ Ригу, для какого-то, будто бы, «примѣра другимъ»; Суворову же выразилъ въ рескриптѣ крайнее неудовольствіе, гдѣ напримѣръ сказано въ заключеніи:

«Удивляемся, что вы—тотъ, кого мы почитали изъ первыхъ по исполненію воли нашей, остаетесь послѣднимъ». Кромѣ того Суворову еще былъ объявленъ *выговоръ* въ Высочайшемъ приказѣ.

Еще по полученіи перваго изъ указанныхъ выше рескриптовъ, Суворовъ, оскорбленный и возмущенный, подалъ 11-го января прошеніе объ увольненіи его въ годичный отпускъ, справедливо ссылаясь на свои «*многія раны и увѣчья*». На прошеніе послѣдовалъ отказъ 19 января, что будто бы «обязанности службы препятствуютъ отъ оной отлучиться».

3-го февраля Суворовъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. По поводу этой просьбы, ему былъ написанъ *безпощадно-жестокій* и *возмутительно-несправедливый указъ*, въ самой злостной и грубой формѣ. По порученію Государя, Суворову отвѣтили 14 февраля:

«Государь Императоръ, получа донесеніе вашего сіятельства отъ 3-го февраля, соизволилъ указать—доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было, и что вы отставлены еще 6 числа сего мѣсяца».

Самое же «отставленіе» это было произведено слѣдующимъ образомъ. На разводѣ 6-го февраля былъ отданъ приказъ:

«Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, отнесясь Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы». (Ни грамматики, ни логики!!...)

Суворовъ, заслугами добившійся графства и фельдмаршальства, прослуживший чуть не вдвое болѣе узаконеннаго срока, проведшій на службѣ почти всю свою жизнь и буквально отдавшій ей все свое здоровье и силы,—на 67 году жизни «*отставленъ отъ службы даже безъ права ношенія мундира!*... А затѣмъ еще—и быстро былъ низведенъ буквально до *самаго прозябательнаго* состоянія...

Сдавши дѣла въ Тульчинѣ своему преемнику, Суворовъ въ исходѣ марта 1797 года отправился въ Кобринъ, чтобы заняться тамъ дѣлами имѣнія и привести его въ порядокъ. Но даже и это немногое въ личномъ его хозяйственномъ дѣлѣ не дали ему осуществить. Ночью 22-го апрѣля, когда Суворовъ не успѣлъ даже и осмотрѣться по имѣнію, къ нему пріѣхалъ въ Кобринъ коллежскій совѣтникъ Николаевъ и предъявилъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

«Ѣхать вамъ въ Кобринъ или другое мѣсто пребыванія Суворова, откуда его привесть въ боровицкія его деревни, гдѣ и препоручить Вындомскому (боровичскому городничему), а въ случаѣ надобности—требовать помощи отъ всякаго начальства».

Отъѣздъ такъ торопили, что не было никакой возможности сдѣлать распоряженія, отдать приказанія, забрать брилліанты болѣе чѣмъ на 300,000 рублей и другія цѣнныя вещи. Не успѣли даже подвести счетовъ, чтобы снабдить Суворова деньгами на дорогу, такъ что ему пришлось довольствоваться 1,000 р., одолженныхъ управляющимъ имѣніемъ.

Суворова водворили въ родовомъ его селѣ Кончанскомъ, настолько запущенномъ, что полуразвалившійся домъ былъ трудно обитаемъ даже въ теплое время года, такъ какъ онъ плохо защищалъ отъ стихійныхъ невзгодъ, и совершенно былъ необитаемъ во время осеннихъ холодовъ и въ зимнюю пору. Не говоря уже о томъ, что сравнительно благоустроенный Кобринъ, съ прекраснымъ домомъ, не могъ даже идти въ сравненіе съ захолустнѣйшимъ Кончанскомъ, нужно еще замѣтить, что это вынужденное переселеніе представляло собою глубоко-существенное ухудшеніе въ положеніи Суворова во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Кобринѣ Суворовъ былъ только *опальнымъ*, въ Кончанскѣ-же онъ—*ссыльный*, да притомъ еще и *поднадзорный*...

Въ іюлѣ его посѣтили: дочь, т е. графиня Зубова, съ маленькимъ своимъ сыномъ, всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и сынъ Аркадій. Это посѣщеніе близкихъ людей нѣсколько скрасило его ссылку; но, къ сожалѣнію, оно не могло быть продолжительнымъ, такъ какъ семья Суворова, тѣснившаяся кое-какъ въ лѣтнюю пору, не могла уже оставаться въ Кончанскѣ съ наступленіемъ холоднаго времени. Она уѣхала 21-го сентября, и ссыльное положеніе Суворова стало еще тяжелѣе, такъ какъ, одновременно съ этимъ, *усилена поднадзорность*. Спеціальнымъ дозорцемъ былъ назначенъ все тотъ же Николаевъ, человѣкъ полуграмотный, неразвитой. Для него этотъ дозоръ былъ единственнымъ средствомъ къ существованію, и потому онъ изъ силъ выбивался, усердствуя въ надзорѣ; старался совать свой неопрятный носъ рѣшительно во весь складъ и строй жизни Суворова;

умышленно преувеличивалъ состояніе здоровья Суворова, которое, въ дѣйствительности, было очень плохо, требовало заботливаго вниманія и ухода. Но этого безусловно невозможно было добиться въ Кончанскѣ, гдѣ Суворову пришлось поселиться на зиму въ простой крестьянской избѣ, вслѣдствіе окончательной непригодности для жилья собственнаго дома. Въ простомъ ежедневномъ его костюмѣ произошло упрощеніе до *послѣдней крайности:* онъ ходилъ даже *безъ рубашки*, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, какъ обыкновенно дѣлывалъ это въ лагерное время.

Николаевъ прибылъ въ Кончанскъ наканунѣ отъѣзда семьи Суворова, и, повидимому, неожиданное появленіе сыщика ускорило отъѣздъ. Съ этой поры жизнь Суворова была опутана сплошною сѣтью дозора въ самой *дерзкой* и *насильственной* формѣ. Къ Суворову никого не допускали, отказывали всѣмъ, являвшимся къ нему, не сообщая даже о нихъ Суворову. Самому ему запрещено было ѣздить къ сосѣдямъ. Письма обязательно перехватывались. Всѣ хозяйственныя распоряженія его задерживались для испрашиванія разрѣшеній изъ Петербурга. Къ этому нужно прибавить еще неожиданно обрушившуюся на Суворова массу казенныхъ взысканій и частныхъ претензій, которыя, въ короткій промежутокъ времени, превысили 100.000 рублей. Всѣ они касались службы его, какъ военачальника, предводителя войскъ; значитъ, и удовлетворять ихъ долженъ не Суворовъ, а казна. Въ дѣйствительности же было какъ разъ наоборотъ. По заявленіямъ не производилось никакихъ предварительныхъ разслѣдованій; о нихъ не сообщалось даже Суворову, какъ отвѣтчику: они просто обращались *ко взысканію, безапелляціонно*, да притомъ еще съ суровымъ подтвержденіемъ *«не затягивать исполненія»*...

Такимъ взысканіямъ не предвидѣлось конца, такъ какъ ихъ не начинали развѣ только лѣнивые. Дѣло явно и открыто было направлено къ беззаконному, насильственному *разоренію* Суворова, прямотаки къ *ограбленію* его. И онъ, беззащитный и безпомощный, безропотно подчинился жестокой судьбѣ, принявъ такое рѣшеніе:

„Въ несчастномъ случаѣ—брилліанты; я ихъ заслужилъ, Богъ далъ, Богъ и возьметъ и опять дать можетъ".

Наконецъ вторглись даже и въ личную семейную жизнь Суворова, притомъ въ самой беззастѣнчивой и оскорбительной формѣ. Прошло 13-ть лѣтъ уже, какъ онъ разошелся съ женою. Все время онъ ежегодно выплачивалъ ей приличную пенсію (до 3.000 рублей); она-же, не задумываясь, жила выше средствъ, входя въ долги. Теперь, воспользовавшись безправнымъ и прини-

женнымъ состояніемъ мужа, она обратилась съ просьбою обязать его: уплатить ея долгъ въ 22.000 рублей; выдавать ей на прожитье ежегодно по 8.000 рублей и предоставить въ ея пользованіе домъ въ Москвѣ. Просьба эта была *моментально удовлетворена*, безъ всякаго разсмотрѣнія,—и Суворова Высочайшимъ повелѣніемъ *обязали выполнить* ее.

Ко всему этому еще нужно прибавить *полное разграбленіе* въ Кобринѣ, вслѣдствіе окончательной невозможности личнаго руководства и контроля. При такихъ условіяхъ существованія прошло около года. Наконецъ, 14-го февраля 1798 года передъ Суворовымъ неожиданно предсталъ племянникъ его, 19-ти-лѣтній юноша, подполковникъ Андрей Горчаковъ, флигель-адъютантъ Павла I, съ предложеніемъ немедленно ѣхать въ Петербургъ, на основаніи слѣдующаго Высочайшаго повелѣнія отъ 12-го февраля:

„Ѣхать вамъ, князь, къ графу Суворову; сказать ему отъ меня, что если было что *отъ него мнѣ*, я сего не помню; что можетъ онъ ѣхать сюда, гдѣ, надѣюсь, не будетъ повода подавать своимъ поведеніемъ къ наималѣйшему недоразумѣнію". Одновременно съ этимъ и генералъ-прокурору было предписано: „Дозволивъ графу Суворову пріѣхать въ Петербургъ, находимъ пребываніе Николаева тамъ не нужнымъ".

Этотъ послѣдній моментально уѣхалъ подъ Москву, въ свое имѣніе. Суворовъ-же равнодушно отнесся къ сообщенію племянника, и отказался отъ поѣздки въ Петербургъ. Только послѣ настойчивыхъ убѣжденій племянника въ неизбѣжности еще болѣе сильной опалы, Суворовъ согласился ѣхать.

Павелъ нетерпѣливо ждалъ Суворова. Узнавъ поздно ночью о его пріѣздѣ, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ тотчасъ-же принять его, и назначилъ ему пріемъ на завтра, въ 9 час. утра. Пріемъ былъ радушный, причемъ бесѣда съ глазу на глазъ, въ кабинетѣ, продолжалась болѣе часа, послѣ чего Суворовъ отправился на парадъ. Государь, видимо, желалъ заинтересовать Суворова производившимся ученіемъ, но получился совершенно обратный результатъ. Онъ открыто подшучивалъ и подсмѣивался надъ ученіемъ, признавая его совершенно несостоятельнымъ, и обнаруживалъ явное невниманіе къ нему. «Нѣтъ, не могу, уѣду»,—говорилъ онъ, поминутно подходя къ юному князю Горчакову. И, какъ ни урезонивалъ его Горчаковъ, онъ остался непреклоннымъ. «Не могу, брюхо болитъ»,—сказалъ онъ племяннику—и уѣхалъ.

Государь видалъ выходки Суворова, но смолчалъ, хотя видимо былъ даже взволнованъ ими. Вообще надо замѣтить, что государь, передъ которымъ все трепетало и безмолвствовало, видимо пересиливалъ себя въ отношеніи Суворова, оказывалъ необыкновенную

снисходительность къ его выходкамъ. Суворовъ-же не упускалъ случая вышутить и осмѣять новыя уродливыя правила службы, обмундированія, снаряженія, не стѣсняясь даже и присутствіемъ государя. Только разъ, когда Суворовъ позволилъ себѣ даже бѣгать и суетиться во время развода между проходившими церемоніальнымъ маршемъ взводами, выражая на лицѣ своемъ то недоумѣніе, то изумленіе, шепча себѣ подъ носъ: «Да будетъ воля Твоя» и крестясь,—то, въ виду этого несомнѣннаго безпорядка, черезъ нѣсколько дней послѣ развода, послѣдовалъ приказъ о *благочиніи на разводахъ*, явно имѣвшій въ виду именно выходки Суворова, хотя имя его при этомъ не было упомянуто.

Въ концѣ концовъ Суворовъ, выбравъ удобную минуту, прямо испросилъ у Павла позволеніе возвратиться къ себѣ въ деревню,—и въ тотъ же день уѣхалъ. На первыхъ порахъ, по возвращеніи въ Кончанское, онъ чувствовалъ себя недурно. Отсутствіе Николаева какъ бы сняло у него цѣлую гору съ плечъ. Онъ съ увлеченіемъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ на мѣстѣ и въ Кобринѣ. Это на нѣсколько мѣсяцевъ заняло его, да и то не вполнѣ: дѣло было чуждо ему по своей сущности, и оно не могло захватить и заполнить его всего.

Хотя онъ и пересталъ быть «поднадзорнымъ», но все-же не имѣлъ полной личной свободы и не могъ вполнѣ безбоязненно пользоваться ею. Надъ нимъ все-таки тяготѣли опала и ссылка, и симптомы ихъ отъ поры до времени довольно ощутительно заставляли чувствовать себя.

Несмотря на свои 68 лѣтъ, онъ чувствовалъ страстное влеченіе служить военному дѣлу свободно, широко... Но принять то, что такъ настойчиво предлагали ему,—невозможно, а другого выхода нѣтъ, особенно-же при ссыльномъ, опальномъ положеніи, относительно измѣненія котораго не имѣлось даже никакихъ признаковъ. И Суворовъ рѣшилъ поступить «въ иноки». Въ декабрѣ 1798 года онъ подалъ государю слѣдующее прошеніе:

„Ваше Императорское Величество, всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову новгородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый Государь. Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ".

Время шло,—и никакого отвѣта. Наконецъ, 6-го февраля 1799 года, въ Кончанское пріѣхалъ флигель-адъютантъ Толбухинъ и привезъ Суворову слѣдующій собственноручный Высочайшій рескриптъ отъ 4-го февраля:

„Сейчасъ получилъ, графъ Александръ Васильевичъ, извѣстіе о

настоятельномъ желаніи Вѣнскаго двора, чтобы вы предводительствовали арміями его въ Италіи, куда и мои корпусы Розенберга и Германа идутъ. Итакъ, по сему и при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ, долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ, предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну".

Суворовъ, конечно, былъ несказанно пораженъ такимъ неожиданнымъ и благопріятнымъ оборотомъ дѣла. Толбухинъ, понятно, былъ немедленно отправленъ съ отвѣтомъ о безотлагательномъ выѣздѣ въ Петербургъ,—что̀ и послѣдовало 7-го февраля.

X.

Въ чужихъ краяхъ

(1799).

Назначеніе Суворова главнокомандующимъ союзной арміи. — Итальянскій театръ войны.—Побѣды надъ французами.—Суворовъ—князь Италійскій.—Предоставленіе ему царскихъ воинскихъ почестей.

Тощимъ, ослабѣвшимъ физически, болѣзненнымъ явился Суворовъ въ Петербургъ, послѣ вынужденнаго двухлѣтняго пребыванія въ Кончанскомъ. Но духъ его былъ ясенъ и бодръ, какъ никогда. Онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ насильственнаго навязыванія Франціею республиканскаго режима другимъ народамъ, считая республиканское насиліе «хуже даже и гибельнѣе всякаго другого».

Выборъ палъ на Суворова, какъ на «*знаменитаго мужествомъ и подвигами*», главнымъ образомъ по настояніямъ Англіи. Благодаря *избранію извнѣ*, Суворовъ былъ зачисленъ на службу въ Россіи съ чиномъ фельдмаршала, но—*безъ объявленія въ приказѣ*. Это *умолчаніе* въ приказѣ только *усугубило* восторженнѣйшій пріемъ, оказанный Суворову петербургскою публикою, справедливо называвшею его «*гордостью*» Россіи, «*восходящимъ солнцемъ славы*».

Императоръ Павелъ, повидимому, также испытывалъ вліяніе этого общественнаго движенія. Вмѣсто какихъ-бы то ни было инструкцій, государь просто сказалъ Суворову: «Веди войну по своему, какъ умѣешь».

Суворовъ прибылъ въ Вѣну 14-го марта. Это вызвало тамъ общую «радость, довѣріе и надежду»—во всѣхъ слояхъ населенія, не исключая придворной сферы и императора. Великодушный отпускъ Россіею 70.000 войска, такъ громко прославленнаго побѣдами въ Прагѣ, Измаилѣ, Рымникѣ и проч., притомъ—подъ пред-

водительствомъ самого же виновника побѣдъ, Суворова,—былъ большимъ счастьемъ для Австріи, буквально—спасеніемъ ея отъ посягательства Франціи.

Въ получасовой аудіенціи ему было лично объявлено австрійскимъ императоромъ, что онъ назначается главнокомандующимъ союзною арміею, съ предоставленіемъ ему свободы дѣйствій на театрѣ войны. То-же потомъ было повторено и главою вѣнскаго кабинета, барономъ Тугутомъ, какъ Суворову, такъ и нашему послу, Разумовскому. Въ виду же подчиненія ему, иностранному полководцу, австрійскихъ войскъ, онъ былъ возведенъ въ чинъ австрійскаго фельдмаршала. Но черезъ четыре дня къ Суворову явились четыре члена гофкригсрата (придворнаго военнаго совѣта) съ проектомъ войны на Итальянскомъ полуостровѣ. Самая личность Суворова исключала возможность руководства со стороны. Суворовъ строго держался правила, что «*въ кабинетахъ врутъ, а въ полѣ бьютъ*». Онъ рѣшительно отвергъ совмѣстное предварительное обсужденіе проекта военныхъ дѣйствій. Но такъ какъ члены гофкригсрата просили по крайней мѣрѣ его мнѣнія по поводу ихъ проекта, то онъ, зачеркнувъ его весь, надписалъ въ концѣ, что признаетъ необходимымъ *начать* именно съ того, чѣмъ въ проектѣ предполагается кончить. На прощальной-же аудіенціи, передъ отправленіемъ Суворова на итальянскій театръ войны, императоръ Францъ, попрежнему принявъ его весьма любезно и подтвердивъ ему полное свое довѣріе, тѣмъ не менѣе вручилъ ему инструкцію главнѣйшихъ основаній первоначальнаго хода войны. Въ сущности, это было то-же, что́ Суворовъ уже зачеркнулъ. А потому, избѣгая полнаго разрыва, онъ удержалъ у себя этотъ документъ лишь для того, чтобы сообразоваться съ нимъ по мѣрѣ возможности.

Путь отъ Вѣны до Вероны отличался торжественными, сочувственными встрѣчами. Въѣздъ-же въ Верону, вечеромъ 3-го апрѣля, былъ положительно *тріумфальный*. Это свидѣтельствовало о высокомъ довѣріи къ нему населенія. И онъ немедленно-же оправдалъ его.

Французы, отступая передъ союзною арміею, удерживали въ своихъ рукахъ тыльныя крѣпости. Первою изъ нихъ былъ значительный городъ Брешіа съ цитаделью. Когда союзныя войска подступили къ городу, населеніе его, сильно раздраженное поборами и насиліями французовъ, само открыло союзникамъ городскія ворота и спустило мосты, устремившись затѣмъ грабить дома французскихъ сторонниковъ и рубить посаженныя французами «*деревья вольно-*

сти». Французскій генералъ Бузэ заперся въ цитадели и производилъ горячую канонаду. Но, видя серьезныя и дѣятельныя подготовленія къ штурму, безусловно сдался. Вслѣдъ за Брешіей и по ея примѣру, одинъ за другимъ переходили въ руки союзниковъ итальянскіе города. Французы же, засѣдавшіе въ цитаделяхъ, въ концѣ концовъ, тоже всегда сдавались, съ разнаго рода упорствомъ и разною степенью потерь съ ихъ стороны, глядя по обстоятельствамъ.

Но, помимо городовъ и засѣдавшихъ въ нихъ французскихъ войскъ, были еще цѣлыя арміи французовъ. За одною изъ нихъ и направились союзники послѣ Брешіи. Во главѣ этой арміи былъ поставленъ генералъ Моро, считавшійся, по военному дарованію, первымъ послѣ Бонапарта. Суворовъ обрадовался этой перемѣнѣ, говоря, что придется имѣть дѣло не съ «шарлатаномъ», а съ «истиннымъ военнымъ человѣкомъ». Произошелъ страшный бой при рѣкѣ Аддѣ. Это было первое сраженіе двухъ многочисленныхъ армій (около 30.000 человѣкъ въ каждой), изъ которыхъ обѣ предводительствовались геніальными полководцами. Это было не просто сраженіе, а именно *смертельный бой* двухъ «*направленій*», изъ которыхъ каждое имѣло право на существованіе. 12 часовъ продолжался этотъ отчаянный бой 16-го апрѣля, и союзная армія перешла черезъ Адду. «Тако и другія рѣки въ свѣтѣ всѣ переходимы», — писалъ по этому поводу Суворовъ. Извѣстіе объ этой блестящей побѣдѣ было встрѣчено съ восторгомъ въ обѣихъ столицахъ, причемъ императоръ Францъ благодарилъ Суворова рескриптомъ, а императоръ Павелъ—двумя рескриптами.

Французы съ необыкновенною поспѣшностью отступали черезъ Миланъ; а передъ ними гигантскою лавиною неслись вѣсти о погромѣ, разливаясь во всѣ стороны и вызывая въ населеніи изумленіе и благодарность Суворову, передъ которымъ преклонялись теперь буквально всѣ итальянцы, не исключая даже и недавнихъ приверженцевъ французовъ, потому что онъ побѣдилъ «*непобѣдимыхъ*». Едва французы успѣли убѣжать изъ Милана, какъ къ нему подступило нѣсколько сотъ казаковъ, которые, выломавъ ворота, ворвались въ городъ и очистили его отъ французовъ, не успѣвшихъ убѣжать или спрятаться въ цитадели. На утро-же въ Миланъ вступили союзныя войска, съ Суворовымъ во главѣ. Онъ былъ встрѣченъ за городомъ духовенствомъ съ хоругвями, при громадномъ стеченіи народа. При входѣ въ соборъ, его встрѣтилъ архіепископъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукѣ и призвалъ на него благословеніе Божіе. Суворовъ отвѣтилъ по-итальянски, прося молитвъ. При выходѣ же изъ собора, Суво-

ровъ сдѣлался предметомъ самой оживленной овацiи. Ему бросали подъ ноги вѣнки и вѣтви, становились передъ нимъ на колѣни, ловили его руки или полы платья. Суворовъ былъ растроганъ, даже прослезился. Но и въ эту торжественную минуту онъ все-таки не забывалъ, что *«теперь вѣдь пора рабочая»*.

У него окончательно уже созрѣлъ планъ всей послѣдующей кампанiи, включительно до вступленiя въ Парижъ союзныхъ войскъ. Планъ свой онъ отправилъ въ Вѣну 20-го апрѣля и вслѣдъ за тѣмъ, того-же числа, двинулъ свои войска къ рѣкѣ По, за свой личный страхъ и рискъ. 26-го апрѣля въ армiю Суворова прибылъ великiй князь Константинъ Павловичъ, посланный государемъ—«начать свое боевое поприще въ школѣ Суворова». Не останавливаясь на описанiи двухъ битвъ (при Басиньянѣ и Маренго, 1-го и 5-го мая), нельзя не отмѣтить изумительно-быстраго перехода въ руки союзниковъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе укрѣпленныхъ городовъ. Какъ было уже сказано выше, города переходили къ союзникамъ главнымъ образомъ при участiи ихъ жителей, которые обыкновенно чрезвычайно радушно встрѣчали Суворова. При вступленiи, напримѣръ, его въ Туринъ, 15-го мая, ему былъ оказанъ населенiемъ даже болѣе шумный прiемъ, чѣмъ въ Миланѣ.

Итакъ, въ полтора мѣсяца вся сѣверная Италiя была очищена отъ непрiятеля, въ рукахъ котораго остались тамъ только крѣпости Мантуа и Кони. По поводу этого успѣха, Государь писалъ Суворову въ началѣ iюня:

«Въ первый разъ увѣдомили вы насъ объ одной побѣдѣ, въ другой о трехъ, а теперь прислали реестръ взятымъ городамъ и крѣпостямъ. Побѣда предшествуетъ вамъ всемѣстно, и слава сооружаетъ изъ самой Италiи памятникъ вѣчный подвигамъ вашимъ. Освободите ее отъ ига неистовыхъ разорителей, а у меня за сiе воздаяніе для васъ готово. Простите, Богъ съ вами».

Тѣмъ не менѣе, положенiе Суворова было въ высшей степени затруднительно и опасно. Естественный ходъ военныхъ операцiй поставилъ его между двумя многочисленными непрiятельскими армiями: съ сѣвера—Моро, съ юга—Макдональда. Каждая изъ этихъ армiй въ отдѣльности была многочисленнѣе суворовской. Значитъ, грозила большая опасность быть раздавленнымъ и уничтоженнымъ,—и онъ избѣжалъ этого бѣдствiя, только благодаря своему военному генiю. Макдональдъ совершенно неожиданно спустился съ Апеннинъ 31-го мая именно затѣмъ, чтобы вмѣстѣ съ Моро покончить съ Суворовымъ. Имѣя вѣрныя свѣдѣнiя, что Суворовъ находится довольно далеко, Макдональдъ 6-го iюня набросился у С.-Джiовани на довольно значительный отрядъ союзниковъ, увѣренный въ полномъ

его уничтоженіи. Но онъ не зналъ, какъ быстръ и стремителенъ Суворовъ въ случаѣ опасности. И въ тотъ именно моментъ, когда надъ головами геройски отбивавшагося отряда союзниковъ собирался *послѣдній ударъ*, повидимому окончательно уже неотстранимый, на мѣсто боя вихремъ прилетѣлъ Суворовъ съ 4 полками казаковъ. Окинувъ поле сраженія орлинымъ взоромъ, онъ мигомъ далъ дѣлу благопріятный оборотъ, правильно разсчитывая на новыя и новыя поддержки подходившими войсками, но не выжидая ихъ, всегда руководствуясь въ подобныхъ случаяхъ, что *«голова не ждетъ хвоста»*. Тѣмъ не менѣе неравномѣрность силъ была поразительна. Суворовъ же въ это время отдалъ приказъ «атаковать всѣмъ одновременно, не теряя времени». Самый храбрѣйшій и наиболѣе любимый генералъ, князь Багратіонъ, подошелъ къ Суворову и вполголоса просилъ позволенія отсрочить атаку, пока еще подойдутъ войска, такъ какъ въ ротахъ не насчитывается пока и по 40 человѣкъ. «А у Макдональда нѣтъ и по 20», — на ухо отвѣтилъ ему Суворовъ, желая этимъ сказать, что онъ не придаетъ рѣшающаго значенія численному перевѣсу непріятеля. — «Атакуй съ Богомъ!» — твердо и рѣшительно заключилъ онъ. Вся линія ударила необычайно мужественно и дружно, съ музыкою и барабаннымъ боемъ, а русскіе—еще и съ пѣснями. Самъ же Суворовъ безпрерывно носился передъ фронтомъ, повторяя: «Впередъ! Впередъ! Коли!»...

Со всѣми успѣвшими подойти подкрѣпленіями силы союзниковъ, въ концѣ боя, не превышали 15.000 человѣкъ, т. е. были менѣе силъ непріятеля по крайней мѣрѣ тысячи на четыре. Тѣмъ не менѣе къ исходу 9-го часа вечера французы, съ большими потерями, вынуждены были отступить. Пораженный неожиданнымъ появленіемъ Суворова и совсѣмъ непредвидѣннымъ исходомъ боя, Макдональдъ однако не считалъ еще дѣла проиграннымъ. Отступивъ къ рѣкѣ Требіи, онъ отсрочилъ нападеніе на союзниковъ до 8-го мая, выжидая поддержки со стороны Моро. Но это совсѣмъ не отвѣчало намѣреніямъ Суворова, рѣшившагося непремѣнно продолжать наступленіе слѣдующимъ же утромъ, къ чему онъ дѣятельно готовился всю ночь. Къ утру 7-го іюня у него было подъ ружьемъ 22.000 человѣкъ. У французовъ же въ этотъ день, съ прибывшими къ нимъ подкрѣпленіями, было около 35.000 человѣкъ. Бой, начавшійся съ 10 час. утра, безпрерывно продолжался, пока совсѣмъ не стемнѣло, окончился отступленіемъ французской арміи на другой берегъ Требіи. Войска Суворова остались на тѣхъ же позиціяхъ, которыя занимали, такъ какъ онъ рѣшилъ наступать въ прежнемъ направленіи. На этотъ разъ и Макдональдъ тоже держался насту-

пленія, такъ какъ онъ сознавалъ превосходство своихъ силъ, получивъ наканунѣ подкрѣпленіе. Онъ былъ такъ самоувѣренъ, что назначилъ даже въ диспозиціи общее наступленіе, съ обходомъ обоихъ фланговъ союзной арміи. У Суворова-же, еще въ первомъ его приказѣ, до встрѣчи съ Макдональдомъ, первыми словами стояли: «*непріятельскую армію взять въ полонъ*». Но положеніе Суворова было въ высшей степени затруднительно: во все время трехъ-дневнаго боя онъ не могъ всецѣло и безусловно предаться одному этому дѣлу, такъ какъ безпрерывно долженъ былъ быть на чеку и въ отношеніи Моро, который ежеминутно могъ напасть на него. Въ виду этого, Суворовъ еще ночью наканунѣ второго дня сраженія, подъ разными благовидными предлогами, обезпечилъ себѣ, на случай особенной крайности, отступленіе. Вообще говоря, третій день боя требовалъ отъ войскъ Суворова самой отчаянной храбрости и напряженія силъ арміи до крайней степени, при условіи притомъ большого искусства и особенной находчивости во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. И тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ новый бой къ 6 часамъ, закончился полнымъ и поспѣшнымъ отступленіемъ французовъ, причемъ нѣкоторыя части даже прямо-таки бѣжали съ поля сраженія. Армія Макдональда была такъ сильно разбита во всѣхъ ея частяхъ, что, воспользовавшись ночною порою, бѣжала, чтобы спастись отъ окончательнаго истребленія ея.

Награды за Требію были очень щедры... Суворовъ получилъ портретъ Государя, оправленный въ бриллианты, при рескриптѣ. Австрійцы были въ восторгѣ отъ побѣды при Требіи, такъ какъ за нѣсколько дней передъ этимъ Макдональдъ на голову разбилъ большой отрядъ Гогенцоллерна. Но этотъ восторгъ ничѣмъ не проявился въ отношеніи Суворова, къ которому австрійскій дворъ, вмѣсто признательности, питалъ неудовольствіе. Между тѣмъ отнюдь не Суворовъ, а именно австрійское правительство вызывало своимъ корыстолюбіемъ и недобросовѣстностью величайшее негодованіе.

У послѣдняго была только узко-корыстная цѣль, чтобы урвать какую-либо часть Италіи на свою долю. Вотъ почему и планъ, предложенный Суворову четырьмя членами гофкригсрата, и инструкція, врученная на прощальной аудіенціи императоромъ Францомъ, въ сущности сводились къ тому, чтобы ограничить военныя дѣйствія Аддою. Но такъ какъ Суворовъ, считая такое распоряженіе нелѣпостью, съ первыхъ же дней сдѣлалъ *несравненно больше*, то, одновременно съ тѣмъ, какъ онъ сообщалъ вѣнскому кабинету свой военный планъ относительно всего Итальянскаго полуострова

и послѣдующихъ дѣйствій, вѣнская тугутовская камарилья, въ свою очередь, послала ему дерзкое подтвержденіе «*ограничивать главныя дѣйствія лѣвымъ берегомъ По*». Но прежде, чѣмъ получить это «подтвержденіе», Суворовъ перешелъ По и сдѣлалъ это, какъ мы знаемъ уже, подъ вліяніемъ неотвратимыхъ, безотложныхъ обстоятельствъ и условій на театрѣ войны. Тугутъ же и К° не унимались, натравили на Суворова императора Франца съ требованіемъ, чтобы Суворовъ *не предпринималъ ничего, не испросивъ предварительно* разрѣшенія вѣнскаго кабинета, т. е. иначе—все того же Тугута. Конечно Суворовъ не исполнилъ, не могъ и не долженъ былъ исполнять этого возмутительнаго требованія, послѣ предоставленной ему «полной самостоятельности» на театрѣ войны. Еслибы, напримѣръ, Суворовъ послушался тупоголовой вѣнской камарильи, — онъ несомнѣнно былъ бы положительно уничтоженъ подъ Требіей со всѣмъ союзнымъ войскомъ. Но тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ злобствовали на Суворова за его непокорность нелѣпымъ и вреднымъ внушеніямъ, и такъ грубо и недостойно вели себя въ отношеніи этого геніальнаго полководца, что даже не поблагодарили его за побѣды при Требіи, столь важныя для австрійцевъ.

Вскорѣ послѣ побѣды при Требіи, убѣдившись въ *полной безвредности* арміи Моро, не съумѣвшей подоспѣть во время, а затѣмъ *трусливо* втянувшейся въ горы и *прятавшейся* тамъ, Суворовъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленной осадѣ Мантуи, которая сдалась 19-го іюля. Ни одна побѣда Суворова не встрѣчалась въ Австріи съ такою горячею радостью, какъ взятіе Мантуи, съ которою вѣнская камарилья приставала къ Суворову во все время, чуть не съ начала кампаніи. Тѣмъ не менѣе Тугутъ и К°, недовольные Суворовымъ за неисполненіе ихъ идіотскихъ распоряженій, такъ ловко обошли императора, что Суворовъ даже и на этотъ разъ *остался безъ всякой награды* со стороны Австріи, даже *безъ всякаго выраженія благодарности!!*... За то императоръ Павелъ возвелъ Суворова въ *княжеское достоинство*, съ титуломъ *Италійскаго*, въ «воздаяніе за славные подвиги». Притомъ Павелъ выразилъ Суворову удивленіе, что «Римскій (австрійскій) императоръ трудно признаетъ услуги (Суворова) и воздаетъ за спасеніе своихъ земель учителю и предводителю его войскъ».

Это замѣчаніе ободрило Суворова и поддержало давнее его намѣреніе—продолжать *наступленіе* по своему плану, за свой личный страхъ и рискъ. Мнѣніе Павла важно было для Суворова, такъ какъ, чѣмъ болѣе разростались его побѣды, тѣмъ недостойнѣе и возмутительнѣе становилось отношеніе къ нему вѣнскаго двора.

Черная неблагодарность австрійцевъ распространялась не на одного только Суворова, но и на всѣ русскія войска, самоотверженно сражавшіяся за австрійскіе интересы и такъ горько *бѣдствовавшія* во все время кампаніи, вслѣдствіе гнуснѣйшей *недобросовѣстности* австрійскаго интендантства. Дѣло дошло даже до того, что высочайшія повелѣнія изъ Вѣны посылались австрійскимъ войскамъ непосредственно, помимо Суворова, безъ его вѣдома. Подъ вліяніемъ столь прискорбныхъ и возмутительныхъ обстоятельствъ, Суворовъ, наконецъ, рѣшилъ бросить такъ блистательно веденное имъ дѣло и отправиться домой. 25 іюня онъ отправилъ въ Петербургъ прошеніе, въ которомъ просилъ Павла объ отозваніи его въ Россію.

Эта просьба объяснила, наконецъ, императору Павлу истинныя причины тѣхъ неудовольствій, о которыхъ такъ много ходило слуховъ. Онъ категорически просилъ Франца II принять мѣры, чтобы гофкригсратъ не давалъ самостоятельно предписаній главнокомандующему, такъ какъ это неизбѣжно должно повести къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Въ рескриптѣ же Суворову отъ 31-го іюля Государь безусловно предоставилъ дальнѣйшія военныя операціи «*искусству и уму* Суворова», т. е. далъ ему *полную самостоятельность*. Гофкригсратъ-же такъ *распустился*, что совершенно произвольно, ни съ чѣмъ несправляясь, порѣшилъ *считать военныя дѣйствія на полуостровѣ законченными*. Суворовъ былъ особенно возмущенъ самоуправствомъ и ошибочностью этихъ распоряженій, такъ какъ ему достовѣрно было извѣстно о новой грозѣ—о наступленіи непріятеля...

Онъ обратился ко всѣмъ австрійскимъ генераламъ не только съ приказаніемъ, но и съ просьбою—«спѣшить всѣми распоряженіями, не останавливаясь никакими жертвами», и далъ имъ на это десять дней сроку. Главнымъ-же мѣстопребываніемъ Суворова, послѣ войны при Требіи, была Александрія, куда и созывались всѣ военачальники. Тревога была какъ нельзя болѣе умѣстна. Французская директорія изъ побѣдъ Суворова уразумѣла, что этому полководцу «*несомнѣнно открытъ путь*» въ Парижъ. Въ виду этого, итальянской арміи дали новаго главнокомандующаго, генерала Жубера, человѣка глубоко-просвѣщеннаго, обладавшаго громаднымъ военнымъ дарованіемъ и замѣчательнымъ мужествомъ. Ему не было еще 30 лѣтъ, но онъ около трехъ лѣтъ уже состоялъ главнокомандующимъ и пользовался большою любовью и популярностью въ войскахъ. Директорія же *предписала* ему «*безотлагательное наступленіе*».

Какъ только Суворову стало извѣстно о передвиженіяхъ фран-

цузскихъ передовыхъ постовъ въ Аппенинахъ, онъ понялъ, что готовится наступленіе. Съ своей стороны, Суворовъ рѣшилъ начать наступленіе 4-го августа, но его предупредили французы. На разсвѣтѣ, 3-го августа, одно крыло французской арміи подошло къ Нови. Стоявшій тамъ отрядъ Багратіона отступилъ съ легкою перестрѣлкою, какъ было ему приказано ранѣе. Точно такъ же не было оказано препятствій и другому крылу, а потому французы безпрепятственно соединились на позиціи.

Жуберъ пріѣхалъ въ армію еще 24-го іюля. Моро, передавъ ему войска, тѣмъ не менѣе остался при арміи, предложивъ своему преемнику содѣйствіе на первыхъ порахъ,—что и было принято имъ съ благодарностью. Появленіе Жубера сильно подняло духъ французскихъ войскъ. Въ виду этого онъ намѣревался немедленно броситься на союзныя войска. Но его предупредили, что подъ Александріею—весьма многочисленная армія (около 65.000 человѣкъ). У Жубера же было всего 35.000 человѣкъ; но чрезвычайно выгодная позиція на возвышенностяхъ уступами въ нѣсколько разъ увеличивали силу его арміи. Тѣмъ не менѣе, когда онъ, безпрепятственно занявъ эту позицію, выѣхалъ 3-го августа на высоты у Нови и окинулъ взоромъ армію союзниковъ,—онъ сразу догадался, что тутъ—*вся армія*, что съ осадою почти всѣхъ крѣпостей дѣло кончено. Имъ овладѣло безпокойство, съ примѣсью отчаянія. Онъ созвалъ военный совѣтъ, который высказался за отступленіе, въ ожиданіи содѣйствія альпійской арміи. Но, въ виду многочисленности союзной арміи, и отступленіе было крайне опасно. Жуберъ обѣщалъ черезъ два часа прислать диспозицію къ отступленію. Но время шло,—и онъ ни на что не рѣшился. Ему все казалось, что отступить долженъ именно Суворовъ...

Но все боевое поприще Суворова прошло въ пораженіи непріятелей, занимавшихъ всегда наиболѣе выгодныя позиціи. Суворовъ съ самаго утра 3-го августа былъ на конѣ и разъѣзжалъ по войскамъ, неожиданно появляясь то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, внушая войскамъ, что французовъ надо выманить съ горъ въ чистое поле и побить; а если они не пойдутъ, — идти къ нимъ и побить ихъ въ горахъ. Ожидая начала боя съ минуты на минуту, онъ лично самъ произвелъ рекогносцировку непріятельской позиціи. Онъ, въ сопровожденіи лишь одного казака, выѣхалъ къ своей передовой цѣпи, находившейся на близкомъ ружейномъ выстрѣлѣ отъ непріятельской, и поѣхалъ вдоль ея. Французскіе генералы, смотрѣвшіе въ подзорныя трубы, узнали Суворова по его одеждѣ, состоявшей изъ рубашки и полотнянаго исподняго бѣлья. Непріятель-

ская цѣпь открыла сильный огонь. Позади ея стала собираться кавалерія... Суворовъ спокойно повернулъ назадъ и возвратился въ наилучшемъ расположеніи духа, съ *полною увѣренностью* въ побѣдѣ.

Безполезно прождавъ нападенія весь день, Суворовъ назначилъ атаку на слѣдующее же утро (4-го августа), чтобы не дать непріятелю возможности ни уйти, ни укрѣпиться на позиціи. Созванный имъ военный совѣтъ хотя считалъ атаку въ *высшей степени рискованною и опасною*, но, именно въ виду *опытности и дарованій* своего главнокомандующаго, призналъ ее возможною. 4-го августа, еще до разсвѣта, началась атака праваго непріятельскаго крыла. Раздавшаяся перестрѣлка сразу уничтожила всѣ надежды Жубера. Онъ поскакалъ въ цѣпь застрѣльщиковъ, и былъ убитъ пулею на повалъ. Командованіе арміею принялъ на себя Моро.

Бой велся съ ожесточеннѣйшимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ. По нѣсколько разъ возобновлялись атаки, но, послѣ временнаго успѣха, обыкновенно отбивались, кромѣ одного непріятельскаго крыла, гдѣ была одержана уже полная побѣда. Страшный зной истомилъ войска, такъ что нѣкоторые падали отъ разслабленія и жажды; даже легко-раненые умирали отъ изнуренія. Въ первомъ часу Суворовъ прекратилъ бой, чтобы дать войскамъ отдыхъ. Послѣ двухчасового отдыха и подкрѣпленія силъ, въ 3 часа дня вновь завязался бой съ еще большимъ ожесточеніемъ и напряженіемъ силъ съ обѣихъ сторонъ, причемъ вся французская артиллерія, помѣщенная на высотахъ, открыла адскій огонь. Но теперь Суворовъ получилъ подкрѣпленіе въ 8.000 человѣкъ, благодаря чему союзныя войска, послѣ упорнѣйшаго и кровопролитнаго боя, тоже взобрались, наконецъ, на высоты и даже зашли въ тылъ непріятелю. Въ 6-мъ часу вечера началось отступленіе французовъ, вскорѣ обратившееся въ бѣгство по всѣмъ направленіямъ. Ихъ гнали, рубили, забирали въ плѣнъ цѣлыми группами. Только наступившая ночь положила конецъ этому. Войска, истомленныя болѣе чѣмъ полусуточнымъ безпрерывнымъ и упорнымъ боемъ, заночевали на самомъ полѣ сраженія.

Государь почтилъ Суворова рескриптомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о томъ, что онъ, какъ главнокомандующій, «поставилъ себя *выше награжденій*». Но государь все-таки нашелъ награду, притомъ самую лестную для фельдмаршала. Высочайше повелѣно, чтобы всѣ войска, даже въ присутствіи государя, отдавали Суворову воинскія почести, слѣдующія по уставу только особѣ императора.

XI.

Безпримѣрная слава, опала и смерть

(1799—1800).

Всеобщее прославленіе Суворова.— Вѣроломство и предательство Австріи.— Швейцарская экспедиція, какъ сплошной побѣдный путь. — Побѣда надъ французами и надъ коварствомъ австрійцевъ. — Возвращеніе въ Россію. — Опала.—Смерть.

Побѣда при Нови изумила всю Европу, придала имени Суворова еще большій блескъ, сдѣлала его всесвѣтною знаменитостью, предметомъ всеобщаго изумленія и даже благоговѣнія всей анти-революціонной Европы. Сардинскій король Карлъ-Эммануилъ, напримѣръ, сдѣлалъ Суворова «великимъ маршаломъ пьемонтскихъ войскъ и грандомъ королевства, съ потомственнымъ титуломъ принца и кузена короля». Туринъ поднесъ Суворову золотую шпагу, осыпанную драгоцѣнными камнями, съ благодарственною надписью. Асти, гдѣ поселился Суворовъ и провелъ три недѣли послѣ окончательнаго разгрома французовъ при Нови, сдѣлалось въ нѣкоторомъ родѣ мѣстомъ паломничества. Туда являлись не только путешественники, но и люди, нарочно прибывшіе, чтобы взглянуть на *непобѣдимаго полководца*, побесѣдовать съ нимъ, пожать ему руку. По поводу отличій, пожалованныхъ Карломъ-Эммануиломъ, Павелъ писалъ:

„Черезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство, бывъ однажды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею".

Помимо Италіи и Россіи, въ Англіи тоже Суворовъ былъ первою знаменитостью эпохи, любимымъ героемъ. Кромѣ ежедневно появлявшихся газетныхъ статей о немъ, выходило очень много особыхъ брошюръ серьезнаго и юмористическаго характера, жизнеописаній, каррикатуръ и проч. Выдумываніе особыхъ «суворовскихъ» пироговъ, прическъ, шляпъ и проч. доказываетъ, что имя Суворова въ Англіи было предметомъ выгодной моды и спекуляціи. Въ честь его въ театрахъ пѣли стихи, за обѣдомъ ежедневно провозглашали тосты во дворцахъ, ресторанахъ и хижинахъ. Его изображенія получили повсемѣстное распространеніе въ Европѣ.

Но чрезвычайно рѣзкое исключеніе представляетъ въ этомъ отношеніи Австрія. Она больше всѣхъ была обязана Суворову—и игнорировала его заслуги. Даже и для *кричащей* побѣды при Нови не было исключенія. Вѣнскій кабинетъ не только отнесся къ ней съ своею обычною напускною холодностью, но сдѣлалъ даже и возмутительную дерзость, послав Суворову «повелѣніе», въ которомъ

доказывалась «*безцѣльность*» побѣды при Нови. Это сдѣлано съ цѣлью *оскорбить* Суворова, чтобы скорѣе *избавиться* отъ него, такъ какъ его присутствіе мѣшало захвату чужихъ земель. Въ этихъ видахъ Австрія «*подстроила*» соглашеніе союзниковъ, чтобы въ Италіи оставались только австрійскія войска, русскія же перешли бы въ Швейцарію. Усиливаясь какъ можно скорѣе запрятать русскую армію въ Швейцарію, австрійцы вмѣстѣ съ тѣмъ обставили ее такою *системою* вѣроломства и предательства, которая обрекла армію на самыя ужасныя бѣдствія во все время пребыванія ея въ Швейцаріи.

Согласно, напримѣръ, новому распредѣленію союзныхъ войскъ, въ Швейцарію, ранѣе прибытія туда войскъ Суворова, долженъ былъ вступить корпусъ Римскаго-Корсакова (около 30.000 человѣкъ). Находившіяся же въ Швейцаріи австрійскія войска, подъ начальствомъ эрцъ-герцога Карла, обязаны были вовсе очистить Швейцарію отъ французовъ и ни въ какомъ случаѣ не уходить изъ страны до полнаго сбора русскихъ войскъ, назначенныхъ въ Швейцарію. Но австрійцы провели въ Швейцаріи все время въ бездѣйствіи. Едва же успѣлъ вступить корпусъ Корсакова, какъ вѣнскій кабинетъ предписалъ эрцъ-герцогу немедленно вывести свои войска изъ Швейцаріи, оставивъ такимъ образомъ русскій корпусъ въ безпомощномъ положеніи передъ непріятельскою арміею около 80.000 человѣкъ. По этому поводу отъ Павла I послѣдовалъ рескриптъ, въ которомъ Суворову давалось полномочіе *на всѣ могущіе произойти случаи* и признавалось нужнымъ, «*по овладѣніи всѣми крѣпостями въ Италіи*, соединить всѣ русскія войска въ Швейцаріи и дѣйствовать оттуда—*куда и какъ заблагоразсудитъ*».

Другимъ же рескриптомъ Павелъ сообщилъ въ Вѣну, что онъ вынужденъ отдѣлить свои войска отъ австрійскихъ и предоставить имъ независимое дѣйствіе въ Швейцаріи подъ начальствомъ Суворова. Въ концѣ же рескрипта добавлено:

«Весьма желаю, чтобы императоръ римскій одинъ торжествовалъ надъ своими врагами, или чтобы онъ снова убѣдился въ той истинѣ, столь простой и семилѣтнимъ опытомъ доказанной, что, для низложенія врага, бывшаго уже разъ у самыхъ воротъ Вѣны, необходимы между союзниками единодушіе, правдивость и въ особенности искренность».

Замѣчательно, что не прошло и года послѣ этого, какъ австрійцы были окончательно *разгромлены* французами и сразу *потеряли* всѣ завоеванія, пріобрѣтенныя для нихъ Суворовымъ...

Войска Суворова получили возможность отправиться 31-го августа въ Швейцарію, къ С.-Готарду. Они шли налегкѣ; всѣ же ихъ тяжести были отправлены кружнымъ путемъ къ опредѣленнымъ

пунктамъ. Но, совершенно неожиданно, явилось весьма серьезное затрудненіе по винѣ австрійцевъ. Готовясь къ выступленію изъ Италіи, Суворовъ просилъ австрійское интендантство снабдить русскія войска мулами для горнаго прохода, такъ какъ ихъ было изобиліе у австрійцевъ. Давъ муловъ только подъ горную артиллерію, интендантское вѣдомство увѣрило, что имъ сдѣланы уже должныя распоряженія, и мулы будутъ ожидать русскихъ въ Белинцонѣ. Назначивъ атаку С.-Готарда на 8-го сентября, Суворовъ намѣревался быть на мѣстѣ 6-го сентября. Но, прибывъ форсированнымъ маршемъ въ Таверну 4-го сентября, онъ былъ до крайности оскорбленъ и пораженъ извѣстіемъ, что, вмѣсто ожидавшихся 1.430 муловъ, *ни одного!*... Наконецъ, пришло нѣсколько сотъ муловъ, но и тѣ были законтрактованы *только до Белинцоны*, такъ что ихъ пришлось переконтрактовать на весь походъ, т. е. платить столько, сколько пожелаютъ погоньщики. Потомъ еще прибавилось нѣсколько сотъ муловъ. Въ путь можно было тронуться только утромъ 10-го сентября, т. е. на два дня позже срока, назначеннаго для атаки С.-Готарда. Потеря же каждаго часа болѣзненно отзывалась въ душѣ Суворова, мучительно трепетавшаго за судьбу войскъ, попавшихъ по недоразумѣнію въ Швейцарію раньше времени. Между тѣмъ и весь послѣдующій его путь представлялъ собою сплошное препятствіе самой крайней степени, притомъ опять-таки всецѣло по винѣ австрійцевъ.

Мы говоримъ о планѣ швейцарской кампаніи, необычайно сложномъ и какъ бы намѣренно разсчитанномъ буквально на *непроходимыя препятствія*. Удовлетворительнымъ считается, напримѣръ, путь по Швейцаріи черезъ Сплюгенъ, Куръ и Саргансъ, который и выбралъ Суворовъ. Но австрійцы навязали ему планъ движенія черезъ С.-Готардъ, въ долину Рейсы. Суворовъ считалъ себя даже не вправѣ оспаривать планъ, предложенный ему австрійцами, имѣвшими давнія сношенія съ Швейцаріею и долженствовавшими хорошо знать эту страну. Въ виду этого, самая разработка плана была поручена офицерамъ австрійскаго генеральнаго штаба, т. е. лицамъ, у которыхъ должна быть даже и спеціальная подготовка въ отношеніи Швейцаріи. Наконецъ, выработанный такимъ образомъ планъ похода былъ на заключеніи у троихъ австрійскихъ военачальниковъ (Штрауха, Готце и Линкена), находившихся на швейцарской территоріи. На повѣрку же, планъ этотъ оказался *дикимъ, невообразимымъ вздоромъ и вымысломъ* самаго низко-пробнаго свойства, отмѣченнымъ печатью *вѣроломства* и *предательства*, какъ это и увидимъ ниже.

Главныя силы Суворова (корпусы Багратіона и Дерфельдена) тронулись 10 сентября изъ Таверны къ Белинцонѣ; Розенбергъ же изъ Белинцоны двинулся по р. Тичино. Погода была ужасная; шелъ проливной дождь, при сильнѣйшемъ вѣтрѣ. Люди выбивались изъ силъ, срывались и разбивались въ пропастяхъ. Тѣмъ не менѣе въ трое сутокъ пройдено 75 верстъ, и отсталыхъ было весьма не много. Духъ войскъ былъ наилучшій. Суворовъ неотлучно былъ между солдатами, въ первыхъ ихъ рядахъ, представляя собою примѣръ *перваго солдата* арміи. Начиная съ Таверны и до конца похода, при немъ неотступно находился 65-ти-лѣтній старикъ, Антоніо Гамма, хозяинъ гостинницы, гдѣ квартировалъ Суворовъ. При первомъ же знакомствѣ съ непобѣдимымъ полководцемъ, Гамма почувствовалъ къ фельдмаршалу такое влеченіе, что, бросивъ все рѣшительно, не смотря ни на какіе отговоры семьи, отправился сопутствовать ему, служилъ иногда проводникомъ и вообще принесъ войску не мало пользы.

Грозно смотрѣлъ С.-Готардъ на русскія войска, охраняемый 9.000 французовъ, силы которыхъ увеличивались въ нѣсколько разъ, вслѣдствіе чрезвычайно выгодныхъ условій защиты и крайней затруднительности атаки, особенно же для войскъ, совсѣмъ неприспособленныхъ къ горной войнѣ. Войскамъ не рѣдко приходилось карабкаться чуть не по отвѣснымъ скаламъ, на глазъ, безъ признаковъ тропинки; а французы на выборъ били ихъ въ это время изъ-за камней и скалъ. Двѣ атаки были отбиты; во время же третьей атаки, на снѣжныхъ вершинахъ, противъ непріятельской позиціи, показались русскіе солдаты. Это такъ поразило французовъ, что они моментально оставили С.-Готардъ и были замѣнены русскими.

Скоро наступила ночь и закутала туманомъ русскихъ и французовъ. Тогда русскимъ велѣно было спуститься внизъ безъ всякаго шума. А такъ какъ спускъ былъ очень крутъ, то большинство скатывалось сидя. Такимъ образомъ у подошвы горы были выстроены войска, которыя затѣмъ, давъ ружейный залпъ, бросились въ штыки, съ крикомъ «ура», на невидимаго врага. Прежде чѣмъ французы успѣли опомниться, они были смяты, опрокинуты и обратились въ бѣгство. Генералъ Лекурбъ, командовавшій С.-Готардскимъ отрядомъ, воспользовавшись ночною темнотою, побросавъ всѣ орудія въ Рейсу, перебрался черезъ дикій горный хребетъ Бетибергъ (7.800 футовъ), и утромъ расположился на пути Суворова у деревни Гешененъ. Дѣйствительно, Суворовъ на слѣдующій же день боя, въ 6 часовъ утра, отправился въ томъ же направленіи, внизъ по Рейсѣ. Въ разстояніи

около версты дорога по правому берегу врѣзывается въ утесъ, отвѣсно спускающійся къ рѣкѣ, такъ что для сообщенія въ скалѣ пробитъ туннель Урнеръ-Лохъ, въ 80 аршинъ длины и 4 арш. ширины. За нимъ, ниже по теченію, дорога лѣпится по отвѣсной стѣнѣ, словно карнизъ, и круто спускается къ *Чортову мосту*, надъ пропастью, на высотѣ 75 футовъ отъ воды, около 30 аршинъ длиною. Путь черезъ мостъ и Урнеръ-Лохъ, при самой даже слабой защитѣ, легко сдѣлать непроходимымъ. Но, въ виду этого, были предприняты слѣдующія смѣлыя и остроумныя мѣры. Въ помощь къ атакѣ съ фронта произведены два обходныя движенія: *одно* (въ 300 человѣкъ) — вправо, въ горы, надъ Урнеръ-Лохомъ, въ цѣлину, даже безъ слѣдовъ тропинки; *другое* (въ 200 человѣкъ) — черезъ каменистое ложе Рейсы, со спускомъ и подъемомъ по скалистымъ, почти отвѣснымъ берегамъ, въ бродъ по ледяной водѣ до колѣна или по поясъ, при необычайной быстринѣ паденія. Добравшись до лѣваго берега, люди стали карабкаться по крутизнамъ, на видъ совершенно неприступнымъ. На подмогу имъ былъ посланъ цѣлый батальонъ. Но въ это время закончился уже и обходъ черезъ Урнеръ-Лохъ. Французы, изумленные этимъ, отступили съ такою поспѣшностью, что не успѣли даже разрушить моста, а повредили лишь одну изъ его арокъ. Поврежденіе немедленно было исправлено, при помощи досокъ и бревенъ ближайшаго разобраннаго сарая, а равно—и офицерскихъ шарфовъ, употребленныхъ, на первыхъ порахъ, для скрѣпленія. Теперь здѣсь—памятникъ, открытый въ сентябрѣ 1898 г.

Преслѣдуя французовъ по пятамъ, русскія войска отбросили Лекурба за Альторфъ. Но здѣсь Суворова ожидалъ жестокій ударъ: ему пришлось убѣдиться во-очію въ *безусловной неосуществимости* принятаго имъ плана кампаніи, такъ какъ онъ былъ основанъ на дутыхъ данныхъ, не существующихъ въ дѣйствительности. По плану, напримѣръ, обязательный путь лежалъ изъ Альторфа на Швицъ, будто бы, по «*береговой дорогѣ*» Люцернскаго озера, которой, въ дѣйствительности, *вовсе не существовало*. Озеро же находилось въ распоряженіи французовъ. Значитъ, въ Альторфѣ, по милости австрійскихъ составителей плана кампаніи, Суворовъ, что называется, былъ *припертъ къ стѣнѣ*...

Глубоко изумленный и оскорбленный этимъ вѣроломнымъ предательствомъ, онъ тѣмъ не менѣе, безъ колебаній и сомнѣній, принялъ окончательное рѣшеніе—*подвигаться впередъ во что бы то ни стало*, придерживаясь, въ общемъ, однажды установленнаго плана, связавшаго его съ отрядами ранѣе находившихся въ Швейцаріи войскъ. Оставаясь вѣрнымъ этому плану, Суворовъ, не смотря

на всѣ затрудненія и препятствія, опоздалъ только на одинъ день. Онъ ничего не зналъ о катастрофѣ, постигшей уже въ это время отрядъ Корсакова, а потому и рѣшилъ немедленно же отправиться къ Швицу, какъ было установлено. Для этого ему пришлось избрать такой путь, которымъ *не двигалась ни одна армія* въ мірѣ ни до, ни послѣ него. Это—ничтожнѣйшая горная тропинка, не вездѣ даже замѣтная, черезъ Росштокскій хребетъ, къ деревнѣ Мутенъ.

Въ продовольствіи была крутая нужда. Что имѣли при себѣ и добывали въ пути, почти все уже съѣли. Во вьюкахъ было немного, да и тѣ отстали, а часть ихъ погибла въ пропастяхъ. Люди были измучены непривычнымъ переходомъ; обувь изорвана. Вьючный скотъ, особенно же лошади, сильно обезсилены, или даже вовсе брошены по негодности. Суворову было невыразимо тяжело за войска...

Рано утромъ 16-го сентября войска тронулись въ путь. Впереди шелъ Багратіонъ; за нимъ слѣдовали другія войска; Розенбергъ прикрывалъ съ тыла; аріергардъ же его долженъ былъ держаться у Альторфа, пока пройдутъ всѣ отставшіе вьюки. Путешествіе было невыразимо бѣдственное. Приходилось двигаться въ одиночку, по скользкому пути, взбираясь какъ-бы по ступенямъ, съ трудомъ вмѣщавшимъ подошву ноги. Опасность сорваться и убиться — на каждомъ шагу. Если не отъ дождя, то отъ тумана на высотѣ облаковъ одежда была промочена. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, пронизывающій насквозь. На привалахъ голый камень не давалъ ничего для бивачнаго огня. Обувь, неприспособленная къ горному путешествію, въ нѣсколько часовъ пришла въ негодность. Суворовъ всегда былъ на виду у солдатъ. Проѣзжая какъ-то мимо солдатъ, расположившихся на широкомъ мѣстѣ отдохнуть, промокшихъ, голодныхъ, сумрачныхъ, онъ затянулъ пѣсню: «Что съ дѣвушкой сдѣлалось, что съ красною случилось?» — и мигомъ оживилъ всѣхъ.

Разстояніе между Альторфомъ и Мутеномъ около 16 верстъ; на прохожденіе же ихъ потребовалось 12 час. Хвостъ колонны прибылъ туда на другой день къ вечеру, а вьюки тянулись еще двое сутокъ. Это — единственный по необычайной трудности путь, почему онъ и обозначается на многихъ картахъ Швейцаріи надписью: «*Путь Суворова въ 1799 году*». Не смотря на ужасныя условія перехода, потеря людьями была незначительна; въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, полкахъ вовсе не было убившихся.

Авангардъ Багратіона блистательно выполнилъ свою задачу. Незамѣтно окруживъ деревню Мутенъ, онъ захватилъ цѣликомъ весь французскій постъ (150 человѣкъ), со всѣми его пожитками.

Превосходно исполнилъ также свою трудную задачу и арьергардъ Розенберга. Дважды атакованный многочисленными французскими войсками, онъ далъ имъ такой энергическій отпоръ, что вьюки затѣмъ безпрепятственно втянулись въ горы.

Находясь въ Мутенской долинѣ и поджидая подхода всѣхъ войскъ, Суворовъ 17-го сентября собралъ необходимыя свѣдѣнія, и результатъ оказался весьма плачевнымъ. Корпусъ Корсакова и австрійскій отрядъ Готца по-очередно разбиты 14—15-го сентября и далеко отброшены. По мѣткому выраженію офицеровъ, это пораженіе нанесено вовсе не непріятелемъ, а собственными генералами, не съумѣвшими даже дѣйствовать заодно для отпора непріятелю. Готце былъ убитъ въ началѣ сраженія. Другіе австрійскіе отряды (Елачича и Линкена), у которыхъ было достаточно войска, чтобы самостоятельно посчитаться съ непріятелемъ, не примкнули ни къ Корсакову, ни къ Готце, не соединились между собою, а постыдно ретировались, не предпринявъ ровно ничего, чтобы соединиться съ Суворовымъ, даже, не предувѣдомивъ его о себѣ, чтобы онъ не разсчитывалъ ни на какую поддержку и помощь съ ихъ стороны.

Такимъ образомъ Суворовъ *былъ покинутъ всѣми, оставленъ въ одиночествѣ* противъ обширныхъ непріятельскихъ силъ, безъ продовольствія, безъ артиллеріи. Въ Мутенской долинѣ онъ очутился, какъ въ западнѣ, между двумя сильными непріятельскими арміями: въ Швицѣ — Массены, въ Гарисѣ — Молитора. Массена такъ былъ увѣренъ въ самомъ полномъ пораженіи русскихъ, что, нарочно посѣтивъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, далъ имъ категорическое обѣщаніе увеличить, черезъ нѣсколько дней, ихъ общество фельдмаршаломъ и великимъ княземъ. Въ виду такого отчаяннаго положенія, 18-го сентября Суворовъ созвалъ военный совѣтъ, передъ которымъ излилъ свою изстрадавшуюся душу. Онъ перечислилъ всѣ, извѣстныя уже читателямъ, затрудненія и бѣдствія, которыя пришлось испытать отъ Тугута и гофкригсрата, вслѣдствіе ихъ вѣроломства и предательства. Рѣчь свою Суворовъ закончилъ словами:

„Помощи ждать не откуда, надежда только на Бога да на величайшее самоотверженіе войскъ, вами предводимыхъ“.

Въ отвѣтъ на это 10 генераловъ, все люди даровитые и преданные Суворову, единогласно отвѣтили, что

„какія-бы бѣды впереди ни грозили, какія-бы несчастія ни обрушились, — войска вынесутъ все, не посрамятъ русскаго имени, а если не суждено имъ будетъ одолѣть, то по крайней мѣрѣ они лягутъ со славою“.

Такимъ образомъ нравственная связь между войсками и главно-

командующимъ была засвидѣтельствована и скрѣплена «*на жизнь и смерть*». Въ виду этого Суворовъ безъ колебаній заявилъ: «будетъ *двойная побѣда*—и надъ непріятелемъ, и надъ коварствомъ».

Вслѣдствіе исчезновенія союзниковъ, оставалось заботиться только о спасеніи русской арміи. Поэтому, вмѣсто первоначальнаго плана похода на Швицъ, предпринято движеніе на Гларисъ. Но это былъ въ высшей степени рискованный шагъ, такъ какъ и въ Швицѣ, и въ Гларисѣ находилось по сильной непріятельской арміи. Въ виду этого, войска были распредѣлены такъ: выдѣлено по сильному авангарду и арьергарду, остальная же часть войскъ—съ вьюками—занимала центральное положеніе, гдѣ находился и Суворовъ.

Авангардному отряду князя Багратіона пришлось выдержать упорнѣйшій двухдневный бой. Сначала онъ совершенно разбилъ войска Молитора и гналъ ихъ по узкой горной дорогѣ 6 верстъ, но затѣмъ тотъ получилъ подкрѣпленіе значительными свѣжими силами, и перешелъ въ наступленіе. Около *6-ти разъ* переходила изъ рукъ въ руки деревня Нефельсъ, оставшаяся, наконецъ, все-таки въ рукахъ Багратіона. Но въ планы Суворова не могло уже входить уничтоженіе непріятельской арміи,—и онъ, не давъ Багратіону подкрѣпленія, приказалъ отступить къ Нетсталю, гдѣ самъ находился съ войсками и вьюками.

Упорную, тоже двухдневную, битву выдержалъ и арьергардный отрядъ подъ начальствомъ Розенберга. Отразивъ сильный рекогносцировочный отрядъ Массены 19-го сентября, русскіе подверглись 20-го сентября новому нападенію со стороны Массены, въ размѣрѣ всѣхъ его силъ (10.000 человѣкъ противъ 7.000 русскихъ). На этотъ разъ французы въ паническомъ страхѣ бѣжали съ поля сраженія, побиваемые ихъ же собственными пушками. Пораженіе было такое сильное и полное, что французы начали кое-какъ устраиваться лишь позади Швица. При этомъ на долю русскихъ досталось не мало разнаго рода съѣстныхъ припасовъ, денегъ и вина. Побитый Массена не въ состояніи былъ даже задержать Розенберга, который, несмотря на чрезвычайно затруднительный перевалъ черезъ горный кряжъ Брагель, успѣлъ уйти раньше, чѣмъ Массена надумался погнаться за нимъ. Вообще же онъ былъ наказанъ за свое *самохвальство* въ отношеніи русскихъ, и *восторгался дарованіемъ* Суворова.

Всѣ войска были стянуты къ Гларису 23-го сентября, гдѣ каждый солдатъ получилъ понемногу пшеничныхъ сухарей и по фунту сыра. Въ общемъ же, положеніе арміи было невыразимо отчаянное. Люди были оборваны и босы, истощены походами, безпрерывными

боями и голодомъ. Патроновъ почти уже вовсе не было, какъ и артиллеріи. Вьючнаго обоза не осталось и половины. Не только офицеры, но и генералы не выдѣлялись изъ общаго уровня нужды, лишеній, нищеты, оставаясь, напримѣръ, въ сапогахъ безъ подошвъ. Но впереди ихъ ожидало *еще болѣе жестокое и отчаянное испытаніе*...

Въ Гларисѣ Суворовъ разсчитывалъ на нѣкоторое матеріальное содѣйствіе и поддержку со стороны австрійскаго отряда Линкена, который долженъ бы быть здѣсь. Но тотъ, по обыкновенію австрійцевъ, безъ всякаго повода и права, отступилъ на Граубинденъ, не предувѣдомивъ даже Суворова. Армія Суворова не получила никакой поддержки и помощи; а между тѣмъ ей предстоялъ переходъ черезъ горный хребетъ Рингенкампфъ (Паниксеръ), который былъ въ высшей степени затруднителенъ, вслѣдствіе внезапно выпавшаго въ горахъ большого снѣга. Армія направлялась къ выходу изъ Швейцаріи, въ Куръ, гдѣ приказано было заготовить, къ 25-му сентября, провіантъ для русскихъ войскъ на два дня.

Въ ночь съ 23-го на 24-е сентября войска тронулись въ путь. Утромъ, узнавъ объ этомъ, французы бросились въ догонку. Когда вьючный обозъ еще втягивался въ горное ущелье, французы бросились въ атаку и сильно потрепали казаковъ. Но, на бѣду французовъ, арьергардомъ командовалъ Багратіонъ, одинъ изъ самыхъ даровитыхъ военачальниковъ, особенно удачно и сильно бившій французовъ во время итальянской и швейцарской кампаній. Не смотря на утомленіе и истощенность русскихъ войскъ, численность которыхъ была въ $2^1/_2$ раза менѣе, чѣмъ у французовъ (2.000 противъ 5.000 человѣкъ), несмотря на то, что граду французскихъ пуль и пушечныхъ ядеръ русскіе ничего не могли противопоставить, кромѣ штыка,—они не только отбивали атаки, но съ такой силой отбрасывали французовъ, что успѣвали переходить на другія позиціи и выстраиваться тамъ для новаго боя, постепенно однако подвигаясь при этомъ правильно впередъ. Убѣдившись, наконецъ, въ крайней убыточности для себя такого преслѣдованія русскихъ, французы прекратили его,—и послѣ полуночи 25-го сентября арьергардъ Багратіона спокойно продолжалъ путь.

Въ общемъ же итогѣ такимъ образомъ весь *многострадальный* путь русскихъ черезъ Швейцарію—*славный побѣдный путь*, безпримѣрный въ исторіи, заслуживающій тѣмъ бо́льшаго вниманія, что рѣшительно *все*, начиная съ природы и кончая людьми, *было противъ арміи Суворова*, не благопріятствовало ей.

Ночь же 25-го сентября была *страшною* ночью для русскихъ:

холодная, многоснѣжная, сырая, темная, съ бурнымъ вѣтромъ. По крутому подъему на высокій снѣговой хребетъ извивалась тропинка, допускавшая движеніе только въ одиночку. Большею частью она шла по косогору, иногда по отвѣснымъ обрывамъ, безпрестанно спускаясь въ глубокія пропасти съ горными потоками. Сначала люди вязли въ грязи, потомъ въ снѣгу, оставляя въ послѣднемъ измокшую, истоптанную обувь. Чѣмъ выше, тѣмъ становилось труднѣе. Войска карабкались на-обумъ, такъ какъ снѣгъ занесъ тропинку, проводники разбѣжались, а тучи обволокли все небо непроницаемою мглою. Къ ночи большая часть войскъ едва добралась до вершины горнаго хребта. Каждый остановился тамъ, гдѣ застала его непроницаемая ночная тьма. Такимъ образомъ люди въ промокшей легкой изношенной одеждѣ, въ негодной обуви или даже совсѣмъ безъ нея, голодные, утомленные карабканьемъ на четверенькахъ по горамъ, лишенные топлива,—были лишены даже послѣдняго согрѣвающаго средства—*движенія*, и, словно окаменѣлые, стояли беззащитные на вѣтру и вьюгѣ. Ужаснѣе такого положенія ничего нельзя себѣ представить. А къ утру еще и подмерзло... Безконечною казалась эта *адски-мучительная* ночь, бывшая для многихъ *послѣднею*. Не мало людей отморозили себѣ разные члены...

Спускъ съ горы 26-го сентября былъ даже труднѣе подъема, потому что вѣтеръ сдулъ снѣгъ и тропинки были покрыты льдомъ. Люди предпочитали скатываться съ горъ сидя; животныя же срывались и убивались. Къ полудню войска прибыли въ деревню Паниксъ, по ту сторону горнаго кряжа; вечеромъ они добрались до города Иланца, гдѣ имъ удалось добыть дровъ и обогрѣться. На слѣдующій день прибыли въ Куръ, гдѣ имъ дѣйствительно было приготовлено все необходимое, до мясной и винной порціи включительно. И эти люди, безропотно, съ холоднымъ мужествомъ перенесшіе сложную цѣпь *нечеловѣческихъ* бѣдствій,—наскоро подкрѣпивъ свои силы, съ необычайною бодростью и оживленіемъ принялись за починку своей и офицерской одежды и обуви. Лагерь разомъ закипѣлъ жизнью. Энергическая работа велась съ говоромъ, шутками, смѣхомъ, остротами и пѣснями. Нельзя было повѣрить, что эти люди на всемъ пути отъ С.-Готарда до Куры, втеченіе 17-ти дней, не знали ничего, кромѣ самыхъ отчаянныхъ лишеній, а нѣсколько часовъ тому назадъ—находились въ послѣдней степени *обездоленія*... Уже къ вечеру того же дня армія Суворова имѣла удовлетворительный видъ. Перваго же октября армія эта, въ совершенно обновленномъ видѣ, прибыла въ Федьдкирхъ и расположилась тамъ лагеремъ.

Несмотря на явную *противоестественность* условій этой

кампаніи, Суворовъ потерялъ изъ всего состава арміи лишь *третью* часть ея, т. е. столько, сколько уноситъ иногда *одна* битва. Такимъ образомъ хотя, Суворовъ не достигъ той цѣли, которая имѣлась въ виду при его отправленіи на театръ войны, но онъ достигъ *кое-чего даже большаго*. Обстоятельства такъ сложились, что онъ *долженъ былъ погибнуть* вмѣстѣ *со всею русскою арміею;* а между тѣмъ онъ *спасъ* ее *при обстоятельствахъ совершенно безнадежныхъ*,—спасъ именно, какъ армію *непобѣдимую* во все время этой *безпримѣрно-бѣдственной* и *безпримѣрно же славной кампаніи!..* Это—*вѣнецъ* его военнаго дарованія, блестящее подтвержденіе всей его военной теоріи. Императоръ Павелъ вполнѣ справедливо оцѣнилъ это, возведя Суворова въ званіе *генералиссимуса*, но признавъ при этомъ, что для него даже «*мало*» такой награды. Вмѣстѣ съ тѣмъ военной коллегіи было повелѣно сноситься съ Суворовымъ не «указами», а «сообщеніями».

Въ Петербургѣ только въ 20-хъ числахъ октября были, наконецъ, получены точныя извѣстія о швейцарской кампаніи и ея исходѣ. Но еще раньше этого произошелъ окончательный разрывъ съ Австріею. Какъ только императоръ Павелъ узналъ о пораженіи корпуса Корсакова, онъ безотлагательно написалъ (11-го октября) рѣзкое письмо австрійскому императору, въ которомъ обвинялъ австрійцевъ за пораженіе Корсакова, и объявилъ имъ *полный разрывъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало и распоряженіе Суворову заняться подготовленіемъ къ обратному походу въ Россію. Этотъ «разрывъ» произвелъ сильное впечатлѣніе въ Европѣ, которая была *поражена* швейцарскою кампаніею Суворова, представлявшею собою безпрерывный *подвигъ* глубоко-драматическаго свойства. Во всѣхъ мѣстахъ продолжительныхъ остановокъ (Линдау, Аугсбургѣ, Прагѣ) Суворовъ и его войска вызывали самыя восторженные и задушевныя овація. Отношеніе же лично къ Суворову граничило съ *благоговѣніемъ*. Русское общество гордилось Суворовымъ и восторженно покланялось ему. Павелъ I былъ, можно сказать, выразителемъ этого національнгго настроенія, Свои рескрипты онъ сопровождалъ изъявленіями самаго милостливаго расположенія къ генералиссимусу, говорилъ о своемъ съ нимъ единомыслі, спрашивалъ совѣтовъ, извинялся, что даетъ наставленія.

Даже спохватился до нѣкоторой степени и императоръ Францъ, приславшій Суворову большой крестъ Маріи-Терезіи, заявивъ при этомъ въ рескриптѣ:

«Я буду вспоминать, съ чувствомъ признательности, о важныхъ услугахъ, мнѣ и моему дому вами оказанныхъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оставилъ Суворову званіе австрійскаго фельдмаршала и жалованье въ 12.000 гульденовъ. Позже онъ еще разъ повторилъ Суворову заявленіе «*искренняго своего уваженія*» къ нему и «*признательности*» за «*услуги*», которыя, наконецъ, были-таки признаны.

Упиваясь славою и всеобщимъ поклоненіемъ, величайшій изъ генералиссимусовъ, проводя рождественскіе праздники 1799 года въ Прагѣ (въ Богеміи), съ юношескимъ увлеченіемъ предавался всевозможнымъ святочнымъ играмъ и забавамъ, которыя онъ страстно любилъ и обязательно справлялъ всегда со всею ширью русской натуры. Отель, въ которомъ онъ жилъ, привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе, осаждаемый множествомъ посѣтителей, ловившихъ каждое слово причудливаго хозяина, дорожившихъ малѣйшимъ его вниманіемъ. Даже его чудачества и причуды, на которыя онъ былъ особенно щедръ въ это время, ничѣмъ не затрудняясь и ни надъ чѣмъ не задумываясь,—принимались съ полною благосклонностью, какъ одно изъ доказательствъ этой *безпримѣрно-своеобразной* и *привлекательной* личности, по ея непосредственности, живости, остроумію, обширности и разносторонности познаній. Суворовъ въ это время всѣхъ *благословлялъ*,—и это установилось само собою, такъ какъ обращавшіеся къ нему искали его благословеній, дорожили ими.

Оставивъ Прагу, Суворовъ вскорѣ же почувствовалъ себя настолько нездоровымъ, что вынужденъ былъ остановиться въ Краковѣ. Не желая поддаваться болѣзни, онъ пробылъ въ Краковѣ нѣсколько дней, и отправился въ Кобринъ, гдѣ уже окончательно слегъ. Намѣреваясь пробыть въ Кобринѣ 4 дня, онъ тѣмъ не менѣе такъ сильно расхворался, что пролежалъ тамъ около 40 дней. Болѣзнь его началась сильнѣйшимъ кашлемъ, но затѣмъ осложнилась вередами по всему тѣлу. Болѣзнь быстро развивалась и осложнялась. Потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе, онъ обратился къ содѣйствію двухъ мѣстныхъ врачей. Болѣзнь однако все усиливалась. Въ виду этого, остававшійся все время при Суворовѣ князь Багратіонъ уѣхалъ съ донесеніемъ объ этомъ Павлу I-му. Тотъ немедленно же прислалъ къ Суворову сына его и лейбъ-медика Вейкарта. Суворовъ однако упорно отказывался систематически лечиться и ѣсть скоромное (тогда былъ великій постъ), говоря, что онъ— «солдатъ». Докторъ напомнилъ ему, что онъ генералиссимусъ. «Правда,—отвѣтилъ Суворовъ,—но солдатъ съ меня примѣръ беретъ».

Въ это время Павелъ относился къ нему внимательно и милостиво. Въ Петербургѣ же подготовлялся тріумфъ въ честь генералиссимуса, о чемъ вѣсть за вѣстью неслась въ Кобринъ.

Для Суворова были отведены комнаты въ Зимнемъ дворцѣ. Въ Гатчинѣ долженъ встрѣтить его флигель-адъютантъ съ письмомъ отъ Государя. Придворныя кареты высылаются до Нарвы. Войска выстроить шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицъ и далеко за заставою столицы. Они должны встрѣтить генералиссимуса барабаннымъ боемъ, криками «ура», пушечною пальбою, при колокольномъ звонѣ. Вечеромъ—иллюминація всей столицы.

Конечно, всѣ эти «вѣсти» дѣйствовали на Суворова существеннѣе лекарствъ Вейкарта, но, къ прискорбію, все оказалось *миражемъ*... Когда силы Суворова нѣсколько возстановились, его повезли въ Петербургъ, но со всевозможными предосторожностями: крайне медленно; въ лежачемъ положеніи, въ дормезѣ, на перинѣ, съ устраненіемъ встрѣчъ и проводовъ въ пути, чтобы не утомлять генералиссимуса, который и безъ того представлялъ теперь только тѣнь прежняго Суворова, всегда подвижнаго, какъ ртуть. Но, пока онъ былъ на пути въ Петербургъ, его ждалъ жесточайшій ударъ. При паролѣ 20-го марта 1800 года было объявлено въ Петербургѣ высочайшее повелѣніе:

«Вопреки высочайше изданнаго устава, генералиссимусъ князь Суворовъ имѣлъ при корпусѣ своемъ, по старому обычаю, непремѣннаго дежурнаго генерала, что̀ и дается на замѣчаніе всей арміи».

Въ тотъ же день послѣдовалъ и рескриптъ:

«Господинъ генералиссимусъ, князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій. Дошло до свѣдѣнія моего, что во время командованія вами войсками моими за границею, имѣли вы при себѣ генерала, коего называли дежурнымъ, вопреки всѣхъ моихъ установленій и высочайшаго устава; то и удивляясь оному, повелѣваю вамъ увѣдомить меня, что васъ побудило сіе сдѣлать».

Все это такъ мелко и ничтожно само по себѣ, а главное—неизмѣримо ниже той чрезмѣрной высоты, на которой стоялъ Суворовъ по заслугамъ, признаннымъ всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ!.. Невыразимо жестокія душевныя муки причинила больному Суворову эта несправедливая опала, и онъ, безъ того тяжко страдая, *горько сожалѣлъ*, *что не умеръ въ Италіи*... Да, не на радость онъ ѣхалъ въ Петербургъ!.. Всѣ приготовленія къ торжественной встрѣчѣ въ столицѣ были отмѣнены. Многіе изъ желавшихъ встрѣтить его,—тайно уѣхали въ Стрѣльну. Здѣсь они привѣтствовали Суворова, остававшагося въ дормезѣ, поднесли ему фрукты и цвѣты, поднимали дѣтей для его благословенія. Растроганный Суворовъ горячо благодарилъ привѣтствовавшихъ. Но нужно было торопиться, такъ какъ пріѣхать въ Петербургъ, ни вѣсть почему, обязательно было именно въ этотъ день. И вотъ заслуженнѣйшій, прославленный и почтенный Европою русскій полководецъ *тайно въѣхалъ*

въ свою столицу 20-го апрѣля въ 10 часовъ вечера, и медленно пробрался по улицамъ пустынной тогда Коломны въ домъ къ одному изъ своихъ родственниковъ, на Крюковомъ каналѣ.

Изъ дормеза Суворовъ непосредственно слегъ въ постель. Но его, чуть не умиравшаго отъ душевныхъ и тѣлесныхъ страданій, ждало еще *новое* и тяжкое *оскорбленіе*. Отъ имени Государя явился генералъ Долгоруковъ. Родственники Суворова, въ виду измученнаго его состоянія, не допустили генерала къ больному. Тогда посланный оставилъ записку, въ которой говорилось, что *генералиссимусу не приказано являться къ Государю*. Замѣчательно, что это передавалось *тому* именно, котораго, «не медля ни мало», звали въ Петербургъ «на совѣтъ и на любовь», котораго, съ другой стороны, всѣ западно-европейскія государства желали имѣть своимъ полководцемъ...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, болѣзнь Суворова, находившагося все время въ *колебательномъ* состояніи, глядя по душевному его расположенію, начала явно, систематически и быстро ухудшаться. Тяжелыя душевныя муки растравили старыя, не долеченныя раны: онѣ раскрылись, стали переходить въ гангрену,— и *изстрадавшійся* Суворовъ скончался 6-го мая 1800 года.

Такъ было «оцѣнено» и «отдано» ему давно-обѣщанное «*должное*». О смерти этого геніальнѣйшаго полководца, бывшаго гордостью и славою Россіи, прославившаго русское имя и въ нѣсколько разъ возвеличившаго политическое ея вліяніе и значеніе въ ряду всѣхъ другихъ государствъ, не было никакого заявленія въ печати. Но это только усугубило общественную скорбь по безвременной незамѣнимой утратѣ. Въ погребальной церемоніи, происходившей 12-го мая (тѣло было набальзамировано), гвардейскія войска не участвовали. Отсутствовали также и люди, привыкшіе кривить душою. Но это вовсе не помѣшало всему остальному Петербургу быть на похоронахъ Суворова, которыя, по свидѣтельству очевидцевъ, имѣли характеръ *глубокаго національнаго траура*. Процессія направлялась въ Александро-Невскую лавру среди сплошной массы народа, плотно покрывавшаго собою даже всѣ крыши. На углу Невскаго и Большой Садовой находился Павелъ I съ небольшою свитою. Когда приблизился гробъ, онъ снялъ шляпу,—и «*у него изъ глазъ капали слезы*»... Пропустивши процессію, онъ тихо возвратился во дворецъ, былъ грустенъ весь день, всю ночь не спалъ, и безпрестанно повторялъ: «*жалъ*»...

При отпѣваніи въ лаврѣ не было сказано надгробнаго слова. Но концертъ («Живый въ помощи Вышняго») былъ пропѣтъ такъ, что

вся церковь плакала, и со стороны присутствовавшихъ потребовались большія усилія, чтобы громко не разрыдаться, такъ какъ это *считалось опаснымъ*... При погребеніи Суворова, ему отданы были военныя почести по чину фельдмаршала, хотя, какъ извѣстно, онъ имѣлъ право и на большія почести...

Суворовъ такъ великъ, что справедливо признавалось даже невозможнымъ вознаградить его при жизни, — и величіе это даетъ себя чувствовать даже и теперь, черезъ сто лѣтъ, послѣ его смерти.

КОНЕЦЪ.

Центральная
Книгохранилище
Моск. Общ. Б-ка

Московская Центральная
Публичная Библиотека

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки разныхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить болѣе **100**. Цѣна книжекъ отъ **5** до **25** коп. До конца октября 1898 года выпущено **96** книжекъ. Въ составъ ихъ вошли слѣдующія сказки:

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА. 1) Дочь болотнаго царя. Съ портретомъ и біографіей Андерсена. Ц. 15 к. — 2) Райскій садъ. 8 к. — 3) Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. 10 к. — 4) Супъ изъ колбасной палочки, 6 к.—5) Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Свинья. Капля воды. 10 к.— 6) Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. 10 к.— 7) Снѣжная царица. 15 к. — 8) Анна-Лизбета. 5 к. — 9) Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. 5 к. — 10) На дюнахъ. 15 к. — 11) Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. 8 к. — 12) Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. 8 к. — 13) Колоколъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. 6 к. — 14) Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. 10 к. — 15) Камень мудрости. 8 к.—16) Большой морской змѣй. Свѣчи. 5 к.—17) Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. 6 к.—18) Дикіе лебеди. 8 к.—19) Сынъ привратника. 8 к. — 20) Морская царевна. Должна же быть разница. 10 к.— 21) Соловей. Жаба. 8 к.—22) Попутчикъ. 8 к.—23) Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. 6 к — 24) Калоши счастья. 10 к. — 25) Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. 8 к. — 26) Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. 8 к.—27) Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. 8 к. — 28) Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ — все хорошо. 10 к. — 29) Бутылочное горлышко. Подъ ивой. 10 к.—30) Дѣва льдовъ. 18 к.

СКАЗКИ ГАУФА. 31) Холодное сердце. Съ портретомъ и біографіей Гауфа. 18 к. 32) Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. 12 к.—33) Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. 15 к.—34) Карликъ-носъ. 12 к.—35) Приключенія Санда. 15 к.—36) Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. 10 коп.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. 37) Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ портретомъ и біографіей Густафсона. 10 к. 38) Пастухъ и принцесса. Такъ водится на войнѣ. Баржа. 10 к. 39) Храмъ истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скороспѣлки. Попугай и жаворонокъ. 10 к.—40) Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. 10 к. 41) Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. 10 к.

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ. 42) Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ портретомъ и біографіей Ж. Зандъ. 18 к.—43) Розовое облако. 12 к.—44) Великанъ Іеусъ. 15 к.—45) Крылья мужества. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева—25 книжекъ отъ № **46** до **70**-го. Цѣна каждой книжки—10 к.

СКАЗКИ КАРМЕНЪ СИЛЬВЫ. 71) Омуль. Замокъ Вѣдьмы. Съ 10-ю рис., портретомъ и біографіей Карменъ Сильвы. 15 к. — 72) Оленья долина. Близнецы. Чахлау. Съ 11-ю рис. 15 к.—73) Піатра Арса. Караиманъ. Вар-Фулькудеръ. Фурника. Съ 13-ю рис. 15 к.

СКАЗКИ ЛАБУЛЭ. 74) Мальчикъ съ пальчикъ. Маленькій человѣкъ. Доволенъ-ли ты? или приключеніе съ носами. Съ 16-ю рис., портретомъ и біографіей Лабулэ. 15 к.—75) Ивонъ и Финета. Съ 17-ю рис. 15 к.—76) Зербинъ-Бирюкъ. Золотое руно. Съ 21 рис. 18 к. — 77) Паша-Пастухъ. Фраголетта. Божьи гуси. Съ 25-ю рис. 15 к.—78) Бацъ-бацъ! Съ 13 рисунками. 15 к.

ИСПАНСКІЯ СКАЗКИ. 79) Оферо. На всякій случай. Дядя Корыстолюбіе. Съ 10 рис. 15 к. — 80) Птица-правда. Маленькая принцесса Нора. Казильда. Жена архитектора. Съ 10 рис. 15 к.

СКАЗКИ ПЕРРО. 81) Красная шапочка. Котъ въ сапогахъ. Спящая красавица. Синяя борода. Съ 5 рис., портретомъ и біографіей Перро. 15 к. — 82) Золушка. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Волшебницы. Кохликъ. Съ 10 рис. 15

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ Асбьернсена. 83) Сказка о кузнецѣ, котораго не пустили въ адъ. Сказка о хозяинѣ, взявшемся за бабье дѣло. Глупые мужья и злыя жены. Сказка про Иванушку-дурака, превзошедшаго во лжи принцессу. Сказка о парнѣ, ходившемъ къ Сѣверному вѣтру просить свою муку обратно. Съ портретомъ автора и 11 рис. 10 к.

АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ. Уйда. 84) Маленькій графъ. 15 к. — 85) Нюрнбергская печь. 15 к.—86) Принцесса Киска. Зѣвака. Умники изъ Готама. Кошачья шкурка. 15 к.

СКАЗКИ бр. ГРИММЪ. 87) Храбрый портняжка. 12-ть братьевъ. Ваня и Маша. Три пряхи. Съ портретами и біографіями авторовъ. 10 к. — 88) Сказка о добромъ молодцѣ, не знавшемъ страха. Вѣрный Иванъ. Три лѣсныхъ человѣчка. Старый Султанъ. 10 к.—89) Три золотыхъ волоса. Царевичъ-лягушка. Братецъ и сестрица. Бременскіе музыканты. Умница Эльза. 10 к. — 90) Золушка. Король Дроздова-борода. Счастливецъ Гансъ. Желѣзный Иванъ. 10 к.— 91) Три брата. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Заяцъ и ежъ. Гусятница у колодца. Духъ въ бутылкѣ. 10 к. — 92) Два брата. Докторъ всезнайка. 10 к. — 83) Барабанщикъ. Молодой великанъ. Могильный холмъ. Семь швабовъ. 10 к. — 94) Ослиный салатъ. Гвоздика. Золотой гусь. Женихъ разбойникъ. Три счастливчика. 10 к. — 95) Незабудочка. Умники. Четыре мастера своего дѣла. Мудрая королева. Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка. 10 к. — 96) Шестеро товарищей. Ранецъ, шайка и рожокъ. Волкъ и козлята. Бѣляночка. Розочка. Умный портняжка. 10 коп.

СПИСОКЪ КНИЖЕКЪ „СКАЗОЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ“ ПО ИХЪ ЦѢНАМЪ:

Книжки въ 5 к.: №№ 8, 9, 16.—**Книжки въ 6 к.:** №№ 4, 13, 17, 23.—**Книжки въ 8 к.:** №№ 2, 11, 12, 15, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27.—**Книжки въ 10 к.:** №№ 3, 5 6, 14, 20, 24, 28, 29, 36—41, 46—70, 87, 88, 89, 90 91, 92, 93, 94, 95 и 96.—**Книжки въ 12 к.:** №№ 32, 34, 43.—**Книжки въ 15 к.:** №№ 1, 7, 10, 33, 35, 44, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82 83, 84, 85 и 86.—**Книжки въ 18 к.:** №№ 30, 31, 42, 76.—**Книжки въ 25 к.** № 45. За всѣ 96 книжекъ 10 р. 60 к.

Московская Центральная Публичная Библиотека